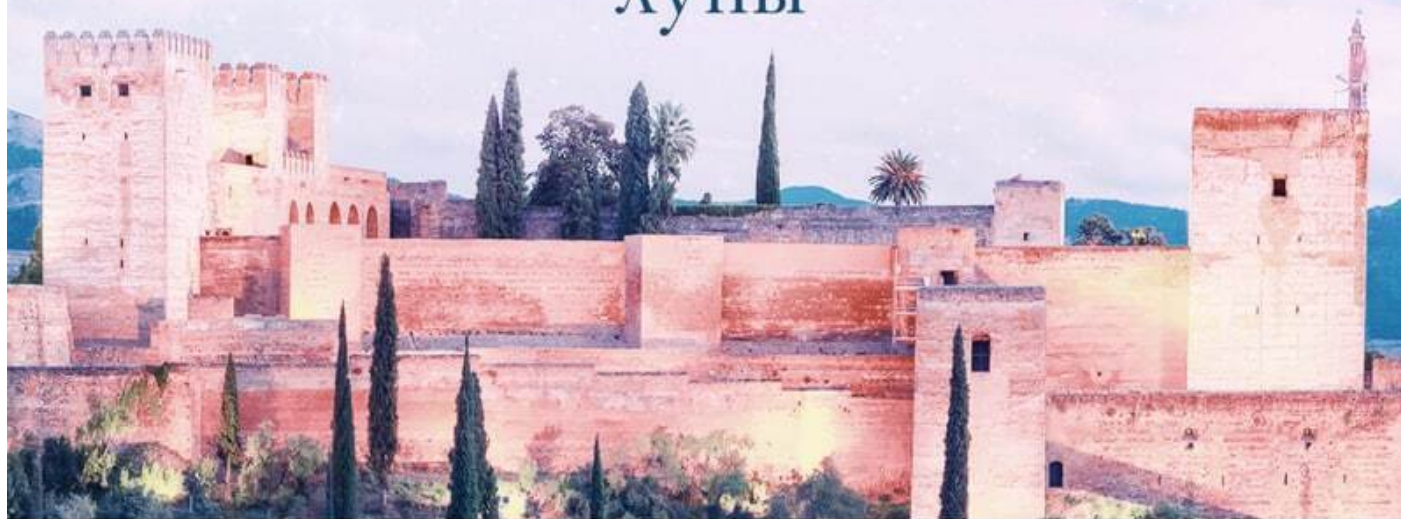

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Сестра
луны

INSPIRIA

Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра луны

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер. Сестра луны / Л. Райли — «Эксмо», 2018 — (Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-159340-7

Тигги Деплеси всегда жила в гармонии с природой. Поэтому она выбрала для себя работу с дикими животными. Но череда драматичных событий, в том числе смерть ее приемного отца Па Солта, заставляют Тигги многое изменить в своей жизни. Чтобы понять, кем она хочет быть на самом деле, Тигги отправляется в солнечную Испанию, Гранаду, где, как она подозревает, живет ее настоящая семья. Так Тигги погружается в неразрывно связанную с гражданской войной 30-х годов историю своих предков, испанских цыган, среди которых были прекрасные музыканты и, что интригует Тигги больше всего, одна великолепная танцовщица фламенко, чья история станет для «сестры луны» своего рода новой путеводной звездой. Как Люсинде Райли удалось стать одной из главных звёзд романтической прозы? Узнаете из статьи в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-159340-7

© Райли Л., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I	6
Тигги	7
1	7
2	20
3	24
4	34
5	49
6	60
7	67
8	75
9	82
Мария	86
10	86
11	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра луны

Lucinda Riley
The Moon Sister

© Lucinda Riley, 2018

© Красневская З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Жаклин

Подруге, неоценимой помощнице и сестре в другой жизни

Стань тем изменением, которое ты хочешь увидеть в этом мире.

Махатма Ганди

Часть I

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка в Атлантисе

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

Сестры Деппеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Тигги

Инвернесс, Шотландия

Ноябрь 2007 года

*Еж европейский
(Erinaceus europaeus)*

«Хотчивитчи» на языке рома, на котором разговаривают британские цыгане

1

– Я точно помню, где был и что делал в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

– Я тоже хорошо помню все подробности того дня.

Чарли Киннаирд пристально уставился на меня своими пронзительно голубыми глазами.

– И где же вы тогда находились?

– В заповеднике у Маргарет. Сгребала лопатой навоз, прибиралась за оленями. Конечно, хотелось бы заниматься чем-то более возвышенным, чем возиться с какашками. Но как было, так и было. На самом деле все нормально. Хотя... – Я нервно сглотнула подступивший к горлу комок. Интересно, каким таким макаром наш разговор, точнее, мой *допрос*, вдруг неожиданно для меня самой вырулил на тему смерти Па Солта? Я сидела в душной больничной столовой напротив доктора Чарли Киннаирда. Стоило ему только войти в помещение, и он тут же привлек к себе всеобщее внимание. Что сразу же бросилось в глаза. Ну, да, он, конечно, очень хорош собой: высокий, стройный, подтянутый, в элегантном сером костюме, явно сшитом на заказ у хорошего мастера. И эта копна волнистых каштановых кудрей на голове. Но не только поэтому он сразу же делается заметным в любом пространстве. В нем есть что-то, что безошибочно выдает человека, наделенного властными полномочиями. Несколько сотрудников больницы, сидевших за соседними столиками, потягивая свой кофе, тут же подняли на него глаза, когда он проходил мимо, и уважительно поздоровались. Но вот он подошел ко мне и протянул

руку для приветствия. Мы обменялись рукопожатиями, и я тут же почувствовала, как искра пробежала по всему моему телу. Он уселся на стул напротив меня и стал машинально вертеть своими длинными тонкими пальцами пейджер, выдавая тем самым едва заметную нервозность.

– Что значит «хотя», мисс Делеси? – с явно выраженным шотландским акцентом поинтересовался у меня доктор. Я поняла, что он отнюдь не собирается пока снимать меня с крючка, на который я сама же и попала.

– Мм, – протянула я неопределенно. – Видите ли, я до сих пор не уверена, что Па Солт умер. То есть, конечно же, он *умер*. Его больше нет, и все это знают. Разве стал бы он устраивать столь дурацкий розыгрыш вокруг своих похорон и всего остального, зная, какой болью отзовется его смерть в сердцах всех его дочерей? Однако у меня все время такое чувство, что папа где-то рядом.

– Что ж, если это приносит вам утешение, то такая реакция на смерть близкого человека представляется мне вполне нормальной, – отозвался доктор Киннаирд. – Мне многие безутешные родственники признавались потом, уже после похорон, что чувствуют рядом с собой присутствие того человека, которого они любили, но потеряли.

– Конечно, – промямлила я в ответ, невольно отметив про себя тот покровительственный тон, которым со мной беседуют. Впрочем, а чего хотеть? Мне лишний раз напомнили, что я разговариваю с врачом, то есть с человеком, который привык регулярно сталкиваться со смертью, с уходом из жизни тех, кто кому-то дорог.

– Забавно, однако, – вздохнул он, взял со стола пейджер и снова принялся вертеть его в руках. – А вот у меня... Я же говорил вам, что мой отец тоже недавно умер... Так вот, у меня все было по-другому. Меня потом долгие месяцы буквально изводили всякие кошмары. По ночам мне снилось, что отец *поднимается из могилы*! Представляете себе? И это было ужасно.

– Вы не были близки со своим отцом, да?

– К сожалению, не были. То есть он был моим биологическим отцом, но на этом все наши с ним отношения и заканчивались. У нас с ним было мало общего. А вы, как я догадываюсь, были очень близки со своим покойным отцом?

– Да. А ведь и я, и все мои остальные сестры, мы ему не родные дочери. Мы его приемные дети. Он удочерил всех нас еще в младенческом возрасте. То есть получается, что, по иронии судьбы, между ним и нами нет никаких родственных уз в привычном понимании этого слова. Но невозможно себе представить, что можно любить человека больше, чем любила его я. Он был изумительным, наш отец. Потрясающий человек!

Чарли невольно улыбнулся, услышав мою эмоциональную реплику.

– Что ж, это лишний раз подтверждает, что биология не всегда является главной и определяющей в наших взаимоотношениях с родителями. Все дело случая, не так ли? Лотерея, одним словом.

– Лично я так не считаю, – возразила я, вознамерившись все же оставить за собой право голоса. Собственно, я всегда так делаю. Даже при приеме на работу, во время собеседований, смело отстаиваю свое мнение. – Думаю, все мы не случайно посланы друг другу, а есть между нами кровная связь или ее нет, это не так уж и важно.

– То есть, по-вашему, все предначертано свыше, да? – Он бросил циничный взгляд на потолок.

– Да, я так считаю. Хотя и знаю, что многие со мной не согласятся.

– Боюсь, я уж точно не соглашусь. Я, видите ли, по роду своей деятельности кардиохирург. То есть практически ежедневно имею дело с человеческим сердцем. Которое мы, люди, привыкли романтизировать и наделять всяческими эмоциями и чувствами. Словом, сами грузим свое сердце избыточными проблемами. А моему взору предстает мускулистая ткань, самый

обычный мускул, зачастую утративший способность функционировать нормально. Меня ведь учили воспринимать окружающий мир исключительно с научной точки зрения.

– Ну, при желании науку тоже можно одухотворить, – снова возразила я в ответ. – Я тоже интенсивно занималась самыми разными научными исследованиями и могу со знанием дела утверждать, что многие вещи вокруг нас наука пока бессильна объяснить.

– Вы правы. Однако... – Доктор Киннаирд мельком глянул на свои часы. – Однако мы с вами порядком уклонились от темы нашего разговора, а я уже через пятнадцать минут должен быть на рабочем месте. Поэтому давайте снова вернемся к нашим делам. Что именно Маргарет успела рассказать вам об имении Киннаирд?

– Она сообщила мне, что это более сорока тысяч акров дикой природы. А также сказала, что вы ищете человека, который знает местную фауну, то есть тех животных, которые могут обитать в этой среде. В частности, она упомянула о диких европейских кошках.

– Все верно. После смерти отца имение перешло ко мне. Отец использовал его, главным образом, для собственных увеселений на протяжении многих и многих лет. Охота, рыбалка... Все эти стрельбища, сопровождающиеся обильной выпивкой, полностью опустошающей все запасы местных винокурных заводов. Словом, на экологию моему отцу было глубоко наплевать. Впрочем, если быть справедливым до конца, то вина лежит не только на нем. И его отец, и его дед, и прадед, словом, все прежние хозяева Киннаирда, владевшие этими территориями на протяжении последнего столетия – все они были счастливы получать деньги за заготовку и продажу корабельного леса. А остальное их мало интересовало. Стояли себе в сторонке и тарасились с довольным видом на то, как безжалостно, под корень, вырубались огромные массивы наиценнейших сосновых лесов. Настоящий Каледонский лес, между прочим. А им в то время и дела не было до всего этого. Но *мы-то с вами* живем уже в другое время. И в наш просвещенный век нам есть дело до всего. В том числе и до всех тех проблем, что связаны с защитой окружающей среды. Конечно, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что время нельзя повернуть вспять, нельзя остановить все эти разрушительные процессы... Во всяком случае, такое едва ли случится при моей жизни. Но я хочу хотя бы начать. Вот нанял себе в имение самого лучшего управляющего во всей Высокогорной Шотландии. Он займется реализацией проекта по восстановлению лесов. Потом привели в порядок охотничий домик, в котором жил отец. Будем сдавать его в аренду за умеренную плату тем гостям, которые захотят вдохнуть свежий воздух нашего Высокогорья, а заодно и поохотиться, но все организовано, все под контролем.

– Конечно, – вяло согласилась я, стараясь ничем не выдать охватившую меня дрожь.

– Вы, как я понимаю, не одобряете все эти охотничьи развлечения? Даже если это на пользу популяции животных?

– Нет, я не одобряю такого способа регулирования поголовья. Убивать невинное создание... Нет! Хотя умом и понимаю, для чего это нужно, – поспешно добавила я. Как-никак, мысленно укорила я саму себя, а мне предлагают работу в высокогорном шотландском имении. А в этих местах охота на оленей широко распространена и разрешается законом.

– С вашим опытом и знаниями, вы, вне всякого сомнения, отлично представляете себе, какой колоссальный урон был нанесен дикой природе Шотландии человеком. Нарушился естественный баланс сил со всеми вытекающими отсюда последствиями. Практически полностью уничтожены популяции таких «санитаров леса», какими были в свое время волки и медведи. А в результате поголовье оленей стало стремительно увеличиваться. Их численность уже вышла из-под контроля. Сегодня в числе самых неотложных задач, стоящих перед нами, находится и эта: максимально снизить поголовье оленей. Но постараемся действовать гуманно и по всем правилам.

– Понимаю. Но хочу быть с вами предельно откровенной. Я никогда не смогу помочь вам во всем том, что связано с организацией охоты. Я привыкла защищать животных, а не убивать их.

– Вполне понимаю ваши чувства. Я, кстати, просмотрел ваш послужной список. Ваше резюме очень впечатляет. Как и наличие научной степени в области зоологии. Вы ведь, как я понимаю, специализируетесь на защите и охране животных, так?

– Да. В университете я изучала анатомию, биологию, генетику, разнообразные поведенческие модели животных в дикой природе. Все это бесценные знания. После окончания университета я какое-то время проработала в женевском зоопарке Сервион. Но вскоре поняла, что мне гораздо интереснее заниматься непосредственно дикими животными, возиться с ними, ухаживать, чем наблюдать за животными отстраненно, исследуя их ДНК в чашечках Петри. Я... у меня есть какое-то естественное чувство сродства с ними. И хотя у меня нет ветеринарного образования, я могу, при необходимости, помочь им, когда они больны. У меня это выходит как-то само собой. – Я неловко повела плечами, немного засмутившись от того, что, сев на своего любимого конька, невольно расхвасталась.

– О, Маргарет очень высоко отзывается о ваших способностях. Она рассказывала мне, что вы отменно выхаживали диких кошек в ее заповеднике.

– Разумеется, какую-то повседневную работу я, да, действительно выполняла. Однако настоящим экспертом в этом деле можно назвать именно Маргарет. Мы очень надеялись, что уже в этом году получим первое потомство диких кошек, что, кстати, является частью программы по возрождению дикой фауны. Однако, к великому сожалению, заповедник закрывается, а всех животных переселяют в другие места. Так что пополнения нашей популяции диких кошек мы едва ли дождемся. Скорее всего, они могут и вовсе отказаться от брачных игр в этом году. Ведь дикие кошки по своей природе очень чувствительны к любым переменам.

– Кэл Маккензи, мой управляющий, говорит то же самое. Вообще-то он совсем не в восторге от того, что нам предстоит приютить у себя кошек. Но ведь дикие кошки – это неотъемлемая часть шотландской фауны, а сегодня они стали настоящей редкостью. А потому я считаю, что наш долг помочь сохранить весь выводок. А Маргарет, со своей стороны, полагает, что если кто и поможет животным поскорее адаптироваться на новом месте, так это только вы, Тигги. Так вы не против понаблюдать за ними в течение нескольких недель, пока они не освоятся полностью в нашем имении?

– С удовольствием помогу. Однако, как мне кажется, одного ухода за дикими кошками явно недостаточно для полноценной загрузки на весь рабочий день. Чем еще я могу быть полезной здесь?

– Если честно, Тигги, то пока у меня еще не было времени обдумать как следует и во всех подробностях наши планы на будущее. У меня полно работы здесь, в клинике. А тут еще все эти хлопоты, связанные со вступлением в законные права наследования после смерти отца. Словом, дел по горло. Но мне бы очень хотелось, чтобы, пока вы будете с нами, вы занялись бы изучением нашего парка с точки зрения пригодности здешних земель для разведения и других диких животных. Так, к примеру, я мечтаю опять заселить наши леса обычными белками и горными зайцами, которые когда-то в изобилии водились в наших краях. Я даже подумываю о том, чтобы поселить здесь диких вепрей и оленей вапити. А еще мечтаю снова развести лосося в наших горных реках и озерах. Даже собираюсь заняться сооружением специальных запруд, чтобы заставить их нереститься на территории нашего парка. Словом, здесь бездна возможностей. Но главное – это правильно распорядиться имеющимися ресурсами.

– Да, звучит впечатляюще, – согласилась я с ним. – Хотя хочу предупредить вас сразу же, рыбы – это не моя специализация.

– Само собой! Со своей стороны, я тоже хочу *предупредить вас*, что пока финансовое состояние моих дел таково, что я могу предложить вам только оклад плюс проживание. Но

я вам буду крайне признателен за любую помощь. Несмотря на то что я очень люблю Киннаирд, времени заниматься им вплотную у меня попросту нет. А потому забот с этим имением полным-полно.

– Но вы же уже давно знали, что рано или поздно имение перейдет в ваши руки, – резонно заметила я.

– Конечно, знал. Но одновременно был уверен в том, что мой отец из породы, так сказать, бессмертных. Никогда не умрет. Наверное, он и сам так считал, коль скоро даже не озаботился тем, чтобы составить полноценное завещание. Так и умер, без завещания. Хорошо хоть, что я у него – единственный наследник, а потому завещание в этом случае – всего лишь пустая формальность. Но бумажной работы при таком раскладе изрядно прибавилось. А мне оно нужно было? Вся эта бюрократическая волокита... Впрочем, по словам моего нотариуса, к январю со всей этой писаниной должно быть покончено.

– А как он умер, ваш отец? – спросила я.

– По иронии судьбы, он умер от сердечного приступа. Его даже вертолетом доставили ко мне сюда, в эту клинику. – Доктор Киннаирд подавил тяжелый вздох. – Правда, к этому момент он уже отошел в мир иной, причем весь в клубах спиртного. Вскрытие позже подтвердило присутствие большого количества алкоголя в организме.

– Наверное, пережить такое было совсем не просто, – невольно посочувствовала я своему собеседнику.

– Да, для меня смерть отца стала настоящим ударом, – согласился он со мной.

Он снова стал лихорадочно крутить в руке пейджер, выдавая тем самым свою внутреннюю нервозность.

– Так может, лучше продать имение, коль скоро вам оно не нужно?

– Продать земли, которыми мои предки владели более трехсот лет? – Доктор Киннаирд возмущенно сверкнул глазами и издал короткий смешок. – Ну, знаете ли! Не хочу, чтобы потом всю оставшуюся жизнь меня преследовали духи умерших членов моей семьи! И потом, я же должен хотя бы попытаться. Сделать хоть что-то ради своей дочери Зары. Она обожает Киннаирд. Дочери уже шестнадцать. Если бы она могла, она бы с радостью оставила школу хоть завтра и перебралась бы в имение, чтобы работать в парке полный день. Но я сказал, что вначале она должна закончить школу и получить образование, а потом уже все остальное.

– Все верно. – Я бросила на доктора уважительный взгляд. «Однако по его лицу никогда не скажешь, что у него есть дети», – подумала я про себя. – «Тем более такие взрослые».

– Из нее со временем получится отличная помещица, – продолжил отец. – Но я все же хочу, чтобы для начала она определилась со своей жизнью: окончила университет, попутешествовала по миру. Словом, огляделась по сторонам, а уже потом приняла вполне осознанное решение – всецело посвятить свою дальнейшую жизнь нашему фамильному имению, твердо зная, что это именно то, чего ей хочется.

– А я вот уже с четырех лет твердо знала, чем хочу заниматься в будущем. Когда увидела в одном документальном фильме, как убивают слонов ради их бивней. После школы даже раздумывать не стала. Сразу же пошла в университет. Отказалась даже от свободного года, который обычно тратят на всякие путешествия по миру. Собственно, я нигде и не была толком. – Я слегка пожала плечами. – Работа заменила мне все путешествия. Познаю мир в процессе работы.

– Вот и Зара твердит мне то же самое. – Чарли Киннаирд слегка улыбнулся мне. – У меня такое чувство, что вы с ней должны отлично поладить. Понимаю, на сегодняшний день у меня один выход: бросить все здесь, – он широким взмахом руки обвел пространство вокруг себя, – и всецело посвятить свою жизнь имению. Во всяком случае, до тех пор, пока на смену мне не придет Зара. Но вся проблема в том, что на сегодняшний день наше имение финансово несостоятельно, и до тех пор, пока мы здесь не приведем все в относительный порядок, я не

могу отказаться от своей каждодневной работы. А потом, признаюсь вам как на духу, я вовсе не уверен в том, что уже прямо сейчас готов вести жизнь деревенского помещика-лэрда. – Доктор снова глянул на свои часы. – Что ж, мне пора. А вам, я думаю, самое лучшее отправиться в Киннаирд и ознакомиться со всем уже там, прямо на месте. Пока еще снега немного, но сильные снегопады ожидаются буквально со дня на день. Вам ведь следует иметь в виду, что наше имение расположено в очень удаленном месте.

– О, я живу вместе с Маргарет в ее доме, можно сказать, затерянном посреди пустошей. Так что гульш меня не пугает, – напомнила я ему.

– Ну, дом Маргарет – это оживленный район Таймс-сквер в сравнении с Киннаирдом, – ответил он. – Я сейчас перешлю вам эсэмэской номер мобильного Кэла, а также сообщу номер обычного домашнего телефона в охотничьем домике. Если вы позвоните по одному из этих номеров или оставите свое сообщение на автоответчике, то он, рано или поздно, обязательно прочтает его и перезвонит вам.

– Ладно. Я...

Пейджер снова издал писк, оборвав меня на полуслове.

– Мне действительно пора бежать. – Доктор Киннаирд поднялся из-за стола. – Если у вас возникнут какие-то дополнительные вопросы, смело задавайте их мне эсэмэской. А если вы заодно сообщите, когда точно собираетесь отправиться к нам в горы, то я постараюсь выкроить время и присоединиться к вам. И очень прошу вас, пожалуйста, серьезно подумайте над моим предложением. Вы действительно очень нужны мне. Спасибо, Тигги, что согласились на встречу со мной. А сейчас я вынужден откланяться. Всего вам доброго.

– До свидания, – попрощалась я и машинально проследила за тем, как доктор, ловко лавируя между столиками, заторопился к выходу из столовой. Странно, но настроение у меня было приподнятое. Почему-то я изначально почувствовала некое сродство с этим человеком. Чарли Киннаирд показался мне таким знакомым, словно я знала его много лет. Можно сказать, всегда. А почему *бы и нет*, с другой стороны, коль скоро я верю в реинкарнацию? Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на только что состоявшемся разговоре и проанализировать все те эмоции, которые вызвал во мне этот человек. Словом, сформулировать для себя самые первые впечатления, так сказать. Самоанализ поверг меня в шок. Первой на появление мистера Киннаирда отреагировала совсем не та часть моего тела, как это было бы должно. Такая благодатная взаимная симпатия с потенциальным работодателем, человеком гораздо старше меня самой. Но ничего подобного! В душе моей отозвались совсем другие струны.

«*Нет!* – Я поспешно открыла глаза и тоже поднялась из-за столика, намереваясь уйти. И тут же принялась утешать себя. – *Что за ерунда лезет тебе в голову? У него почти взрослая дочь. То есть он гораздо старше, чем выглядит. И, вероятнее всего, женат*». Я стыдила себя всю дорогу, пока шла длинными больничными коридорами, и потом, когда уже вышла на улицу, где меня встретил туманный ноябрьский день. Над Инвернессом уже сгустились сумерки, хотя было еще только три часа после полудня.

Стоя в очереди на автобус, чтобы добраться до станции, я чувствовала, как меня сотрясает озноб, то ли от холода, то ли от пережитого возбуждения. Сама не могла толком разобраться в своем состоянии. Но при этом *знала точно*: предложенная работа меня заинтересовала. Даже несмотря на то, что она временная. Я достала свой мобильник, нашла эсэмэску от Чарли с телефоном Кэла Маккензи и тотчас же набрала его номер.

* * *

– Итак, – спросила у меня Маргарет, когда вечером того же дня мы с ней уселись возле камина с нашим традиционным вечерним напитком – чашечкой какао. – Как все прошло?

– Нормально. Вот собираюсь в четверг отправиться в имение Киннаирд.

– Отлично! – Маргарет тут же просияла, а ее ярко-голубые глаза зажглись на испещренном морщинами лице, словно два фонарика. – Ну и как тебе сам лэрд, как называют в наших краях помещиков?

– Он очень... мил. Да, был очень обходителен в разговоре со мной, – промямлила я. – Честно говоря, я ожидала увидеть совсем другого человека, – добавила я торопливо, надеясь в глубине души, что не выдала своего смущения краской на лице. – Думала увидеть человека гораздо старше. Такого лысого толстячка с объемным животом, безошибочно выдающим пристрастие к виски.

– Даже так? – весело рассмеялась Маргарет, видно, прочитав все мои мысли. – Нет, наш Чарли совсем не такой. Я его ведь знаю с самого раннего детства, можно сказать. Мой отец работал у них в имении еще на его дедушку. Чарли был таким славным молодым человеком. Хотя... хотя все мы понимали, что он совершает страшную ошибку, женись на той женщине. К тому же он был еще тогда так молод. Непозволительно молод! – Маргарет слегка округлила глаза. – Их дочь Зара славная девочка, по-моему. Правда, немного взбалмошна. Ну, да это простительно, если вспомнить, что детство у нее было не самым простым. Так расскажи мне, о чем конкретно вы беседовали с Чарли?

– Он попросил меня, наряду с присмотром за дикими кошками, изучить возможности завести на территории его природного парка и других диких животных, обитавших когда-то в тамошних местах. Но у меня такое впечатление, что сам он пока еще очень смутно... представляет себе весь объем работ. Пока никакой четкой организации там не прослеживается. Думаю, эта работа станет для меня временной, то есть до тех пор, пока я не обустрою наших кошек в новой для них среде обитания.

– Что ж, даже если эта работа и окажется временной, то уже само пребывание в имении Киннаирд многому тебя научит, как мне кажется. Может, там ты наконец начнешь осознавать одну непреложную истину: нельзя спасти всех животных, которые поступают под твою опеку. Да и не только животных. На людей это тоже распространяется. Хромая утка есть хромая утка, – обронила Маргарет, грустно улыбнувшись. – Тебе предстоит смириться с тем, что и у животных, и у людей, у каждого из нас, есть своя судьба, свой путь, который мы должны пройти до конца. Ты можешь только постараться чем-то помочь, но на этом все. Точка!

– Вы же знаете, Маргарет, я никогда не привыкну к виду страдающих животных. Никогда!

– Знаю, моя дорогая, знаю. Именно это твое качество, умение сострадать, и делает тебя такой непохожей на других. У тебя добрая душа, Тигги. Огромное сердце. Но, смотри, не надорви его раньше времени, не грузи его избыточными переживаниями.

– А что собой представляет этот Кэл Маккензи?

– О, на первый взгляд, грубоват, но в душе добряк и милашка. Такой он, наш Кэл. Вырос там. Киннаирд, можно сказать, у него в крови. Думаю, ты сумеешь много чему научиться у него. Да и потом, если ты не согласишься сейчас на это место, то куда еще тебе податься? Ты же знаешь, уже к Рождеству здесь не будет ни меня, ни наших животных.

В последние годы Маргарет сильно измучил артрит, и она наконец решила перебраться в небольшой городок Тейн, что в сорока пяти минутах езды от нашего сырого дома-развалюхи, в котором мы сейчас с ней ютимся. Здесь, в национальном заповеднике Дорнох-Ферт, вдоль узких берегов лимана раскинулись двадцать тысяч акров высокогорных земель. Последние сорок лет Маргарет трудилась в этом заповеднике, сплотив вокруг себя пеструю команду единомышленников. Все вместе они vyhаживали и давали приют спасенным животным.

– А вам не жаль покидать эти места? – уже в который раз спросила я у Маргарет. – На вашем месте я бы все глаза выплакала.

– Конечно, жаль. Но ты же помнишь, Тигги, чему я тебя учила. Все хорошее когда-нибудь кончается. Однако, по милости Божьей, может случиться что-то новое и даже более хорошее. Так какой же смысл грустить о прошлом? Лучше сконцентрироваться на том, что ждет тебя

вперед. Я ведь уже давно понимала, что рано или поздно мне придется уезжать отсюда. Это благодаря тебе и твоей бесценной помощи я прожила тут еще лишний год. К тому же в моем новом доме имеются батареи, и я могу включить тепло в любой момент, когда посчитаю нужным. Да и телевизионный сигнал там ловится круглые сутки. Можно будет смотреть телевизор хоть целыми днями напролет!

Она издала короткий смешок и растянула губы в широкой улыбке. Хотя в глубине души я была абсолютно уверена в том (благодаря своей хваленой интуиции, конечно), что едва ли Маргарет *сильно обольщается* на предмет собственного будущего. Просто пытается держаться браво. Права я или нет в своих догадках, но сейчас я подхватила ее со своего места и подбежала к ней, чтобы обнять.

– Маргарет, вы просто удивительная женщина. Вы и ваши животные, вы так многому меня научили. Я буду сильно скучать без вас.

– Ну, если ты согласишься поработать в Киннаирде, то скучать сильно не придется. Я ведь буду жить совсем неподалеку, по другую сторону долины. Так что, в случае чего, всегда охотно помогу тебе и словом, и делом в том, что касается ухода за дикими кошками. Тебе тоже придется время от времени навещать Денниса, Гиннесс и Кнопку. Они ведь будут очень скучать по тебе.

Я глянула на трех костлявых приятелей, греющихся возле камина: старый рыжий кот о трех лапах и две такие же древние тощие собаки. Всех их еще совсем маленькими детенышами когда-то спасла Маргарет, вынянчила и выходила.

– Вот съезжу в Киннаирд, увижу все собственными глазами и определюсь уже прямо на месте. В противном случае вернусь на Рождество к себе домой в Атлантис и там обдумаю, что мне делать дальше. Помочь вам улечься в постель?

Этот вопрос я задавала Маргарет каждый вечер, прежде чем отправиться к себе наверх, и каждый вечер получала один и тот же неизменный ответ, исполненный особой гордости и достоинства.

– Нет, спасибо, Тигги. Пожалуй, я еще немного посижу возле огня.

– Тогда спокойной ночи, дорогая Маргарет.

Я поцеловала ее в пергаментную щеку и стала подниматься по узкой неровной лестнице к себе в спальню. Когда-то это была спальня Маргарет, но со временем она поняла, что тратит слишком много сил, карабкаясь каждый вечер по крутой лестнице. А потому мы перенесли ее кровать вниз и поставили в столовой. К тому же нам просто повезло, что у хозяйки дома никогда не было лишних денег, чтобы оборудовать себе ванну рядом со спальней. А потому ванная комната тоже размещалась внизу, буквально в нескольких метрах от нынешней спальни Маргарет.

У себя в комнате я по очереди стянула с себя все свои дневные одежды, затем напялила такое же количество одежек, но уже для сна, после чего осторожно улеглась между холодными, как лед, простынями. Но все равно, думала я, пытаюсь согреться, в свое время я поступила правильно, приехав сюда, в заповедник, чтобы поработать в Шотландии. В разговоре с Чарли Киннаирдом я призналась ему, что с меня хватило и полгода работы в научно-исследовательской лаборатории зоопарка Сервион, чтобы понять, что меня интересуют не столько научные изыскания, сколько живая работа: я хочу ухаживать за животными и защищать их. А потому я немедленно откликнулась на объявление, которое случайно прочитала в Интернете и с готовностью перебралась в ветхий домик, примостившийся на берегу озера, чтобы помочь старой леди, такой же ветхой старушке, как и сам ее дом, разбитой к тому же артритом, ухаживать за дикими питомцами в заповеднике.

«Больше доверяй своим инстинктам, Тигги. Они никогда тебя не подведут».

Отец часто повторял мне это.

– Жизнь – это во многом интуиция и лишь совсем немного, самая капелька логики. Если научишься правильно соблюдать пропорцию между этими двумя компонентами, то любое решение, принятое тобою, окажется правильным, – добавил он уже в самом конце нашего разговора, когда мы с ним однажды стояли в его любимом саду в Атлантиде и наблюдали за тем, как над Женевским озером величаво поднимается полная луна.

Помнится, я тогда призналась Па Солту, что моя самая заветная мечта – это отправиться в один прекрасный день в Африку и работать там с дикими животными в естественной среде их обитания, а не разглядывать этих бедолаг сквозь решетки в вольерах зоопарка.

Я подобрала под себя ноги, свернувшись калачиком на холодной постели, чтобы хоть как-то согреться, и подумала, что пока моя мечта так и осталась нереализованной. Да уж, выхаживать диких кошек в шотландской глубинке – это тебе, конечно, не участие в соревнованиях Высшей Лиги.

Я выключила свет и стала мысленно представлять себе своих сестер. В свое время все они подшучивали надо мной, называли меня духовным гуру нашей семьи. Но я на них не обижалась. В детстве, по наивности своей, поскольку я еще не понимала, что не похожа на других сестер, я откровенно делилась со всеми, рассказывала сестрам о том, что видела или чувствовала. Так, однажды, когда я еще была совсем маленькой девочкой, я предупредила свою старшую сестренку Сиси, что не стоит ей сегодня залезать на ее любимое дерево. Потому что мне привиделось, будто бы она с него упала. Но Сиси лишь добродушно рассмеялась в ответ, сказала, что она залезала на это дерево уже тысячу раз, а я просто маленькая глупышка. Однако спустя всего лишь каких-то полчаса она таки *свалилась с дерева* и была страшно озадачена тем, что мое пророчество сбылось. Зато я с тех самых пор научилась держать свой язык за зубами, когда мне что-то там «открывалось». Знала и знала себе. Вот, к примеру, и сейчас я точно знаю, что папа не умер...

Потому что, если бы он умер по-настоящему, я бы точно почувствовала тот момент, когда его душа воспарила над землей. А так я практически ничего не почувствовала, когда мне позвонила Майя. Разве что шок от самого известия. Что и понятно. Ведь новость застала меня, как говорится, врасплох, совсем неподготовленной. Я не получила из космоса никаких предупредительных знаков о том, что должно случиться. Либо произошел какой-то сбой в настройке моей души, либо... Словом, пока я категорически отказывалась признать смерть Па Солта, не могла смириться с тем, что это правда.

Мысли мои снова вернулись к Чарли Киннаирду. Я стала прокручивать в голове все подробности нашего довольно странного с ним собеседования, которое случилось днем. И тут же почувствовала непривычную пустоту в желудке, стоило лишь вспомнить его выразительные голубые глаза и красивые руки с тонкими, длинными пальцами. А если еще подумать, сколько жизней спасли эти руки...

– Перестань, Тигги! – тут же одернула я себя. – Не сходи с ума.

Конечно, все дело в том, что я веду слишком уж затворнический образ жизни, и привлекательные, интеллигентного вида мужчины вовсе не выстраиваются в очередь у моих дверей, чтобы познакомиться. К тому же стоит подумать и о том, что Чарли Киннаирд по крайней мере лет на десять старше меня...

И все же, и все же... Я закрыла глаза, чтобы поскорее заснуть, и в эту самую минуту подумала, что уже с нетерпением жду тот день, когда отправлюсь в Киннаирд.

* * *

Спустя три дня я вышла из вагона крохотного состава, состоявшего всего лишь из двух вагонов, и ступила на перрон железнодорожного вокзала в Тейне. Сразу же направилась к изрядно потрепанному ленд роверу, уже поджидавшему меня на выходе из вокзала. При виде

меня человек, сидевший на месте водителя, опустил стекло и спросил с сильным шотландским акцентом.

– Вы – Тигги?

– Да. А вы – мистер Кэл Маккензи?

– Собственной персоной. Забирайтесь в машину.

Я села на пассажирское место рядом с водителем и стала возиться с дверцей, которая никак не хотела закрываться.

– А вы хлопните, что есть силы, – посоветовал мне Кэл. – Эта развалюха уже давно свое откатала. Впрочем, в Киннаирде полно всякого старья.

Внезапно у меня за спиной кто-то негромко гавкнул. Я повернулась назад и увидела огромного пса породы шотландская борзая, который вольготно устроился на заднем сиденье. Пес подался вперед, обнюхал мои волосы, а потом дружелюбно лизнул в лицо своим шершавым языком.

– Ну же, Тистл! Веди себя как положено! – строго приказал ему Кэл.

– Все в порядке, – тотчас же возразила я и потрепала собаку за ухом. – Я люблю собак.

– Это хорошо. Но все равно баловать его не стоит. Он ведь у нас рабочая собака. Что ж, трогаемся!

После нескольких безуспешных попыток Кэл все же завел двигатель, и мы двинулись по городским улицам, застроенным одинаково мрачными серыми домиками, крытыми шифером. Тейн – совсем крохотный городок: на весь город всего лишь один приличный супермаркет. Но при этом – центр огромной сельскохозяйственной коммуны. Очень скоро мы миновали городскую черту, и урбанистические пейзажи остались позади. Мы покатали по дороге, петляющей между невысокими, пологими горными склонами, заросшими кустами вереска и каледонскими соснами, разбросанными там и сям. Макушки гор прятались в густом тумане. Машина обогнула одну из скал, и справа от нас показалось озеро. В сероватой дымке с моросящим дождем оно показалось мне похожим на огромную серую лужу.

Я зябко поежилась, и это несмотря на то, что Тистл, который соблаговолил пристроить свою лохматую серую голову мне на плечо, приятно согревал своим горячим дыханием мою щеку. Я вспомнила, как почти ровно год тому назад в такую же пору вышла из самолета в аэропорту Инвернесса. Позади осталось лазурно-голубое, чистое швейцарское небо, искрящийся на солнце первый снег, уже покрывший верхушки гор, окружавших Атлантис. И вот меня встретила мрачно-серая копия швейцарского зимнего пейзажа. И все вокруг такое же унылое и серое. Пока такси везло меня к дому Маргарет, я всю дорогу удивлялась, какого черта я тут делаю и зачем потащила в такую даль. Но спустя год, прожитый мной в Высокогорной Шотландии, увидев своими глазами смену всех четырех времен года, я уже точно знала, что с наступлением весны все вокруг оживет, склоны гор покроются нежнейшими пурпурными соцветиями цветущего вереска, а озеро засияет прозрачной голубизной под падающими лучами шотландского солнца.

Я исподтишка глянула на своего спутника. Плотный, хорошо сложен, с обветренным лицом и с уже редющей рыжей шевелюрой на голове. Огромные ручки, сжимавшие руль, явно свидетельствовали о том, что привыкли к тяжелой физической работе: под ногтями застарелая грязь, кожа покрыта шрамами и ссадинами, костяшки пальцев покраснели от напряжения. Наверняка Кэл гораздо моложе, чем выглядит, подумала я. Что и не удивительно, учитывая, какой трудной и энергозатратной работой он здесь занимается. Ему где-то от тридцати до тридцати пяти, решила я.

Как и большинство тех, с кем я успела познакомиться, прожив в Шотландии почти год, Кэл тоже был неразговорчив. Привык к одиночеству и оторванности от всего остального мира.

«Но он очень добрый человек», – тут же услужливо подсказала моя интуиция.

– Вы давно работаете в Киннаирде? – нарушила я молчание первой.

– Можно сказать, с самого детства. Мой отец, мой дед, прадед и прапрадед, все они тоже трудились в Киннаирде. Я стал помогать своему отцу, едва научившись ходить. Впрочем, времена теперь другие, и много чего изменилось вокруг. Как на мой толк, так от всех этих перемен одни лишь проблемы. Вот и Берил, к примеру, совсем не в восторге от того, что к нам тут повадились толпы всех этих чужаков.

– А кто это Берил? – спросила я.

– Экономка в имении Киннаирд. Она заправляет в доме уже больше сорока лет.

– А что вы имеете в виду под «чужаками»?

– Да всех этих англичан с Юга. Весь этот богатый люд пачками устремляется сюда. Особенно перед Новым годом, когда мы, шотландцы, отмечаем свой национальный праздник Хогманай. Он выпадает на последний день года и длится целых два дня. Как правило, устраиваются всякие факельные шествия и другие развлечения с огнем. Тут такое в имении творится. Ясное дело, Берил все это не по душе. Вы у нас будете в Киннаирде первой гостьей после того, как тут отремонтировали дом. Всеми ремонтными работами заправляла жена хозяина, а она уж не поскупилась на затраты. От одних только сумм, которые проставлены в поступающих счетах, можно свихнуться. Просто голова идет кругом.

– Ну, со мной, надеюсь, у нее проблем не будет. Я привыкла к неприветливой жизни, – поспешила я заверить Кэла. Еще, не дай бог, подумает, что я какая-нибудь капризуля, взбалмошная принцесса на горошине. – Вы же наверняка видели дом, в котором живет Маргарет?

– Видел, и не раз! Маргарет приходится мне даже какой-то дальней родней. Кузина одного из моих кузенов, что-то вроде этого... Да, собственно, все мы в этих краях так или иначе связаны родственными узами.

Мы снова оба замолчали. Но вот Кэл сделал резкий поворот влево, и мы увидели перед собой небольшую полуразрушенную часовню, на одной из стен которой болталось небрежно приколоченное гвоздем объявление: «Продается». Дорога стала еще уже, потом мы выехали на открытое пространство и понеслись вперед между каменными изгородями по обеим сторонам дороги. На пастбищах, раскинувшихся за оградами, мирно пасся скот: коровы и овцы.

Впереди на горизонте уже стали сгущаться свинцовые тучи, зависшие над горными вершинами. Изредка мимо нас проносились хозяйственные постройки и дома фермеров. Из труб домов валил густой дым. Быстро темнело, а проселочная дорога становилась все более неровной: сплошные рытвины и ямы. Судя по всему, подвеска в этом стареньком лендровере отсутствовала как таковая. Кэл проявил чудеса маневренности, миновав несколько горбатых мостиков, перекинутых через бурлящие потоки воды. Из-под колес летели камни, они падали в воду, вода в ответ вскипала белой пеной и обдавала своими струями капот. Все указывало на то, что мы упорно, хотя и с трудом, поднимаемся в гору.

– Еще далеко? – поинтересовалась я у Кэла, глянув на свои часы. Мы уже провели в пути более часа.

– Нет, уже почти приехали, – отозвался Кэл, и мы сделали еще один крутой поворот вправо. Узкая гравийка всего лишь в одну колею, не более, тоже была сплошь в рытвинах и ямах. Некоторые ямы были настолько глубокими, что грязь, выбивающаяся из-под колес, залепила все окна. – Вон впереди уже показался вход в поместье.

И действительно, фары выхватили из темноты две каменные колонны. Но было слишком темно, чтобы разглядеть что-то еще.

– Почти у цели, – ободряющим голосом обронил Кэл, когда мы изловчились, проскочили во двор и покатали по неровной подъездной дороге, подпрыгивая на каждой кочке. Лендровер взял еще один крутой подъем. Колеса отчаянно вращались, пытаясь зацепиться за хлюпающую по ним грязную жижу, в которую превратилась дорога. Но вот Кэл нажал на тормоз. Двигатель облегченно заскрежетал и умолк.

– Добро пожаловать в Киннаирд! – громогласно провозгласил Кэл, распахивая дверцу автомобиля и выбираясь наружу.

А он легок на подъем, отметила я про себя, и это несмотря на всю свою грузность. Кэл обошел машину, открыл дверцу для меня, подал руку, чтобы помочь выйти.

– Я сама, – отказалась я от помощи, выпрыгнула и тут же угодила в лужу. Ко мне немедленно подпрыгнул Тистл, сочувственно лизнул и побежал вперед по дорожке, обнюхивая знакомые места. Пес явно обрадовался тому, что снова оказался дома.

Я задрала голову и взглянула на дом. Он стоял, облитый лунным светом, и его четкие контуры хорошо просматривались на фоне ночного неба. Остроконечная крыша, печные трубы, похожие на башенки, взметнулись ввысь, отбрасывая густые тени. Теплый свет, льющийся из высоких окон в деревянных переплетах, выхватил из темноты крепкие, прочные стены здания, сложенные из глинистого сланца.

Кэл забрал мою дорожную сумку с заднего сиденья машины и, обогнув дом, повел меня напрямик к черному ходу.

– Это вход для слуг, – пояснил он, старательно очищая ноги о решетку, лежавшую перед дверью. – Парадным входом пользуется только сам хозяин, члены семьи и его гости.

– Поняла, – ответила я, переступая порог прихожей, и меня сразу же обдало живительным теплом.

– Ого! Ну и жарница тут! Словно в печке, – немедленно пожаловался Кэл, пока мы с ним шагали длинным коридором, в котором все еще сильно пахло свежей краской. – Жена нашего лэрда установила тут какую-то заумную отопительную систему, а Берил пока еще не научилась, как правильно регулировать температуру. Берил! – гаркнул он во весь голос, когда мы вошли в просторную кухню – сплошной модерн, все супер-пупер, освещаемую множеством лампочек, смонтированных прямо в потолок.

Я слегка прижмурилась, чтобы адаптировать глаза к свету, а затем принялась разглядывать интерьер. Массивный, сверкающий чистотой кухонный блок прямо посреди комнаты. У стен расположились ряды буфетов, а также шкафчиков для посуды и прочей кухонной утвари. Тут же рядом с ними примостились две огромные ультрасовременные плиты. Прямо не плиты, а самые настоящие произведения искусства.

– Дизайн по высшему классу, – коротко прокомментировала я увиденное.

– Что правда, то правда. Видели бы вы, что тут творилось на этой кухне после смерти старого хозяина. Стены заросли многовековой сажей и копотью, плюс полчища мышей, вольготно разгуливающих повсюду. Однако вся нынешняя красота может пойти прахом, если Берил не научится пользоваться этими прибабасами, включая и плиты. Она ведь всю свою жизнь кухарила на старой плите. А чтобы освоить эти и научиться на них готовить, нужно, по меньшей мере, владеть компьютером.

В этот момент в кухню вошла элегантная худенькая женщина. Седые волосы аккуратно сколоты на затылке в объемный пучок. Слегка продолговатое лицо, нос, немного похожий на клюв ястреба. Я почувствовала, как она тут же впиалась в меня пристальным взглядом своих голубых глаз.

– Полагаю, вы – мисс Деппеси? – спросила она хорошо поставленным голосом с едва заметным шотландским акцентом.

– Да. Но, пожалуйста, зовите меня просто Тигги.

– Хорошо. А меня все в доме зовут просто Берил.

Я подумала, что это имя не совсем ей подходит. В моем представлении, Берил – это такая пышногрудая матрона, краснощекая, с огромными, загрубевшими от работы ручищами, которым хватает дел с утра и до позднего вечера. А тут красивая, ухоженная женщина, немного суровая на вид, в черном платье безупречного покроя, как и пристало экономке в приличном доме.

– Спасибо, что согласились приютить меня на сегодняшнюю ночь. Надеюсь, я не доставлю вам слишком много хлопот. Ведь у вас и без меня дел хватает, – проронила я слегка заплетающимся языком, невольно робея перед экономкой, словно первоклашка перед учительницей. Берил держалась с тем врожденным достоинством, которое невольно вызывает уважение.

– Вы голодны? Я тут сварила суп. Единственное, что я пока научилась готовить на новой плите. Еще не изучила все программы досконально и до конца. – Она взглянула на Кэла и мрачно улыбнулась. – Хозяин предупредил меня, что вы вегетарианка. Как насчет моркови и кориандра в дополнение к супу?

– Это будет просто замечательно. Спасибо.

– Что ж, тогда я, пожалуй, пойду к себе. Оставляю вас одних, – бросил нам Кэл. – Мне еще нужно запарить в сарае оленин головы, оставшиеся после вчерашней охоты. Спокойной ночи, Тигги. Сладких вам снов на новом месте.

– Спасибо, Кэл. Вам тоже всего самого доброго, – ответила я, отчаянно пытаюсь подавить позывы к рвоте, которые вызвали у меня его последние слова.

– А вы, Тигги, ступайте за мной наверх, и я покажу вам вашу спальню, – поторопила меня Берил, указывая направление, в котором надо двигаться. В конце коридора мы вышли в огромный парадный холл с вымощенным каменной плиткой полом. Такой же огромный каменный камин у одной из стен, над которым красуется голова оленя, украшенная массивными развесистыми рогами. Экономка повела меня наверх по лестнице, устланной новой ковровой дорожкой. Все стены вдоль лестницы, а также и вокруг просторной лестничной площадки, сплошь увешаны портретами предков хозяина. Берил открыла дверь, ведущую в огромную спальню, интерьер которой был выдержан в мягких бежевых тонах. Центральное место в комнате занимало огромное ложе под балдахином, задрапированное покрывалом из красного тартана. Воистину, кровать являлась главным украшением спальни. Возле камина разместились два кожаных кресла с пышно взбитыми подушками на них. Рядом, на низком столике из отполированного до блеска красного дерева стояли две антикварные лампы в латунной оправе. Из-под абажуров лился мягкий свет, освещающий всю комнату.

– Как красиво! – невольно восхитилась я. – Прямо чувствую себя постоялицей в каком-нибудь пятизвездочном отеле.

– Старый хозяин спал в этой комнате вплоть до своей кончины. Он бы сейчас с трудом узнал свою прежнюю спальню... Особенно ванную комнату. – Берил указала на дверь слева. – Раньше он пользовался этой комнатой как гардеробной. Там и стульчак стоял с ночным горшком. Потому как туалет находился на другом конце коридора. Не совсем удобно, как понимаете.

Берил подавила тяжелый вздох. По выражению ее лица было понятно, что мысли экономки сейчас витают в прошлом. Возможно, она и по сей день тоскует по тем временам.

– Между прочим, я вам, пожалуй, отведу роль подопытной морской свинки. На собственном опыте проверите, исправно ли работает все оборудование в ванной комнате. После того, как примете душ, расскажете мне, сколько времени прошло, пока в кранах появилась горячая вода.

– О, с удовольствием поэкспериментирую. Знаете, там, где я сейчас живу, горячая вода – это такая редкость.

– Вот и отлично! Да, нам еще не привезли из реставрационной мастерской наш старый обеденный стол для столовой. Поэтому, как мне кажется, лучше будет, если я подам вам ужин прямо сюда, в спальню.

– Как вам будет проще, Берил.

Она молча кивнула в ответ и удалилась из спальни. Я присела на краешек кровати. Матрас на ощупь очень удобный. Надеюсь, со мной у Берил будет немного хлопот. Однако этот

дом... Вот уж никак не предполагала, что здесь царит такая роскошь. Я поднялась с кровати и направилась в ванную комнату. Мраморная облицовка стен, раковина, тоже отделанная мрамором. Рядом – ванна, чуть поодаль – душевая кабинка с мощным циркулярным душем под потолком. Я с нетерпением разделась, горя желанием побыстрее подставить себя под его горячие струи. Ведь столько месяцев мне приходилось совершать омовения в старенькой ванне с выщербленной эмалью, которая была в доме Маргарет.

– Какое блаженство! – выдохнула я, включая душ на полную мощь. После чего провела в душевой кабинке непозволительно долгое время. Выйдя наружу, я слегка обсохла, а потом укуталась в роскошный махровый халат, висевший на крючке на обратной стороне дверцы. После чего обсушила полотенцем свои непокорные кудряшки и вернулась назад в спальню. Берил уже успела принести мне ужин, поставив поднос на столик возле одного из кожаных кресел.

– Я принесла вам к супу еще немного сиропа из бузины, – сказала она, обращаясь ко мне.

– Спасибо. Докладываю касательно моих экспериментов. Горячая вода пошла сразу же и была очень-очень горячей. Прямо как кипяток.

– Отлично, – откликнулась Берил. – А сейчас садитесь ужинать. Спокойной ночи, Тигги.

С этими словами экономка вышла из комнаты.

2

Ни единый лучик дневного света не проник в комнату сквозь плотные драпри на окнах, а потому, проснувшись, я вынуждена была включить ночник, чтобы узнать, который час. И, к своему удивлению, обнаружила, что уже около восьми утра. Можно сказать, заспалась так заспалась. Ведь обычно я просыпаюсь в шесть и сразу же отправляюсь кормить своих животных. Я кое-как сползла со своего роскошного ложа и направилась к окнам, чтобы раздвинуть ночные шторы. Раздвинула и тут же непроизвольно издала восхищенный возглас при виде красивейшей панорамы, представшей моему взору.

Киннаирд-лодж, как полностью назывался сам дом, был выстроен на одной из скал и развернут своим фасадом в сторону узкой долины. Лощина плавно спускалась к самой низине, туда, где извивалась и петляла небольшая речушка, потом опять взмывала вверх, по направлению к горным вершинам, раскинувшимся по другую сторону ущелья, с ослепительно белыми снежными шапками, похожими на такие огромные головки сахара. Все вокруг искрилось и переливалось в первых лучах утреннего солнца. Я слегка приподняла свежеевыкрашенную оконную раму, чтобы вдохнуть полной грудью морозный воздух Шотландского Высокогорья. Чистейший воздух с едва заметной ноткой запахов прелой листвы и оставшейся зелени, как обычно пахнет земля осенью. Все это скоро перегниет и превратится в ценнейший компост, столь необходимый по весне, когда все снова проснется и потянется к жизни.

Мне захотелось немедленно выскочить на улицу и с головой окунуться в красоту окружающего пейзажа. Я быстро натянула на себя джинсы и свитер, сверху набросила еще и лыжную куртку. На голову надела вязаную лыжную шапочку, на ноги – прочные полусапожки. Оделась и сразу же побежала вниз, к парадному входу. Дверь была не заперта: я вышла на улицу и принялась с восторгом разглядывать пейзаж поистине неземной красоты, представший перед моим взором. «Прямо как в раю», – невольно мелькнуло у меня в голове. Каким-то чудодейственным образом ничто не нарушало прозрачной тишины момента и всего окружающего великолепия: ни посторонних звуков, ни людей, ни животных, наверняка обитающих в этих местах.

– Вот это все мое, – прошептала я, вышагивая по покрытому ином газону, разбитому перед домом. Подмерзшая трава слегка поскрипывала под ногами. Внезапно что-то хрустнуло слева от меня. Я глянула в ту сторону и увидела между деревьев молодую косулю: большие заостренные уши, длинные ресницы, красновато-коричневый окрас в пятнышках. Но вот

косуля легко встрепенулась и тотчас же скрылась. У Маргарет загон, в котором паслись олени и косули, был очень большим. И все в нем было обустроено наилучшим образом, чтобы максимально приблизить условия существования животных, находившихся на реабилитации, к естественной среде обитания. Но все же, как ни говори, а загон есть загон: огорожен, как и положено, со всех сторон. А здесь, в Киннаирде, в распоряжении оленей и косуль тысячи акров свободных земель, огромные территории, на которых они могут резвиться и делать, что им захочется. Здесь у них есть та свобода, к которой привыкли все дикие животные. Правда, и угрозы тоже есть. Сегодня такой угрозой для них все чаще становится уже не другое дикое животное, их природный враг по определению, как это бывало в прежние времена. Сегодня главная угроза для них – это человек.

Впрочем, природа не гарантирует полной безопасности никому, подумала я. Даже человеку, самонадеянно возомнившему себя царем и повелителем земли. О, как же мы, люди, наивны, как заблуждаемся, веря в то, что мы непобедимы. Но сколько раз видела я собственными глазами, как бури и ураганы, посылаемые нам с небес, оборачиваются страшными бедствиями. Один мощный порыв торнадо, и вот уже сотни и тысячи нас сметаются безжалостно прочь с поверхности земли.

Я миновала половину склона, спускаясь вниз. Остановилась возле бурлящего ручейка, переполнившегося через край после сильного дождя минувшей ночью. Снова сделала глубокий вдох и огляделась по сторонам.

«Так я могу здесь пожить хотя бы какое-то время?»

«О да, да, да!» – радостно запела в ответ моя душа.

Впрочем, изолированность здешних мест *даже для меня* кажется чрезмерной. Такое впечатление, будто Киннаирд *находится где-то на другой планете*. Наверняка мои сестры снова примутся упрекать меня, говорить, что я сошла с ума, добровольно заточая себя в такой глуши, что мне нужно чаще бывать на людях, встречаться с подходящими мужчинами и все такое. Однако все эти веселенькие перспективы не пробуждают в моей душе музыку, и ей вовсе не хочется петь. Только на природе я ощущаю, что живу полноценной жизнью. Только на природе обостряются все мои чувства: я все вижу, все слышу, все замечаю. Словно парю над землей, сливаясь со всей вселенной. Вот и здесь, в Киннаирде, и я сразу же поняла это, душа моя расцветет, а все то, что я так старательно скрываю в себе, прячу от окружающего мира и близких мне людей, все это вырвется здесь наружу. Какое же это будет счастье – просыпаться каждое утро среди такого великолепия. Поистине, судьба преподнесла мне несказанный подарок.

– Что ты, папа, думаешь о моем переезде сюда, в Киннаирд? – спросила я, задрав голову к небу, всем сердцем надеясь получить ответ, установить наконец живую связь с человеком, которого я любила больше всего на свете. И снова мой вопрос остался без ответа, просто повис в воздухе. Что удручало. Я почти физически почувствовала, как меня накрывает волна разочарования.

В нескольких сотнях метров от Киннаирд-лодж я обнаружила чудесное местечко. Подошла к краю каменистого утеса и уставилась вниз, разглядывая пологие склоны, сплошь заросшие лесом. Место очень уединенное, можно сказать, такая сугубо приватная территория. Я стала карабкаться вниз по склону, намереваясь изучить площадку со всех сторон. Спуск оказался совсем не сложным. Вот и отлично! Получается, что я нашла идеальное место для Молли, Игоря, Пуузи и Полсона, наших четырех диких кошек, которых мы намереваемся транспортировать сюда.

Я потратила еще какое-то время, обойдя всю лощину вдоль и поперек и внимательно рассмотрев все вокруг. Лесистый склон горы обеспечит кошкам надежное укрытие, они будут чувствовать себя здесь в полной безопасности. А потом, когда они постепенно освоятся на новом месте и выйдут из своего загона на волю, они сами займутся изучением прилегающего ареала в поисках подходящих условий для обзаведения потомством. Но это все потом, в пер-

спективе... А пока же все складывается как нельзя лучше. Жилые постройки и само имение всего лишь в десяти минутах ходьбы отсюда. Что позволит мне ежедневно самой подкармливать животных, добираясь к ним даже по глубокому зимнему снегу. Испытывая чувство глубочайшего удовлетворения от своего неожиданного открытия, я стала снова подниматься по склону горы. Наверху отыскала неровную узенькую тропку, которая наверняка служила единственной дорогой, по которой можно было выбраться из этой узкой лощины.

И тут услышала гул работающего мотора. Оглянулась по сторонам и увидела Кэла. Тот высунулся из окна своего лендровера, явно обрадовавшись тому, что отыскал меня.

– Ну, наконец-то! И куда это вы запропастились? Берил уже давным-давно приготовила завтрак, поднялась к вам наверх, чтобы пригласить к столу, а вас и след простыл. Она перепугалась не на шутку. Сказала, что наверняка вас похитил Полоумный Мак Тавиш, наше местное привидение. Говорят, его призрак до сих пор обитает в доме.

– Ой, простите меня! Виновата, Кэл. Совсем забыла о времени. Такое прекрасное утро. Вот я и решила немного прогуляться, пройтись по окрестностям и осмотреться вокруг. Кстати, я нашла просто идеальное место, где можно будет соорудить загон для наших диких кошек. Вон там, внизу. – Я махнула в сторону скалы.

– А вот это хорошо! Ради такого можно было с легкой душой пожертвовать завтраком Берил. Да и ей такая встряска пойдет только на пользу. А то уж совсем рехнулась, бедняга. Конечно, переживания и все такое, ясное дело! Но не до такой же степени... Вы понимаете меня, да? – Кэл весело подмигнул мне, пока я устраивалась в машине на пассажирском месте рядом с ним, а потом еще какое-то время сражалась с дверцей, пытаясь закрыть ее. – Ее беда в том, что она до сих пор продолжает считать себя полноправной хозяйкой Киннаирд-лодж. Собственно, в каком-то смысле так оно и есть. Однако же, однако... Ну что, устроились? Тогда поехали.

Я молча кивнула, и мы двинулись в обратный путь.

– Дороги в наших краях опасные, когда выпадает снег, – заметил Кэл.

– Я всю свою жизнь прожила в Женеве. Так что привыкла водить машину по заснеженным зимним дорогам.

– Это хорошо. Такие навыки вам сильно пригодятся. Ибо впереди нас ждет много снега. Взгляните вон туда. – Кэл жестом показал, куда именно мне стоило смотреть. – Чуть выше того ручья, где этот березняк. Здесь олени укрываются на ночлег.

– Не сильно надежное укрытие, – отозвалась я, разглядывая просветы между голыми деревьями.

– Согласен. Да вот беда. Большинство лесного покрова, которое раньше было в этом ущелье, давно уничтожено. Сейчас мы пытаемся восстанавливать леса, но не все идет гладко. Делянки с молодыми саженцами надо огораживать, в противном случае олени уничтожат высаженные деревья на корню. Работы – непочатый край. Новый хозяин поместья затеял большое дело. Ах, Берил! Опять ты за свои старые фокусы. – Послышался противный скрежет мотора, и машина задержалась на месте. Кэл резко затормозил, а потом стал возиться с коробкой передач, чтобы снова запустить свой старенький лендровер. Машина еще немного поколеблялась, а потом ровно покатила вперед.

– Берил? – уставилась я на водителя удивленным взглядом.

– Ну да! – хохотнул в ответ Кэл. – Я ее так зову. Уж очень эта развалюха похожа на нашу капризную экономку. Такая же норовистая и упрямая. Хотя в целом, несмотря на все свои выверты, очень надежная.

Когда мы с Кэлом вернулись в Киннаирд-лодж, я тут же рассыпалась в извинениях уже перед настоящей Берил. Повинилась, что ушла из дома еще до завтрака, после чего почувствовала себя просто обязанной съесть хотя бы один сэндвич с пастой «Мармит», которые она, по ее словам, специально приготовила для меня, чтобы компенсировать пропущенную утреннюю

трапезу. Хотя, если честно, я никогда не была особой фанаткой этого спрея. Слишком уж он вязкий и безвкусный, так и липнет к зубам.

– Кажется, она меня недолюбливает, – тихонько пожаловалась я Кэлу, когда Берил вышла из кухни. А он, усевшись рядом, принялся помогать мне, уминая за обе щеки остальные бутерброды.

– Не обращай внимания, Тиг, – перешел он на «ты». – Бедняжка все еще пребывает в состоянии стресса, – заметил он проницательно, не переставая двигать челюстями и продолжая уничтожать сэндвич за сэндвичем. – Так в какое время ты собираешься отбыть восвояси? Есть подходящий поезд на три двадцать девять, но тебе самой решать.

Зазвонил телефон и оборвал наш разговор на полуслове. И тотчас же на кухне снова возникла Берил.

– Хозяин хочет поговорить с вами, Тигги. Можете подойти к телефону прямо сейчас? – спросила она у меня.

– Разумеется. – Я слегка кивнула головой Кэлу и проследовала за Берил по подсобному коридору в небольшую комнатку, которая, судя по всему, выполняла функции такого мини-офиса.

– Оставляю вас здесь одну. – Экономка кивнула на телефонный аппарат, стоявший на столе, и вышла вон, плотно прикрыв за собой дверь.

– Алло, – крикнула я в трубку.

– Алло! Тигги, это вы? Тысячу извинений за то, что не смог вырваться в Киннаирд и составить вам компанию. К сожалению, в больнице случилось несколько экстренных операций.

– Все в порядке, Чарли, – бодро солгала я в ответ, хотя на самом деле была *сильно разочарована* его отсутствием.

– Ну, и как вам Киннаирд?

– Думаю... Замечательное место! Одно из самых красивых, виденных мною. Прямо дух захватывает от здешних красот. Кстати, Чарли. Я уже тут присмотрела одно подходящее местечко для наших диких кошек.

– Правда?

– Чистая правда, – ответила я и принялась рассказывать, где именно обнаружила это место, странствуя по территории поместья.

– Ну, если вы считаете, Тигги, что оно подходит для ваших питомцев, то я только «за». А что же вы сами? Определились со своим решением? Сможете переселиться сюда вместе с ними?

– Я... Да, мне здесь очень понравилось, – выдохнула я в трубку и невольно улыбнулась. – Если честно, то я просто влюбилась в Киннаирд.

– Так вы согласны пожить какое-то время в имении?

– Да, согласна, – ответила я, не раздумывая. – Вне всякого сомнения, согласна.

– Но это же... это здорово! Честное слово! А уж как Кэл будет счастлив, и говорить не стану. Правда, мы еще с вами не обсудили условия оплаты и другие пункты контракта. Не будете ли вы столь любезны, чтобы изложить мне свои требования в письменной форме и отправить их по электронной почте? Что, если мы с вами оговорим начальный срок, скажем, в три месяца?

– Вполне приемлемый срок, Чарли. Хорошо, договорились. Я перешлю вам свой ответ по электронной почте.

– Замечательно! С нетерпением жду того момента, когда смогу уже сам показать вам наши места во всей их красе. Надеюсь, Берил позаботилась о вас надлежащим образом и вам было комфортно в Киннаирд-лодж?

– О, она встретила меня как родную.

– Хорошо. Тогда я отправлю вам по почте проект нашего с вами договора, и если вы будете согласны со всеми его пунктами, то тогда, быть может, в начале декабря вы уже сможете переехать со своими кошками в Киннаирд?

– Сроки вполне реалистичные. Я согласна.

Тепло распрощавшись с Чарли, я положила трубку и невольно подумала, чем обернется это мое согласие в будущем. Вполне возможно, я только что сделала самый лучший выбор в своей жизни. А может, и самый худший.

Потом я пространно долго благодарила Берил за ее гостеприимство, после чего Кэл мельком показал мне простой деревенский домик, впрочем, вполне уютный внутри, в котором я буду обитать на пару с ним после того, как переселюсь сюда. Затем мы снова залезли в его лэндровер по кличке Берил, и Кэл повез меня в Тейн на железнодорожный вокзал.

– Так, значит, приезжаешь сюда вместе со своими кошками, да? – напрямую спросил у меня Кэл.

– Да, я согласилась поработать здесь какое-то время.

– Хвала небесам! – Кэл что есть силы ударил по рулю. – Меньше всего на свете мне хотелось возиться еще и с дикими кошками. У меня и без них забот полон рот.

– Я привезу их сюда в декабре. А это значит, что вам нужно будет обустроить для них подходящее жилище.

– Если нужно, значит, сделаем, Тиг. Какие тут могут быть разговоры? – снова перешел он на «ты». – Правда, мне надо будет еще посоветоваться с тобой на предмет того, что и как сделать, чтобы все было по высшему классу. Но все же здорово, что ты согласилась переехать сюда! Вот только один вопрос! Уверена, что справишься со здешним одиночеством? – поинтересовался он, пока мы подпрыгивали по ухабистой дороге, держа путь на выезд из поместья. – Ведь такую самоизоляцию может вынести далеко не каждый.

В этот момент из-за тучи вдруг вынырнуло солнышко и осветило всю долину, оставшуюся внизу позади нас. Окраины ее терялись в густых клубах тумана.

– Справлюсь, Кэл. Еще как справлюсь, – улыбнулась я в ответ, чувствуя, как меня переполняет радость. – Уверена, что смогу.

3

Следующий месяц промелькнул, как одно мгновение. Бесконечная череда печальных прощаний с нашими животными, по мере того, как мы вместе с Маргарет готовили их к отправке в другие места. Олень, две белки, ежики, совы и наш единственный маленький ослик, все были постепенно пристроены и переехали в свои новые дома, к новым хозяевам. Маргарет стоически сносила эту процедуру, держала себя, так сказать, в руках, а я пролила море слез, прощаясь с каждым из них.

– Так уж устроена жизнь, Тигги, – рассуждала она философски, успокаивая меня. – Мы все время с кем-то знакомимся и с кем-то прощаемся. Сплошная вереница разлук и встреч. Постарайся привыкнуть к такому порядку вещей, тогда тебе станет намного проще жить.

С Кэлом мы были постоянно на связи: бесконечные разговоры по телефону, письма по электронной почте. Все разговоры вертелись, главным образом, вокруг сооружения жилья для наших диких кошек. В конце концов Кэл нашел какую-то подходящую фирму и заключил с ней контракт на такое строительство.

– Сама понимаешь, – жаловался он мне в трубку, – лишних денег у меня нет. Но хозяин выхлопотал где-то грант на эти цели. То есть он всерьез вознамерился заняться разведением диких кошек.

Если судить по тем фотографиям, которые присылал мне Кэл, то возводимые вольеры для наших животных строились по самой передовой технологии, воплощая новейшие достиже-

ния в этой области: такие небольшие павильоны, соединенные друг с другом узким тоннелем, и все это среди деревьев, в лесу. Предусматривались и специальные площадки для кормления животных, а также сооружение отдельных потайных нор, в которых кошки могли бы прятаться по собственному усмотрению. Всего павильонов будет четыре, по числу наших кошек. Так что у каждой из них в перспективе будет своя территория. Что также позволит упростить процесс отделения женских особей от мужских, если наши самочки вдруг забеременеют.

Я показала фотографии Маргарет, когда мы с ней сидели в наш последний вечер за рюмочкой шерри.

– Бог мой! – воскликнула Маргарет, глянув на снимки, и рассмеялась. – Да в таких вольерах можно смело поселить парочку жирафов, не говоря уже о наших тощих кошечках.

– Чарли, судя по всему, настроен очень серьезно и хочет полностью реализовать свою программу по разведению диких кошек.

– Ну, да он же у нас перфекционист во всем, наш Чарли. Известное дело! Жаль, что он не смог воплотить все свои мечты в реальность еще тогда, когда был молод. Все тогда в его жизни пошло как-то наперекосяк. Боюсь, он так и не смог оправиться полностью от пережитых разочарований.

Я тут же навестила ушки.

– А что за разочарования он пережил?

– Наверное, не стоило мне касаться этой темы, да вот разболталась. Шерри таки развязал мой старческий язык. Коротко скажу так: он пережил несчастную любовь. Что-то у них с его девушкой разладилось, и она ушла к другому. А он в отместку тоже женился.

– Вы знакомы с его женой?

– Видела ее лишь один-единственный раз на их свадьбе, то есть шестнадцать лет тому назад. Перекинулись парой слов, и на этом все. Мне она тогда не очень глянулась. Хотя, надо признать, она очень хороша собой. Но здесь как в сказках. Физическая красота ведь далеко не всегда совпадает с внутренней красотой. А Чарли... он всегда был немного наивен в том, что касается женщин. Ему на момент женитьбы едва минул двадцать один год, он был еще студентом третьего курса медицинского факультета в Эдинбургском университете. – Маргарет подавила тяжелый вздох. – Невеста, между прочим, на тот момент уже была беременна Зарой, их будущей дочерью. Такие вот дела. Мне кажется, что вся дальнейшая жизнь Чарли – это такой своеобразный вызов его отцу, тому, как тот вел себя. Женитьба и занятия медициной позволили Чарли зажить самостоятельной жизнью, максимально дистанцироваться от отца. Но, наверное, сейчас пришло его время, – задумчиво обронила Маргарет, допивая шерри. – Что ж, он вполне заслужил это.

* * *

На следующее утро я уже тряслась на заднем сиденье лендровера вместе с Молли, Иго-рем, Пуузи и Полсоном, которые мяукали на все голоса и отчаянно царапались, сидя в своих переносках, бурно выражая тем самым свое негодование и протест против столь неподобающего обращения с ними. Пришлось изрядно повозиться, чтобы загрузить их в машину. Та еще была работенка! Несмотря на то что на мне был толстый свитер, а на руки я предусмотрительно натянула сверхпрочные защитные перчатки, мои «котята» как-то изловчились и нанесли мне несколько глубоких царапин на запястья. Хотя шотландские дикие кошки по своим габаритам ненамного больше обычных домашних пушистиков, да и окрас у них почти такой же, но, пожалуй, на этом все их сходство с нашими любимцами и заканчивается. Недаром диких кошек называют «тиграми Высокогорья». Значит, есть за что. Взять хотя бы нашего Полсона. У него ведь характер ого-го! Вначале цапнет, а потом уже начнет интересоваться, что от него нужно.

Но, несмотря на всю зловредность и агрессивность наших питомцев, я их всех очень люблю. Для меня наши дикие кошки стали крохотным лучиком надежды в том мире, в котором бесследно исчезли и превратились в легенду столь многие виды диких животных и птиц. Маргарет рассказывала мне, что в Шотландии в настоящее время запущено в действие сразу несколько программ, направленных на возрождение популяции диких кошек. Цель одной из этих программ – не допустить скрещивания кошек, обитающих в дикой природе, с домашними кошками, ибо для восстановления популяции нужно иметь «чистое потомство», то есть таких котят, которые родились именно от диких кошек. Я решительно защелкнула на замок дверцы всех переносок, несмотря на яростное шипение, раздающееся изнутри, понимая всю степень своей ответственности за судьбу этих животных, которая отныне ложится на мои плечи. Как-никак, а я их главный опекун.

Моя любимица, ежиха Алиса, которую я назвала так в честь известной героини сказки Льюиса Кэрролла, потому как она тоже умудрилась когда-то провалиться в кроличью нору, а я, чисто случайно оказавшись рядом, спасла ее из собачьих челюстей, когда наш пес Гиннесс вытащил ее наружу, сейчас дремала в картонной коробке на переднем сиденье машины, рядом с моим рюкзаком, в который я упаковала весь свой скудный гардероб.

– Ну, что? Трогаемся? – спросил у меня Кэл, которому уже надоело ждать и не терпелось двинуться в обратный путь.

– Да, – коротко ответила я, зная, что мне еще нужно вернуться в дом, чтобы в последний раз попрощаться с Маргарет, что, пожалуй, станет для меня самым душераздирающим моментом. – Подожди еще пару минут, ладно?

Кэл молча кивнул в знак согласия, понимая всю сложность ситуации, а я почти бегом помчалась в наш домик.

– Маргарет, вы где? – крикнула я прямо с порога.

Но Маргарет нигде не было видно. Тогда я выбежала на улицу и обнаружила ее сидящей посреди пустого вольера, в котором мы содержали наших кошек. Рядом с ней примостились по обе стороны верные Гиннесс и Кнопка. Маргарет обхватила голову обеими руками, плечи ее сотрясались от беззвучных рыданий.

– Маргарет! – Я подбежала, опустилась на колени и обхватила ее руками, прижимая к себе. – Пожалуйста, не плачьте! Не надо! Иначе я сейчас тоже разревусь.

– Ничего не могу с собой поделать, милая. Все это время старалась держать себя в руках и быть мужественной, но сегодня...

Маргарет отняла руки от своего лица, глаза ее были красными и опухли от слез.

– Ведь сегодня особый день. Можно сказать, подводим черту под прошлым. Ты уезжаешь, и кошки тоже.

Она протянула ко мне свою крючковатую, пораженную артритом руку. Обычно такими руками иллюстраторы сказок награждают всяких злых ведьм. Но я-то знала: руки Маргарет – это сама доброта и ласка.

– За этот год, Тигги, я полюбила тебя, как свою родную внучку. Поверь мне, я никогда не смогу отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала. Ведь без твоей помощи, особенно учитывая мои хлипкие физические силы, я бы никогда не смогла ухаживать должным образом за нашими животными.

– Я обязательно вскоре приеду к вам в Тейн, взгляну, как вы там обустроились на новом месте. Ведь мы же станем жить совсем недалеко друг от друга. – Я снова прижала к себе старую женщину в прощальном объятии. – Мне очень повезло работать у вас. Вы так многому меня научили. Спасибо вам, Маргарет, за все.

– Это тебе спасибо, моя родная. А уж если говорить об учебе, то постарайся обязательно познакомиться с Чилли, когда обустроишься в Киннаирде. Это старый цыган, который живет

в имении с незапамятных времен. Вот он-то – самый настоящий кладезь знаний в том, что касается лечения дикими травами, как людей, так и животных.

– Обещаю! Я познакомлюсь с ним. А сейчас до свидания, дорогая Маргарет. – Я поднялась с пола, чувствуя, что и сама уже на грани слез, и быстро вышла из сарая.

Рядом со мной тут же возник Кэл.

– Ты уже постарайся, моя девочка, чтобы наши кошечки в положенный срок принесли хорошее потомство, ладно? – крикнула мне вдогонку Маргарет.

Прощальный взмах рукой, я сажусь в нашу старуху «Берил» и машина срывается с места. Начинается новая глава в моей жизни.

* * *

– Вот твоя спальня, Тиг, – коротко пояснил мне Кэл, опуская мой рюкзак с вещами на пол.

Я обвела взглядом небольшую комнатку: низкий оштукатуренный потолок с многочисленными трещинами и неровностями. Такое впечатление, что он уже просто устал держать на себе крышу, которая давит на него сверху. В помещении а) царил зверский холод; б) обстановка более чем спартанская. И это даже с учетом того, что я, в общем и целом, легко переношу отсутствие комфорта. Слава богу, хоть кровать здесь есть. А также небольшой комод у стены, на который я тут же водрузила коробку с Алисой.

– Может, я сейчас принесу и ее клетку? – предложил мне Кэл. – Вдруг она удерет из коробки и начнет шнырять по всему дому? Залезет, к примеру, в гостиную или туда, где я сплю. А я, проснувшись ночью, чтобы сходить в уборную, ненароком наступлю на нее и, чего доброго, раздавлю всмятку. То-то будет неприятностей! Кстати, разве она не должна впадать в спячку в такое время года?

– Если бы она жила на воле, то наверняка так оно бы и было. Но пока я не рискую отпускать Алису на свободу. Она еще недостаточно окрепла, да и нужный вес не набрала. Едва ли она бы в таком состоянии пережила зиму. А так живет себе в тепле и заботе, а я ее регулярно подкармливаю.

Через какое-то время Кэл воротился с клеткой для ежихи. Я пересадила Алису в клетку, потом насыпала из мешочка ее любимый кошачий корм и вдруг почувствовала себя настолько обессиленной, что с трудом опустилась на кровать, желая лишь одного: побыстрее принять горизонтальное положение.

– Спасибо за помощь, Кэл. Без тебя я бы никогда не сумела транспортировать наших диких кошек сюда. Да еще и разместить их в новых вольерах.

– Это точно, – согласился Кэл, скользнув по мне сочувственным взглядом. – Ты же вон какая худенькая. Прозрачная, прямо как сказочная фея. Едва ли я рискну попросить тебя зимой помочь мне починить забор или нарубить дров для камина.

– Это не важно, что я худенькая. На самом деле я сильная, – обидчиво запротестовала я. Чистейшая ложь, впрочем. Потому что сил во мне действительно немного. Во всяком случае, физических сил.

– Хорошо-хорошо! Пусть так! Тебе у нас будет где приложить свои силы, Тиг. – Кэл оглядел холодную пустую комнату. – Здесь везде нужна женская рука, – добавил он, разясняя свою мысль. – А я по этой части не очень силен. Даже не знаю, с чего начать.

– Не переживай. Совместными усилиями мы быстро создадим уют.

– Есть хочешь? В холодильнике стоит тушенка из оленины.

– Спасибо, ничего не надо. К тому же я вегетарианка, если ты не забыл...

– Конечно, не забыл. Ну, как хочешь. – Я сладко зевнула, и он тут же подался к дверям. – Пожалуй, тебе самое время немного соснуть с дороги.

– Наверное, ты прав.

– В ванной комнате у нас тут есть ванна. Ступай окунаться первой, пока вода еще горячая.
– Нет, пожалуй, сегодня обойдусь без омовения. Лучше побыстрее лягу в постель. Спокойной ночи, Кэл.

– И тебе спокойной ночи, Тиг.

Кэл закрыл за собой дверь, и я тотчас же откинулась на подушки. Матрас только внешне казался новым, на самом деле тоже был весь в рывтинах и ямах. Я натянула на себя одеяло и тотчас же отключилась.

* * *

Проснувшись в шесть утра, одновременно и от зверского холода в комнате, и от чувства внутренней тревоги, снедавшей меня всю ночь. Включила свет и глянула в окно. На улице стояла кромешная тьма. Окна снаружи покрылись слоем инея.

Поскольку одеваться было не нужно – я всю ночь проспала в джемпере и в толстых штанах, то я лишь натянула сверху теплый жакет, на ноги – ботинки, на голову вязаную шапочку, после чего вошла в лыжную куртку и осторожно приоткрыла дверь. Вошла в гостиную. С потолка свисали массивные балки, в углу комнаты возвышался огромный камин. Я сняла с крючка на двери фонарь – вчера вечером Кэл как раз показал мне, где он висит. Включила фонарь и, собравшись с духом, вышла на улицу. Стараясь ориентироваться по памяти и освещая себе путь фонариком, я добралась до большого сарая, в котором имелось отдельное холодное помещение. Там хранилась снедь для моих диких кошек – тушки голубей и кроликов. Я вошла в сарай и увидела Тистла. Тот спал на подстилке из соломы в дальнем углу сарая. Но стоило мне сделать лишь шаг, как пес тут же подхватился со своего места, сонно потянулся всем телом, а потом потрусил в мою сторону на своих невероятно длинных ногах, чтобы поздороваться, и с радостью ткнулся острым носом в мою протянутую ладонь. Я глянула в его умные карие глаза, обрамленные серой шерстью, что производило несколько комичное впечатление: будто над глазами животного нависли кустистые седые брови, и невольно улыбнулась, чувствуя, как тает мое сердце при виде этой псины.

– Ступай за мной, приятель. Авось, и для тебя отыщется что-нибудь вкусненькое.

Я взяла провизию для кошек, презентовала Тистлу отменную сахарную косточку и снова заторопилась на улицу. Тистл тотчас же вызвался сопровождать меня, но я все же затолкала его обратно в сарай.

– В следующий раз обязательно возьму тебя с собой. А пока потерпи, приятель, ладно? – сказала я ему, понимая, что рисковать нельзя. А вдруг он напугает моих кошек? Они еще и так не вполне пришли в себя после переезда на новое место.

Я пересекла замерзшую лужайку и спустилась вниз по склону туда, где виднелись постройки для моих животных. Темень на дворе стояла кромешная. Еще никогда я не видела такого иссиня-черного неба. И нигде вокруг ни одного живого огонька. Светя фонариком себе под ноги, я кое-как спустилась по склону и направилась ко входу в вольеры.

– Молли, – позвала я громким шепотом, вперив взгляд в темноту. – Игорь, Поузи, Полсон! Вы где?

Машинально повернула ручку двери, чтобы войти в вольеры, но тут вспомнила, что вход туда оборудован специальным автоматическим замком с кодовым набором цифр. Соответствующее цифровое табло было установлено прямо над замочной скважиной. Такой замок с кодом позволяет обезопасить животных на тот случай, если вдруг в помещение попытается проникнуть какой-то случайный человек. Я напрягла память, стараясь вспомнить комбинацию цифр – ведь вчера Кэл сообщил мне код. После чего набрала комбинацию, которая показалась мне наиболее вероятной. Успешной оказалась только третья попытка: в замке что-то щелкнуло, и дверцы плавно разъехались в разные стороны. Я вошла внутрь и закрыла за собой двери.

Снова позвала своих кошек. Никакой реакции. Ни малейшего звука или шороха в ответ. Да и чему удивляться? В таких огромных вольерах, как эти, кошки могут забиться куда угодно. Вполне возможно, они намеренно спрятались, все еще пребывая в состоянии стресса.

– Ребята, вы где? Это я, Тигги, – спросила я громким шепотом, нарушив мертвую тишину, царящую в павильонах. Струйка морозного дыхания вырвалась из моего рта и тут же бесследно растаяла в темноте. – Я пришла. Вам нечего бояться. Вы здесь в полной безопасности, а я буду рядом с вами. Обещаю!

Замолчала, прислушиваясь к ответной реакции. Должны же они хоть как-то отреагировать на мой голос. Не отреагировали. Я обшарила все четыре павильона, время от времени окликая животных по имени, с тем же нулевым результатом. Проторчала в вольерах до тех пор, пока не почувствовала, что уже начинаю коченеть от холода. Тогда я быстро разложила корм по кормушкам и заторопилась на выход. Заперла за собой дверь и направилась вверх по склону к себе домой.

* * *

– Ну, и где это тебя черти носят ни свет ни заря? – поинтересовался у меня Кэл, выныривая из кухонки и неся в руках две кружки с горячим чаем для нас обоих.

– Ходила проводить своих кошек, но они категорически отказались выйти ко мне. Бедняжки! Они, наверное, еще не вполне оправились от пережитого шока и все еще сильно напуганы. Но по крайней мере они хоть слышали мой голос.

– Знаешь, я вообще-то не большой любитель кошек, причем всяких. Эгоистичные, самовлюбленные твари, эти кошки, все, без исключения. Жалуют лишь того, кто их кормит, да и то не всегда. Другое дело – собака. Возьми моего Тистла. Верный пес. С таким хоть на край света можно отправляться.

– Я его уже сегодня утром повстречала. В сарае. Даже угостила хорошей косточкой на завтрак, – призналась я, с наслаждением отхлебнув горячую ароматную жидкость. – Он что, всегда там спит?

– Конечно, а где же еще? Это же сторожевой пес, а не какая-нибудь там разбалованная городская болонка, привыкшая спать на пуховой подушке.

– Но разве нельзя пускать его сюда, в дом? Ведь в сарае же страшная холодина.

– Успокойся, Тиг! Что за нежности, в самом деле? Он привык спать на холоде, – возразил Кэл непреклонным тоном, снова направляясь на кухню. – Хочешь тостов с повидлом?

– Очень хочу! Спасибо, – поблагодарила я и, подхватив чашку, пошла к себе в спальню. Там опустилась на колени перед клеткой своей ежихи Алисы и открыла дверцу. Два ярких блестящих глазика тут же вынырнули из глубины деревянного домика, в котором Алиса обычно пряталась, и уставились на меня.

– Доброе утро, Алиса, – поприветствовала я ее негромко. – Как спалось на новом месте? Огурчика хочешь?

Я снова вернулась на кухню, чтобы достать из холодильника огурец. Открыла дверцу и поняла, что холодильник нуждается в срочной и кардинальной чистке. Все полки и задняя дверца заросли толстым слоем грязи, кое-где проступила даже плесень. Бросилась в глаза раковина, в которой громоздились горы грязных кастрюль и сковородок. Я сняла с гриля тост и, положив его на стол, весь усыпанный хлебными крошками, уже успевшими изрядно засохнуть, что косвенно указывало на то, что они тут провалялись по меньшей мере неделю, принялась смазывать тост слоем маргарина.

«Типичный мужчина», – подумала я. Что с него взять? Хотя сама я тоже не была по жизни такой уж образцовой аккуратисткой, но кавардак, царящий на кухне, вызвал у меня резкое неприятие. Даже руки зачесались, чтобы побыстрее приняться за работу по наведению

порядка. Покормив Алису, я пошла доедать свой тост, устроившись рядом с Кэлом за небольшим столом в гостиной.

– Чем ты обычно кормишь своих кошек по утрам? – поинтересовался у меня Кэл.

– Сегодня вот разложила им тушки голубей и пару кроликов, которых прихватила с собой.

– А я для тебя припас сердца оленей. Храню их в морозильнике. Я покажу тебе, где это. Сарай на заднем дворе дома.

– О, такое угощение им точно придется по душе. Спасибо, Кэл.

– Вот тут я тебя, Тиг, не совсем понимаю. С одной стороны, ты вегетарианка. С другой – каждый день возишься с мясом убитых животных. Как такое можно?

– Все просто, Кэл. Потому что это природа, а в природе все происходит естественно. Если мы, люди, обладая разумом, можем самостоятельно решать, что нам есть и какой диеты придерживаться, особенно располагая широчайшим выбором альтернативных продуктов питания, то у животных такой возможности нет. Вот взять, к примеру, Алису. Она ест мясо, потому что все ежи едят мясо. То же самое с кошками. Так уж устроена их пищеварительная система, что ли. Не скажу, что мне доставит большое удовольствие возиться с сердцами убитых оленей. Ведь как ни верти, а сердце – это самый главный орган в любом живом организме. Сердце определяет нашу жизнь, разве не так? А тут пускаешь это на корм...

– Не стану комментировать. В конце концов, я же мужчина, а потому люблю вкус красного мяса на своих зубах. И неважно, бросовые ли это куски мяса или хороший стейк. Мне все вкусно. – Кэл поднял палец и помахал им передо мной. – А потому сразу же предупреждаю тебя, Тиг. Меня тебе в свою веру не обратить. Я человек плотоядный. Одно слово, мясоед.

– Обещаю и клянусь, что не буду агитировать тебя за то, чтобы ты стал вегетарианцем. Но тоже предупреждаю тебя: готовить тебе всякие отбивные и котлетки я точно не стану.

– А я-то полагал, что вы, французы, все страсть как любите красное мясо.

– Ну, во-первых, я не француженка. Я швейцарка, – улыбнулась я в ответ. – Наверное, именно этим обстоятельством и объясняются мои гастрономические пристрастия.

– Маргарет говорила, что ты ученая, Тиг. Занималась всякой исследовательской работой. У тебя даже степень имеется. Это правда? Наверняка ты могла бы найти себе работенку и получше: высокооплачиваемую, в какой-нибудь престижной научной лаборатории. А ты вместо этого приехала в нашу глушь, чтобы возиться с какими-то дикими кошками. Почему ты выбрала Киннаирд?

– В научной лаборатории я уже успела потрудиться, когда работала в Женевском зоопарке. Правда, недолго. Всего лишь несколько месяцев. Деньги там платили хорошие, но все равно я не испытывала никакого удовлетворения от своей работы. А ведь главное в жизни – это когда ты получаешь удовольствие от того, чем занимаешься. Я права?

– Это как посмотреть, Тиг. Если вспомнить, сколько я здесь вкалываю, от темна и до темна, и сколько за все это получаю в итоге, то надо быть очень большим оптимистом. Ибо за свой труд я действительно получаю одно лишь удовольствие. – Кэл весело хохотнул. – Но все равно, я очень рад, что ты к нам приехала. Думаю, мы с тобой сработаемся.

– Как смотришь, если я затею прямо сейчас генеральную уборку в нашем доме? Не будешь возражать?

– Да, убратся здесь как следует уже давно пора. Спасибо, Тиг. Отличная мысль. Ну, а я пока пошел по своим делам. Увидимся позднее.

С этими словами он натянул на себя теплую куртку и заторопился к дверям.

* * *

Остаток утра я провозилась с котами, точнее, провозилась без них, потому что, несмотря на все усилия найти питомцев, поиски мои не увенчались успехом. Напрасно я пыталась обнаружить их логово в этих запутанных лабиринтах. Зверушки затаились всерьез и надолго.

– Вот беда будет, если мои подопечные перемерут за первую же неделю своего пребывания на новом месте, – пожаловалась я Кэлу, когда он заглянул домой около полудня, чтобы соорудить себе необъятных размеров бутерброд на ленч. – Они ведь даже не прикоснулись к еде.

– Ну, от голода они точно не умрут, – тут же успокоил меня Кэл. – Жирка у них достаточно, чтобы перекантоваться без еды пару-тройку дней. Не переживай, Тиг. Вот акклиматизируются на новом месте, и все с ними будет в полном порядке.

– Надеюсь. Очень на это надеюсь. А сейчас мне надо в магазин, купить кое-что из продуктов и всякие моющие средства. Где у вас тут ближайшая торговая точка?

– Я поеду с тобой, покажу тебе наш деревенский магазин. А заодно преподам и урок вождения. «Берил» у нас ведь машинка сноровистая. К ней надо приспособиться.

Следующий час я обучалась всем тонкостям вождения нашей «Берил», попутно изучив все ее фокусы. Под чутким руководством Кэла я сумела съездить в магазин и вернуться обратно. Магазин меня откровенно разочаровал. Основной ассортимент – это песочное печенье, бог знает скольких сортов для заезжих туристов. Правда, мне повезло, и я купила картошку, морковь, капусту, немного соленого арахиса и несколько банок консервированной фасоли для поддержания протеина.

Мы вернулись домой, и Кэл снова поспешил в лес, а я какое-то время безуспешно пыталась найти в доме метлу и швабру. Естественно, ничего такого я не нашла. Решила обратиться за помощью уже к настоящей Берил, сходить в дом и позаимствовать у нее на время необходимые мне причиндалы. Пересекла двор, направляясь к черному ходу. Громко постучала в дверь, ответа не последовало. Тогда я распахнула дверь и вошла в коридор.

– Берил, вы где? Это Тигги, – окликнула я экономку, направляясь по коридору в сторону кухни. – Вы здесь?

– Я наверху, милая, – послышался сверху голос Берил. – Инструктирую тут нашу новую приходящую служанку. Через пару секунд спущусь. А вы тем временем ступайте на кухню и поставьте на огонь чайник. Будьте так добры.

Я повиновалась. Поставила кипятить воду и занялась поисками заварочного чайника. Но в эту минуту в кухню вошла Берил в сопровождении молодой девушки с очень бледным, почти бескровным лицом, облаченной в фартук и с резиновыми перчатками на руках.

– Это наша Элисон, – пояснила мне Берил. – Будет содержать дом в образцовом порядке и чистоте, когда на Рождество сюда съедутся гости. Так, Элисон? – Берил говорила медленно, отчетливо артикулируя каждое слово, будто у служанки были какие-то проблемы со слухом.

– Да, миссис Макгек, я постараюсь.

– Вот и хорошо, Элисон. Жду тебя завтра утром ровно в восемь. Нам еще надо многое успеть до приезда хозяина.

– Да, миссис Макгек, – снова послушно повторила девушка, бросив испуганный взгляд на свою строгую начальницу. Потом распрощалась с нами кивком головы и поспешно ретировалась из кухни.

– Боже правый! – тяжело вздохнула Берил и, открыв буфет, извлекла оттуда заварочный чайник. – Умом наша Элисон точно не блещет. Но где прикажете взять хорошую прислугу в нашей-то глуши? Слава богу, хоть ходит на своих ногах. Сможет прибегать сюда на работу каждый день. Что уже немало, особенно в зимнее время. Она тут живет неподалеку, на небольшой ферме вместе со своими родителями.

– А вы сами где живете? Далеко? – поинтересовалась я у Берил, наблюдая за тем, как она кладет ложечкой чайные листочки в заварочный чайник.

– Нет, недалеко. Я живу в собственном доме по другую сторону ущелья. Как я понимаю, вы предпочитаете чай без молока?

– Да.

– Но моего домашнего песочного печенья отведаете? Хотя бы кусочек? Оно, правда, с маслом. – Берил показала на тарелку с аппетитной стопкой бисквитов, покрытых толстым слоем карамели и шоколада. – Поскольку молочная ферма находится буквально в двух шагах от моего дома, то могу гарантированно заверить вас, что за коровами там организован образцовый уход.

– Печенье отведаю, спасибо, – ответила я, решив не вдаваться в дальнейшие дискуссии по поводу ухода за коровами. Да и не время сейчас объяснять пожилой экономке свои соображения по этому поводу. Разве не возмутительно, что маленьких телят почти сразу же отлучают от своих матерей, а тех намеренно постоянно случают и держат в состоянии вечной беременности, обеспечивая тем самым максимальные надой молока для людей? Но вслух я сказала другое: – Вообще-то мои запреты по части пищи распространяются только на мясо. И рыбу тоже никогда не ем. А вот что касается молочных продуктов, то время от времени я позволяю себе такую слабость. И молочный шоколад очень люблю, – неожиданно призналась я.

– А кто ж не любит молочный шоколад? – удивилась, в свою очередь, Берил, слабо улыбнувшись, и положила мне на тарелку кусочек своего домашнего бисквита. Я почувствовала, что мы обе сделали сейчас по маленькому шажку в направлении выстраивания добрых взаимоотношений. Правда, мне для этого пришлось поступиться своими принципами. – Ну, как вы обустроились на новом месте?

– Все хорошо, – ответила я, с наслаждением откусывая кусочек домашней выпечки, обильно пропитанной сливочным маслом. – Вот пришла к вам, чтобы позаимствовать на время швабру и метлу. А если бы еще и пылесос, то вообще было бы замечательно. Тогда бы я убралась как следует.

– Все это есть. Сейчас дам. Мужчины привычны к грязи, правда? Могут месяцами барахтаться в собственной луже, как те свиньи.

– Наверное, некоторые мужчины действительно грязнули по жизни. Хотя мой отец, к примеру, был необыкновенно чистоплотным человеком. Я второго такого чистюли и не встречала. Вокруг папы всегда царил идеальный порядок. Каждое утро он сам прибирал свою постель, и это притом что в доме у него, *у нас в доме*, была экономка, которая могла бы делать эту работу вместо нас.

Берил окинула меня изучающим взглядом, видно, прикидывая мысленно, какой у меня может быть социальный статус.

– Так вы из джентри, получается? – спросила она.

Слово «джентри» было мне не знакомо.

– А что это такое «джентри»? – задала я встречный вопрос.

– Простите меня, Тигги, но у вас такой хороший английский, что я совсем забыла, что вы иностранка. Французенка, если судить по вашему акценту, да?

– Вообще-то я из Швейцарии, но мой родной язык действительно французский.

– Я хотела сказать, что, судя по всему, вы благородных кровей, из дворянства, – пояснила мне Берил. – Коль скоро у вас в доме даже была экономка.

– Вряд ли. Не думаю, что мы из дворян. Во всяком случае, мы, шесть сестер. Ведь всех нас отец удочерил еще тогда, когда мы были грудными детьми.

– Даже так? Как интересно! А отец никогда не рассказывал вам, откуда вы все родом?

– К несчастью, папа умер пять месяцев тому назад. Но он оставил каждой из нас прощальное письмо. Так, в письме, которое он написал мне, точно указано, где именно он нашел меня.

– Собираетесь наведаться в те места?

– Пока не уверена. Да и потом, меня вполне удовлетворяет мое нынешнее состояние. Я – это я, такая, какая я есть и какой была всегда. У меня было счастливое детство, у меня замечательные сестры, да и мой покойный отец, пусть и приемный, тоже был потрясающим человеком.

– То есть вам никак не хочется нарушать свою семейную идиллию, так?

– Совсем не хочется, вы правы.

– Но, кто знает, быть может, в один прекрасный день вам и захочется узнать о своем прошлом. Пока же позвольте выразить вам свое соболезнование в связи с вашей утратой. А сейчас о делах насущных. Метлы и швабры стоят в шкафчике, что слева по коридору. Берите все, что вам нужно, и держите их у себя до тех пор, пока не покончите с уборкой дома.

– Спасибо, Берил, – поблагодарила я. Меня тронули ее слова сочувствия и то, как ненавязчиво она пособолезновала мне в моем горе.

– И, пожалуйста, без церемоний спрашивайте у меня все, что вам может впредь понадобится для того, чтобы придать вашему приюту более жилой вид. А сейчас прошу простить, но мне еще нужно позвонить Бену, нашему разнорабочему, напомнить ему, чтобы он завез Чилли, который живет в горах, немного дров.

– Чилли – это тот старый цыган, который обитает в вашем имении?

– Да, это он.

– Маргарет рекомендовала мне обязательно познакомиться с ним.

– Его всегда можно будет найти дома, милая. Ведь он почти никуда не выходит. Совсем разбил старика артрит. Как он там зимует один, в лесу, в горах, ума не приложу. Но сейчас у него хоть есть своя деревянная хижина. Хозяин летом распорядился построить ему этот домик, так что у Чилли по крайней мере тепло.

– Чар... То есть ваш лэрд проявил настоящую доброту.

– Все так, хотя я уже не раз говорила ему, что самое лучшее для Чилли – это переселить его в деревню и вверить на попечение соответствующим социальным службам. Но проблема в том, что всякий раз, как только наши социальные службы озабочиваются его судьбой, Чилли немедленно удирает прочь и прячется где-то в лесу. И его попросту невозможно отыскать. Вот в следующий раз, когда они снова нагрянут к нему, я постараюсь сделать так, чтобы он ничего об этом не знал заранее, – недовольно фыркнула Берил. – Иначе кто-то из нас должен наведываться к нему каждый день, приносить ему еду, пополнять запас дров. Как будто у нас другой работы здесь нет! В любом случае, – Берил подавила тяжелый вздох и взяла трубку радиотелефона, – сейчас мне пора уходить.

Я взяла в шкафчике метлу, швабру, пылесос и кое-как дотащила все это до нашего домика. В сопровождении Тистла, который скорее мешал, чем помогал, возбужденно прыгая вокруг меня.

– Привет, Тиг, – услышала я голос Кэла из глубины сарая. – Я здесь. Отвариваю оленьи головы. Не сообразишь нам по чашечке чая, а?

– Сообращу. Только ты приходи за своей чашкой сам. Я ни под каким предлогом не переступлю порог сарая, пока ты занимаешься всем этим. Ясно?

– Хорошо, договорились! Мне, пожалуйста, два кусочка сахара.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – ответила я с издевкой в голосе. – Вот только сначала занесу в дом швабру и пылесос, если не возражаешь. – Я отвесила шуточный книксен уже на пороге, а потом распахнула дверь в дом.

4

До Рождества осталось ровно две недели. Дни становились короче по мере того, как зима все решительнее вступала в свои права. Но, несмотря на мороз, который затянул инеем окна снаружи, снега на дворе было еще мало, чему я была только рада. Отсутствие снегопадов очень помогло мне обустроить наш с Кэлом и сделать его гораздо более уютным и удобным для жизни. На следующий день после того, как я попросила у Берил метлу, швабру и пылесос, экономка сама пришла ко мне и принесла целую охапку красивых занавесок на окна с миленьким цветочным узором.

– Выбирайте, что вам больше подойдет. Все эти занавески висели на окнах в большом доме еще до того, как начался ремонт. А потом все там переделали, поменяли полностью мебель, но жалко же выбрасывать их. Они еще вон какие хорошие. Остаются еще бесхозными несколько ковров на пол. Правда, кое-где их поела моль, но так они имеют вполне приличный вид. Постелите их тут, все будет теплее, чем просто ходить по голому каменному полу. Да, и скажите Кэлу, что в сарае, в том, что за домом, стоит старое кожаное кресло. Нужно будет перетащить его сюда. Отлично будет смотреться возле камина.

– О, да ты оказалась самой настоящей маленькой хозяйшечкой. Вон какое уютное гнездышко свила, – пошутил Кэл, увидев результаты моих усилий по обновлению гостиной.

Как ни странно, но мне и самой понравилось заниматься домашним хозяйством и наводить уют в доме. Ведь, в сущности, у меня никогда не было своего дома. Зато сейчас я с удовольствием коротаю вечера, сидя в потертom кресле перед жарко полыхающим камином, а Кэл в это время нежится, лежа на диване и забавляясь с Алисой. Поначалу он отнесся к моей ежике без особого энтузиазма, но постепенно попал под очарование этого маленького зверька и даже стал часто забирать ее из клетки и играть с ней, а она, наигравшись, сворачивалась калачиком и удовлетворенно засыпала на его огромной ладони. Меня немного расстраивало то, что Алисе он выписал пропуск как домашней постоялице, зато Тистла по-прежнему не пускал даже на порог.

– На Рождество собираешься к своим? – поинтересовался у меня Кэл за завтраком.

Я глянула в окно. Сверкающее инеем ущелье напоминало вполне рождественскую картину с изображением зимнего пейзажа, вставленную в переплет оконной рамы.

– Поначалу действительно планировала вырваться на пару деньков к себе домой, в Швейцарию. Но сейчас едва ли у меня получится. Столько нерешенных проблем с кошками. Да и что я там буду делать одна, без сестер? А девочки тоже, судя по всему, не приедут домой в этом году. Разве что стану горевать, тосковать без отца. Одна, в пустом доме, не очень веселая перспектива.

– А где живут твои сестры?

– Самая старшая, Майя, сейчас живет в Бразилии. Алли – в Норвегии, Стар обосновалась на юге Англии, Сиси, как всегда, странствует по миру в поисках приключений, а Электра, моя самая младшая сестра... О, она может быть где угодно. Она модель. Наверняка ты слышал о ней. Ее все знают.

– Ты хочешь сказать, что *та знаменитая* Электра – это твоя сестра? Та красавица высокого роста, пожалуй, будет повыше меня. Она же вечно красуется полуобнаженной на первых полосах всех газет. Популярности у нее как у самой настоящей рок-звезды, ничуть не меньше.

– Все верно. Это моя Электра, – подтвердила я слова Кэла.

– Вау! Да ты прямо полна сюрпризов, Тиг! Честное слово! – Кэл окинул меня внимательным взглядом. – Но ты же на нее совсем не похожа.

– Потому что мы с ней не родные, – напомнила я ему, издав при этом короткий смешок. – Нас всех удочерили еще в младенческом возрасте. Я же тебе рассказывала, помнишь? Так что кровной связи между нами действительно нет.

– Тогда другое дело, – понимающе кивнул головой Кэл. – Послушай, Тиг! Скажи Электре, что если она вдруг надумает навестить тебя здесь у нас в Шотландии, то я с удовольствием сопровожу ее в наш местный паб и мы с ней пропустим там по паре стаканчиков виски. Передашь?

– Обязательно передам, когда буду разговаривать с ней в следующий раз, – пообещала я и, увидев, каким плотоядным огнем вдруг вспыхнули глаза Кэла, тут же поспешила переменить тему разговора. – А ты сам где собираешься встречать Рождество?

– Там же, где встречаю Рождество каждый год. Вместе со своей семьей в Дорноче. Кстати, приглашаю и тебя, Тигги, к нам на праздничное застолье. Тем более что ты – очень удобный гость. Не станешь покушаться на нашу индейку, – добавил он со смешком.

– Спасибо за приглашение, Кэл, но я еще пока не определилась с окончательным решением. Мне немного не по себе, что мы бросили Ма одну в доме. А она ведь растила всех нас, можно сказать, с пеленок. Возможно, я приглашу Ма сюда, к себе, – бросила я задумчивым тоном.

– Эта Ма, она что, была замужем за твоим отцом?

– Нет. Хотя, вполне возможно, какие-то отношения их связывали. Правда, ничего интимного, – добавила я поспешно. – Отец в свое время нанял ее в качестве нашей няни и гувернантки. То есть все мы выросли под ее неусыпным оком. Она всегда была рядом с нами.

– Странная у вас, однако, семейка, Тигги. Только без обид, ради бога. Во всяком случае, очень нетипичная, в сравнении, скажем, с моей семьей.

– Да я и сама это понимаю. Но, поверь мне, я люблю Ма, и Клавдию, нашу экономку, и всех своих сестер точно так же, как ты любишь своих близких. И мне вовсе не хочется, чтобы после смерти папы наша семья распалась. Правда, отец был стержнем нашей семьи, на котором держалось все. Именно он соединял всех нас. – Я подавила тяжелый вздох. – Во всяком случае, раньше все мы в обязательном порядке собирались дома на рождественские праздники.

– Да, семья – это все. Святое дело, – согласился со мной Кэл. – У каждого из нас могут быть свои причуды. Иной раз кто-то из близких и достанет тебя до чертиков. Но стоит чужаку обидеть твоего сородича, и вся семья тут же встанет за него горой. Что ж, если хочешь пригласить к себе свою Ма, то это будет здорово. А мы, со своей стороны, постараемся сделать грядущее Рождество как можно более... праздничным, что ли. Пойду, прогуляюсь по загонам, посмотрю, что и как. – Кэл поднялся со своего места и ласково потрепал меня по плечу, проходя мимо.

Чуть позже я позвонила Ма и пригласила ее встретить Рождество вместе со мной в Шотландии, но она ответила решительным отказом.

– Спасибо, Тигги, родная моя, за приглашение, спасибо, что вспомнила обо мне. Но я не смогу оставить Клавдию коротать праздники в одиночестве.

– Так пусть и она приезжает вместе с тобой, – затараторила я в трубку. – Правда, у меня тут немного тесновато. Ну да ничего страшного. В тесноте, как говорится, да не в обиде.

– Вообще-то мы уже пригласили к себе Георга Гофмана. И, конечно же, Кристиан тоже будет встречать Рождество вместе с нами.

– Тогда понятно. Ну, раз ты так решила, – пробормотала я немного расстроенным голосом, а про себя подумала: как это грустно, что за рождественским столом в Атлантиде соберутся только слуги, и никого из членов самой семьи.

– Да, милая. Мы тут так решили. Однако Расскажи мне, как ты сама? Как твои бронхи?

– Все замечательно, Ма. Вдыхаю полной грудью галлоны чистейшего горного воздуха.

– Но ты там одевайся потеплее, ладно? Ты же знаешь, у тебя слабая грудка. Ты легко подвержена простудам.

– Обещаю, Ма. Буду укутываться изо всех сил. А сейчас всего тебе доброго и до свидания.

* * *

Несколько дней спустя я позвонила Маргарет, чтобы узнать, как она устроилась в своем новом доме. И она тотчас же пригласила меня на рождественский обед. Я с радостью приняла это приглашение. Слава богу, не надо будет беспокоить семейство Кэла своим неожиданным вторжением. А главное – не надо будет заставлять себя лицезреть горы запеченной птицы и прочей мясной снеди, которыми наверняка будет завален праздничный стол в доме Кэла. Я позвала Тистла, и мы отправились вместе с ним на прогулку по имению. Пес очень привязался ко мне и следовал за мной неотступно, буквально по пятам, отлучаясь только тогда, когда его забирали на охоту. Такая неожиданная преданность Тистла постоянно вызывала веселые шуточки Кэла. Я же, со своей стороны, даже пару раз пускала собаку в дом, когда точно знала, что Кэла нет нигде поблизости. Тистл тут же располагался возле камина, нежась в тепле, а я в это время вычесывала старые космы и колтуны из его шерсти, в глубине души надеясь, что хозяин не заметит, как преобразился и похорошел его пес. Сама я всегда мечтала иметь собаку.

Вернувшись с прогулки домой, я нашла там Кэла. Он возился в углу гостиной, устанавливая небольшую рождественскую елочку.

Он оторвался от своего занятия и недовольно зыркнул на Тистла, который сопровождал меня до самых дверей, а сейчас нерешительно мялся на пороге, глядя с мольбой на своего хозяина.

– Тиг, я же просил тебя! И снова повторяю. Я запрещаю пускать Тистла в дом. Иначе он отвыкнет от холода и станет плохо переносить морозы. Превратишь мне пса в бог знает кого!

– Неужели? – виновато спросила я. Интересно, догадывается ли Кэл, что я уже несколько раз нарушала его запрет?

– Именно так. Сделаешь из него неженку и лежебоку. Отправляй его на улицу, и немедленно.

Я нехотя повиновалась. Вывела Тистла во двор, прошептав ему на ухо, что заскочу проведать его попозже. После чего плотно прикрыла за собой дверь.

– Вот подумал, что елка немного поднимет тебе настроение, а заодно и украсит нашу развалюху, – обронил Кэл при моем повторном появлении. – Я выкопал елочку в лесу. Все корни целы, а потому мы сможем снова высадить ее в почву, когда закончатся праздники. Может, завтра стоняешь в Тейн? купишь гирлянду и елочные украшения, а?

У меня даже слезы навернулись на глаза при виде этой маленькой пушистой красавицы, стоявшей пока немного кривобоко в ведерке с землей.

– Ах, Кэл! Как это мило с твоей стороны, что ты вспомнил о елке. Спасибо тебе большое. – Я подошла к Кэлу и дружески обняла его за плечи. – Завтра же утром, как только покормлю своих кошек, поеду в город за игрушками.

– Да, постарайся съездить туда именно с утра. Потому что по всему видно, что завтра ожидаются сильные снегопады. Все эти южане, они только и мечтают, что о снежном Рождестве. Ну, а в наших краях такого добра, как снег, в избытке. Не припомню, чтобы хоть одно Рождество обошлось у нас без снегопадов и вьюг.

– Ой, не могу дождаться, когда выпадет первый снег, – улыбнулась я в ответ.

* * *

Кэл оказался прав в своих прогнозах. На следующее утро я проснулась и увидела долгожданный снег. Я взяла запасной лендровер, еще более старый и разболтанный, чем наша старушка «Берил», и отправилась в Тейн за покупками. Я вела машину с большой осторожностью.

До Рождества оставалось всего лишь несколько дней, и в маленьком городке вовсю кипела предпраздничная торговля. Я купила гирлянду и игрушки для украшения елки, потом приобрела подарок для Кэла – мягкий шарф-тартан. А Маргарет купила вязаный свитер розового цвета. Возвратившись из города домой, я увидела, что наш раздолбанный лендровер по кличке «Берил» припаркован возле хозяйского дома. Старушку все последние дни рачительно приводили в порядок, потому что ожидали, что Чарли вместе со своей семьей вот-вот нагрянет из Инвернесса на рождественские праздники, и тогда машина будет очень востребована. И лишь по завершении всех торжеств машину отдадут в пользование первым платным гостям и туристам, которые подтянутся в имение для проводов Старого и встречи Нового года.

Когда Кэл наконец появился дома, елка уже стояла наряженная, переливаясь разноцветными огоньками. Жарко полыхал камин. В гостиной негромко звучали рождественские гимны. Я специально купила в городе компакт-диск с записями и поставила его для проигрывания на старенькую портативную систему Кэла.

– Вот это да! – воскликнул Кэл увиденным. – У меня такое чувство, что скоро и сам Санта-Клаус пожалует к нам в гости, свалится прямиком в дом через дымоход. – Кэл рассмеялся собственной шутке, потом сбросил с себя куртку, снял шляпу, размотал шарф и повесил все это на специальные крюки, которые я заставила его ввинтить в наружную дверь. – Взгляни в окно, Тиг. Между прочим, северный олень уже стоит во дворе. Ну чем не праздник?

Я выглянула в окно и увидела шесть красавцев оленей, которые обычно паслись на лужайке вокруг имения, но сейчас они рискнули приблизиться почти вплотную к нашему домику, явно, чтобы посмотреть на нас. Все самцы, все довольно упитанные. Кэл рассказывал мне, что они почти ручные, потому как их выхаживали и ставили на ноги, когда они были еще детенышами.

– Чувствуешь, дух Рождества уже разлит в воздухе? А уж как отведаешь моего глинтвейна, Тиг, тогда действительно поймешь, что праздник уже стучится в дверь. Что у нас на ужин?

– Запеканка из фасоли. А дичь изволь готовить себе сам, – ответила я и заторопилась на кухню.

– А я и не возражаю против запеканки. Когда ты меня потчевала ею в последний раз, было очень вкусно.

Поглощая запеканку и запивая ее дешевым красным вином, мы с Кэлом принялись обсуждать, как происходит акклиматизация кошек на новом месте.

– Во всяком случае, ни голубей, ни оленьих сердец я более не обнаруживаю в тех местах, где оставляю им корм. Но пока никто из них, за исключением Пузи, так и не показался мне на глаза. Не говоря уже о том, чтобы подойти поближе. А ведь скоро мне предстоит показать их ветеринару. Вопрос лишь в том, удастся ли мне приблизиться к ним.

– Тиг, нельзя заставить животных действовать по расписанию. Процесс адаптации к новым условиям всегда протекает непросто.

– Я все понимаю, – вздохнула я в ответ. – Но на меня давят сроки. В январе у кошек уже начинается брачный сезон. А мои кошки до сих пор пребывают в таком взвинченном состоянии, что даже не осмеливаются вылезти из своих укрытий. Не говоря уже о том, чтобы играть друг с другом, как они это делали раньше. Если честно, то я даже сомневаюсь, испытывают ли они

вообще хоть какой-то интерес друг к другу. По-моему, ни малейшего. Ни о какой химии в области чувств не может быть и речи.

– Знаешь, химия – химией, а случка – случкой. Когда идет гон, я своими глазами видел, как одну и ту же самочку покрывают по меньшей мере шесть самцов-олений, один за другим. Зов природы, против него не попрешь. Вот и ты не теряй надежды на то, что этот же самый зов заставит действовать и твоих мальчишек.

– Будем надеяться, что твой прогноз как знатока дикой природы окажется верным, – сказала я. – Но если к весне у нас не появится потомство, то я очень сильно подведу Чарли. И мне будет стыдно.

– Что за ерунда, Тиг! Наш хозяин не монстр какой. Я с ним уже сегодня, кстати, встречался. Он сказал мне, что сразу же после Рождества обязательно наведается в твои владения.

– О боже! – воскликнула я с отчаянием в голосе. – И что это будет, когда он придет туда, а они даже на глаза не покажутся?

– Думаю, он все поймет правильно. Между прочим, хочу с тобой посоветоваться по одному вопросу. Что бы ты посоветовала мне купить в качестве рождественского подарка для Кейтлин? У меня пока никаких идей в голове. А она ведь, как-никак, была у нас Мисс Рождество.

– А кто это – Кейтлин?

– Моя девушка. Она живет в Дорноче. Но, боюсь, если подарок придется ей не по вкусу, то впредь она не захочет быть моей девушкой.

Я бросила на Кэла откровенно изумленный взгляд.

– У тебя есть девушка? Вау! Но ты же, Кэл, ни единого разу не упомянул о ней.

– Ну, и что тут такого? Это же личное, в конце концов. Да и потом разговор у нас с тобой на эту тему никогда не выливался.

– Но ты же все время, безвылазно, можно сказать, торчишь в имении. Неужели Кейтлин... готова мириться с таким положением дел? Ведь она же тебя не видит неделями.

– Ну, как-то мирится. Пока... Раз в месяц я встречаюсь с ней на выходных. А еще, каждый первый четверг.

– И как давно вы вместе?

– Уже около двенадцати лет, – ответил Кэл, отправляя в рот очередную ложку запеканки. – Пару лет тому назад у нас с ней все закрутилось уже по-серьезному.

– Бог мой! Так почему она не перебирается к тебе сюда, в коттедж?

– Ну, начнем с того, что она возглавляет местное отделение строительной компании в Тейне. А до города, как тебе уже известно, час езды. В наших погодных условиях, когда скоро все вокруг завалит снегом по самую макушку, Кейтлин не может рисковать. Как по такому снегу ей выехать из имения? Да и жить в этой хижине она тоже вряд ли бы согласилась. Это сейчас ты навела в ней хоть какой-то божеский уют. А увидела бы она мои хоромы еще до твоего приезда! Впрочем, сейчас она очень даже может взять и переменить свое решение. – Кэл издал короткий смешок. – Ну, уж коль скоро речь зашла о личном, то что скажешь про себя? У тебя кто-нибудь есть, Тиг?

– Встречалась с одним парнем, когда работала в лаборатории при зоопарке Сервион. Какое-то время у нас с ним были даже отношения. Впрочем, ничего серьезного. Я еще пока не встретила «своего единственного», – призналась я, отхлебывая вино из стакана. – А вот тебе повезло больше. Ты уже нашел свою любовь. Я с удовольствием познакомлюсь с твоей Кейтлин, Кэл. Пригласи ее к нам сюда в один из рождественских вечеров. Какмотришь?

– Видишь ли, Тиг. – Кэл слегка нахмурился. – Мне пришлось соврать Кейтлин. Я сказал ей, что сейчас делю крышу с одной безобразной усатой женщиной. Ну, не говорить же мне, что ты у нас чистая красавица. Сама знаешь, как на такое реагируют женщины.

– Тем более ты просто обязан пригласить ее к нам. И тогда я смогу лично убедить твою девушку в том, что никакой угрозы я для нее не представляю. В любом случае, мне бы очень хотелось познакомиться с ней именно потому, что она – твоя девушка. А что же до подарка, то купи ей какое-нибудь ювелирное украшение.

– Она у меня девушка практичная, – с сомнением в голосе покачал головой Кэл. – Вот в прошлом году, к примеру, я купил ей термоноски, чтобы она могла спать в них зимой, и водостойкие рукавицы. И она, представь себе, была очень довольна моим подарком.

Я с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться.

– Заверяю тебя, Кэл, какой бы практичной ни была женщина или как бы искусно она ни притворялась, что является таковой, а на самом деле все женщины просто помешаны на украшениях.

Спустя час мы, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим спальням. Состоявшийся разговор о личном меня очень обрадовал. Потому что, исходя из собственного опыта, могу сказать лишь одно: каким бы продвинутым ни было современное общество в плане отношений мужчины и женщины, но когда мужчина и женщина живут под одной крышей, то обязательно возникают острые моменты. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут установлены соответствующие правила совместного общежития. К счастью, наш сегодняшний разговор с Кэлом четко обозначил границы возможного и допустимого. Не то чтобы я испытывала какое-то сексуальное влечение к Кэлу, нет! Хотя, не скрою, я уже успела привязаться к нему. А хорошей новостью стало то, что я, выросшая в семье, где были одни только девочки, и имея целых пять сестер, обзавелась наконец и столь долгожданным и желанным старшим братом.

* * *

Я глянула на Полсона, который сидел на деревянном настиле прямо надо мной. Грелся на солнышке, демонстративно повернувшись ко мне задом, тем самым недвусмысленно давая понять, что мое присутствие ему лично до лампочки. Ну и пусть себе игнорирует. Я была рада уже хотя бы тому, что он наконец вылез из своей коробки и вошел в открытый вольер. Это вселяло надежду на то, что психологическая травма, нанесенная животному переездом, постепенно затягивается.

На всякий случай я быстро сняла его на свой телефон. Вдруг лэрд – я стала так мысленно величать Чарли Киннаирда, впрочем, как и все остальные обитатели имения, – захочет получить вещественное доказательство того, что наши кошки еще живы.

– С наступающим тебя сочельником, – миролюбиво обратилась я к Полсону. – А завтра утром, если соблаговолишь взглянуть на меня, то я лично поздравлю тебя с Рождеством, глядя прямо в глаза.

Я вышла из вольера и стала карабкаться вверх по склону, размышляя о том, что все кошки ужасно надменные и капризные создания, прямо как самые настоящие королевские особы. Что ж, тогда Полсон, если судить по его замашкам, точно король. Я подняла глаза и увидела на вершине стройную молодую женщину. Она стояла и смотрела вниз, на меня. Бросились в глаза ее необычайно длинные ноги, словно у жирафа. И одета «по-городскому», как выразился бы Кэл. Нарядная лыжная куртка, отороченная шикарным меховым воротником. Густые белокурые волосы сияли на солнце, словно нимб над головой, обрамляя личико с огромными голубыми глазами и чувственным ртом. Такие губки могут надуться, в случае чего, как те подушки, и при этом сразу же увеличатся в объеме в два раза. Но как бы то ни было, а незнакомка была очень хороша собой. Она начала шумно спускаться вниз. При виде незваной гостьи Полсон тотчас же ретировался из вольера к себе в нору.

– Постойте! – крикнула я, убыстряя шаг. – Минуточку! – Я поспешно вскарабкалась на вершину и развернулась к незнакомке лицом. Впрочем, при ее высоченном росте мои глаза все

равно оказались где-то на уровне ее живота. – Прошу прощения, мадам, но на эту территорию вход воспрещен.

– Вот как? – недовольно воскликнула она, смерив меня уничижительным взглядом. – Не думаю, что этот запрет распространяется и на меня.

– Это временные ограничения, – пустилась я в объяснения. – Дело в том, что мы здесь недавно расселили диких кошек. А я сейчас пытаюсь приучить их к новой среде обитания. Кошки – очень темпераментные животные и с подозрением относятся ко всем посторонним. Мне только сравнительно недавно удалось выманить их из укрытий, чтобы они стали выходить в открытый вольер, а потому...

– А кто вы такая?

– Меня зовут Тигги. Я здесь работаю.

– В настоящее время вы тоже занимаетесь работой?

– Да. А потому прошу вас. Будет просто замечательно, если вы снова подниметесь вверх. Конечно, с такой высоты мало что можно разглядеть, но так надо. Лэрд пытается начать разводить диких кошек в своем имении, потому что во всей Шотландии на свободе осталось не более трехсот особей этих животных.

– Я все это прекрасно знаю, – отрезала незнакомка. Я расслышала в ее голосе легкий иностранный акцент. А еще откровенную неприязнь, с какой были сказаны эти слова. – Что ж, тогда не стану мешать вам в реализации вашего маленького проекта. – Она натянуто улыбнулась. – А потому слушаю и повинуюсь. Исчезаю прочь с ваших глаз. Всего доброго.

– До свидания, – попрощалась я с точной копией знаменитой Клаудии Шиффер и посмотрела ей вслед, наблюдая за тем, как она поднимается на гору. Чутье подсказывало мне, что только что я совершенно неосознанно совершила большую ошибку.

* * *

– Я сегодня столкнулась с женщиной. Она подошла совсем близко к нашим кошкам, – за обедом поведала я Кэлу об утреннем инциденте. – Такая очень эффектная блондинка. Прямо вылитая принцесса из диснеевского мультлика. И очень высокая.

– А, так это, должно быть, наша хозяйка, – ответил Кэл, расправляясь с супом. – Жена нашего лэрда, ее зовут Ульрика.

– Черт! – невольно выругалась я.

– Что такое, Тигги? Что сподвигло тебя на подобные выражения?

– Получается, что я обошлась с ней непозволительно грубо, Кэл. Мне только-только удалось выманить Полсона из его логова, а тут является она. Естественно, Полсон снова опрометью удрал к себе. Вот я и велела ей убираться прочь, если вкратце. – Я больно прикусила губу, ожидая реакции Кэла.

– Да уж, для этой цацы подобное обращение стало полной неожиданностью, таким ушатом холодной воды, думаю. – Кэл аккуратно вычистил кусочком хлеба внутреннюю поверхность тарелки и отправил его себе в рот. – Пожалуй, ее впервые в жизни посмели поставить на место.

– Боже мой, Кэл, что я наделала? Но я ведь только хотела защитить своих кошек. Неужели она не понимает? Если только разбирается в поведении диких животных.

– О, про диких животных, Тиг, она знает только, какой мех ей больше к лицу. Такая модная штучка вся из себя. Работала моделью, когда была помоложе.

– Должна же я была догадаться, кто эта женщина! Должна была, – продолжала я корить себя.

– А какая тебе разница, кто она такая? Ты не хотела, чтобы кто-то из посторонних спугнул твоих кошек. Так что не переживай по пустякам. И с нее корона не свалилась. Переживет!

Знаешь, я готов побиться об заклад, что эта фифа явилась взглянуть не столько на самих кошек, сколько на ту, кто за ними ухаживает. Ведь Чарли наверняка рассказал ей о тебе, а зная эту барышню так, как знаю ее я, отнюдь не удивлюсь такому развороту. Едва ли такая стерпит, чтобы на ее территории вдруг возникла молодая соперница. Тем более такая хорошенькая, как ты.

– Глупости, Кэл! Конечно, спасибо за комплимент. Но если серьезно, то едва ли я смогу составить ей конкуренцию. – Я ткнула себе в грудь, словно заставляя своего собеседника взглянуть непредвзятым взглядом на мое худенькое тельце безо всяких там соблазнительных женских изгибов и выпуклостей, упакованное в старый вязаный джемпер с аранами, такими толстыми косичками и ромбами, что делает свитер особенно теплым. Правда, за минувший год, что я прожила у Маргарет, его изрядно поела моль.

– Как бы то ни было, Тигги, а придется тебе наводить на себя красоту к сегодняшнему вечеру. Хозяева устраивают у себя в доме шумную вечеринку с танцами по случаю Рождества. Я как-то совсем забыл сказать тебе, что наш лэрд придерживается тех же традиций, которые существовали и при его отце. В Рождественский сочельник в парадной зале дома собирают гостей, потчуют их выпивкой, потом танцы и все такое. Словом, чтобы к вечеру была при полном параде.

– Что?! Какая вечеринка? – Я в ужасе глянула на Кэла. – У меня даже одежды нет соответствующей.

– Хорошо! Тогда просто прими ванну. Чтобы от тебя не воняло твоими драгоценными кошечками.

Вечером я перебрала весь свой нехитрый скарб. Получается, что, кроме этого изъеденного молью свитера, который на мне, в запасе еще есть мои «выходные» черные джинсы и рубашка в красную клеточку. Что ж, придется идти в том, что есть. Я не стала собирать свои непослушные каштановые кудри в хвост, а оставила их свободными. Потом слегка тронула скулы пудрой и легонько прошлась помадой по губам.

Кэл уже поджидал меня в гостиной. Я невольно издала восхищенный возглас, увидев его в национальном костюме: килт в темно-синюю и зеленую клетку, кожаная сумка с мехом, закрепленная на пряжке ремня, тоже как обязательная часть костюма шотландского горца, наконец, на поясе нож, вставленный в ножны.

– Ну, Кэл, ты сегодня бесподобен!

– Да ты тоже, как я посмотрю, навела марафет. Почистила свои перышки, – одобрительно ответил он. – Что ж, тогда идем в гости.

Мы вышли напрямик к парадному входу в дом. Уже на крыльце я услышала шум голосов и смех, доносящиеся изнутри.

– Только раз в году нам, пейзанам, разрешается переступить парадный порог господского дома. Это в канун Рождества, – негромко промолвил Кэл, открывая мне дверь. Мы вошли в холл. В лестничном проеме красовалась величественная рождественская елка, украшенная множеством разноцветных лампочек, в огромном камине жарко полыхал огонь. Языки пламени выхватывали из полумрака лица гостей, которые все прибывали и прибывали. Мужчины все, как и Кэл, в килтах, женщины с шарфами-тартанами, закрепленными на плече или по поясу. Берил и Элисон разносили гостям горячий глинтвейн и сладкие пирожки с начинкой из изюма и миндаля.

– Прекрасно выглядите, Тигги, – похвалила меня Берил. – С Рождеством вас.

– Я вас тоже поздравляю. – Я чокнулась с экономкой и отхлебнула глоток глинтвейна из своего бокала, исподтишка разглядывая собравшихся. Где-то же здесь должны быть и Чарли Киннаирд со своей женой.

– Хозяева еще не спускались, – словно прочитала мои мысли Берил. – Наша новая хозяйка тратит уйму времени на то, чтобы предстать на людях в должном свете. Вот и сейчас

наверняка наводит на себя блеск, чтобы явиться перед своими подданными во всем величии, – добавила она, слегка поджав губы.

Берил плавно переместилась к очередной группе гостей, а я стала прохаживаться по холлу. Большинство собравшихся были уже людьми немолодыми, явно пенсионного возраста. Но вот взгляд мой выхватил из толпы молоденькую девочку, совсем еще подростка. Она смотрелась абсолютно инородным телом в этой седовласой массе. Девочка стояла в одиночестве, держа в руках свой бокал с глинтвейном. По ее лицу была разлита нескрываемая скука. А как еще можно в ее возрасте реагировать на подобное сборище стариков? Я подошла к ней поближе и тут же уловила знакомые черты лица – те же ярко-голубые глаза и безупречная кожа, как и у той женщины, которую я встретила сегодня утром неподалеку от вольеров с дикими кошками. Вот только волосы не белокурые, а рыжие, с красноватым отливом. И подстрижены коротко. Если судить по ее тоненькому свитерку и рваным джинсам, то девчушка не очень озаботилась тем, чтобы предстать перед гостями в праздничном одеянии.

– Привет, – поздоровалась я с девочкой, подходя к ней поближе. – Меня зовут Тигги. Я недавно стала работать тут, в имении. Ухаживаю за дикими кошками, пока они обживаются на новом для себя месте.

– О да. Папа рассказывал мне о вас. А меня зовут Зара Киннаирд. – Голубые глаза Зары скользнули по мне оценивающим взглядом. Прямо точь-в-точь, как ее мамаша сегодня утром. – А вы выглядите слишком молодо, чтобы быть консультантом у папы по вопросам разведения диких кошек. Сколько вам лет?

– Двадцать шесть. А тебе? Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

– Не возражаю. Мне шестнадцать. Ну, и как твои кошки чувствуют себя на новом месте? – спросила у меня Зара, и я сразу же почувствовала, что эта тема ее действительно интересует.

– Процесс адаптации длительный, но мы потихоньку движемся в заданном направлении.

– Как бы я хотела оказаться на твоём месте. Целый день проводить на открытом воздухе, работать с животными... А тут приходится торчать часами в школе, где тебя душат этой ужасной математикой и прочей ерундой. Скукотень, одним словом. Но мама и отец не позволяют мне переехать сюда и работать в нашем заповеднике до тех пор, пока я не получу образования.

– Ну, ждать-то ведь совсем немного осталось. Я права?

– Целых восемнадцать месяцев. Да и потом... Мама наверняка захочет, чтобы я трудилась редактором в каком-нибудь модном журнале типа «Вог». Не знаю, что она там себе напридумала на мой счет. – Девочка недовольно фыркнула. – Ты куришь? – спросила она у меня, переходя на шепот.

– Нет, я не курю. А ты?

– Курю, когда родителей нет поблизости. У нас в школе все курят. Давай выйдем на пару минут на улицу, чтобы я смогла затянуться. А если кто спросит, ты скажешь, что водила меня показать тех оленей, которые сейчас кормятся в хлеву. Ну, или что-нибудь еще... Здесь же тоска зеленая.

Вот уж чего мне хотелось меньше всего на свете: чтобы кто-нибудь застукал меня сейчас за сараем в компании с дочерью лэрда, да еще с сигареткой во рту. Но девочка мне нравилась, а потому я ответила согласием на ее предложение, и мы незаметно выскользнули на крыльцо. Зара тотчас же извлекла из кармана своего свитерка помятую папироску и зажигалку и закурила. Я невольно обратила внимание на ее пальцы, сплошь унизанные массивными серебряными кольцами, с ногтями, покрытыми черным лаком. И сразу же вспомнила свою сестру Сиси, которая тоже практиковала такой экстремальный стиль, когда ей было столько же лет, сколько Заре сейчас.

– Папа посоветовал мне поговорить с тобой, пока я буду здесь, расспросить у тебя, чем ты занималась, пока работала в питомнике у Маргарет, – промолвила она, выпуская очередную струйку дыма на морозный воздух. – А тебя так называли в честь того ежика из сказки

Беатрикс Поттер, да? – задала она свой следующий вопрос, не дав мне возможности ответить, чем именно я занималась у Маргарет.

– Может быть. Это мое детское прозвище. Наверное, потому, что в детстве мои волосы торчали в разные стороны, словно иголки у ежика. А вообще-то меня зовут Тайгете.

– Какое необычное имя. Откуда оно?

– Меня и моих сестер называли в честь звезд, входящих в созвездие Плеяды. Его еще называют «Семь сестер». Взгляни вон туда. – Я махнула рукой на безоблачно чистое ночное небо. – Вот это созвездие, прямо над теми тремя звездочками, которые выстроились в одну линию, словно стрела. Их называют Пояс Ориона. Согласно легенде, Орион гонялся за сестрами по всему небу. Ну, что? Видишь?

– Вижу! – воскликнула Зара с неподдельным волнением в голосе. Прямо как ребенок! – Они такие крохотные, эти сестры, но я все равно вижу, как они мерцают. Я всегда интересовалась звездами, но в школе астрономии практически не уделяют никакого внимания. Согласна со мной? Расскажи, как ты получила степень по зоологии? Если меня все же заставят поступать в университет, то я бы тоже хотела заняться изучением зоологии или чего-нибудь подобного.

– Я очень счастлива, что изучала в университете именно зоологию. Честно признаюсь тебе в этом. Но тебе не кажется, что нам пора присоединиться к остальным гостям? Вполне возможно, твои родители уже ищут тебя.

– Вряд ли. Они сегодня ссорились наверху, причем по-крупному. Мама категорически отказывается спускаться вниз к гостям, а папа пытается уговорить ее. Словом, все как всегда. – Зара недовольно округлила глаза. – У мамы сразу же начинается истерика, если папа в чем-то не согласен с ней. А потом он тратит уйму времени на то, чтобы успокоить ее и привести в чувство.

Из того, что рассказывала Зара о своем отце, у меня никак не складывалось представление о нем как о человеке, который полностью контролирует не только ситуацию, но и все вокруг себя. Однако не мое это дело – совать нос в чужие семейные дела. А потому я перевела разговор на другое и стала рассказывать Заре о том, как я получила степень по зоологии, и о том, как мне работалось у Маргарет. В лунном свете глаза девочки светились живым интересом ко всему, о чем я ей рассказывала.

– Но это же просто потрясно! – воскликнула она с энтузиазмом. – Теперь, когда папа уже стал полноправным хозяином всего поместья, я даже попросила его оставить в нашем имении несколько акров свободной земли для того, чтобы на этой территории организовать в дальнейшем питомник по уходу за животными, как это было у Маргарет. А со временем можно будет даже устроить там мини-зоопарк, такой живой уголок, что ли, куда местные могли бы приводить своих малышей, чтобы те полюбовались нашими питомцами.

– Отличная идея, Зара. И как отреагировал твой отец на это предложение?

– Сказал, что на данный момент у нас нет денег ни на что. – Зара подавила вздох разочарования. – Но я же говорила ему, и не раз, что готова сразу же после окончания школы переехать сюда и работать тут целыми днями, чтобы хоть как-то помочь ему. Но у него другие планы на мой счет. Вначале я должна окончить школу, потом поступить в универ. Но ведь вот Маргарет, к примеру! У нее же нет степени, верно? Главное – это любить животных, по-моему.

– Все верно, Зара. Но университетское образование поможет тебе в будущем выстроить свою профессиональную карьеру.

– А я и без того отлично представляю свое будущее! – Девочка широко раскинула руки, словно хотела обнять все вокруг себя, а в ее глазах я прочитала самую настоящую страсть. – Больше всего на свете я хочу провести всю оставшуюся жизнь здесь, в Киннаирде. Вот ты, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, знала, что хочешь в будущем работать с животными?

– Да, знала.

– Животные, они ведь гораздо лучше людей, не правда ли?

– Ну, животные, как и люди, бывают разными. Вот взять, к примеру, моего Полсона. Это – одна из наших кошек. Он такой же капризный, как самая настоящая оперная примадонна. Конечно, будь *он человеком*, вряд ли он мне понравился бы.

– Примадонна, говоришь? Прямо как моя мама! – Девочка весело хихикнула. – Однако пошли в дом. Увидим, соизволили ли мои предки наконец спуститься вниз к своим гостям.

Мы направились в сторону дома, а я размышляла по пути, что Зара – это типичное олицетворение того, что мы называем переходным возрастом. Очень непростое время в жизни любого подростка: уже не ребенок, но еще и не взрослая женщина.

К моменту нашего возвращения холл был забит людьми до отказа. Зара тут же принялась приветствовать кого-то взмахом руки, кому-то посылать воздушные поцелуи. Если судить по почтенному возрасту тех, кому эти поцелуи предназначались, то получалось, что все эти люди знали девочку, можно сказать, с пеленок. Впрочем, чему же удивляться? Она ведь здесь принцесса, будущая наследница Киннаирда. Я невольно почувствовала укол зависти при мысли о том, что в один прекрасный день вся эта красота станет ее законной собственностью. Утешало лишь одно. Судя по всему, девочка действительно очень привязана к имению.

Мои размышления были нарушены появлением рядом с нами миниатюрной женщины с копной ярко-рыжих кудрей и слегка уставшими голубыми глазами.

– Зара, ты нас не познакомишь? – обратилась она к девочке.

Зара повернулась к ней и тут же расцеловала в обе щеки.

– Кейтлин! Как я рада видеть тебя! Тигги, это Кейтлин, вторая половинка нашего Кэла. Лучшая половинка! Кейтлин, это Тигги. Она будет работать у нас в имении какое-то время.

– А-а, Кэл рассказывал мне о вас. Ну, и как вам живется с ним под одной крышей? Не самое уютное местечко, где можно предаться отдыху, не так ли?

– О нет! Все отлично! Ваш Кэл сделал все возможное, чтобы скрасить мое пребывание здесь. Да и сам дом немного преобразился в лучшую сторону. Я, по мере сил, постаралась навести в нем относительный уют для нас двоих и...

«*Ради всех святых, Тигги, заткнись!*» – тотчас же одернула я себя, увидев выражение лица Кейтлин.

Зара выручила меня. Бросилась расспрашивать Кейтлин о том, как ей работаете в строительной компании, а через пару секунд к нам присоединился и Кэл с рюмкой виски в руке. Он возник перед нами в сопровождении миловидной худенькой женщины лет сорока с небольшим. Чувствовалось, что Кэл очень смутился, увидев свою невесту рядом с соседкой по общежитию.

– О, я вижу, вы уже успели познакомиться, – одобрительно хмыкнул он. – Я и сам думал свести вас, вот только нигде не мог найти Тигги. – Кэл бросил влюбленный взгляд на Кейтлин и обнял ее своей загорелой ручищей за хрупкие плечики с такой силой, что даже расплескал виски из своей рюмки.

– Да, мы уже познакомились, – ответила Кейтлин и тоже улыбнулась. Вот только глаза ее при этом оставались холодными и не улыбочивыми.

– Ну, раз так, – поспешил он уйти от дальнейшего обсуждения этой щекотливой темы, – я тут привел с собой еще и Фийону. Тоже для того, чтобы познакомить с Тигги. Тигги, это наш местный ветврач. Фийона Мак-Дугал, прошу любить и жаловать! По-моему, ты мне говорила, что хочешь, чтобы кто-то из специалистов глянул на твоих кошек. Вот тебе нужная женщина.

– Добрый вечер, Тигги. Очень рада нашему знакомству, – тепло поприветствовала меня Фийона своим нежным голосом с утонченным шотландским акцентом.

– Я тоже очень рада, – ответила я совершенно искренне, радуясь вдвойне, что смогла наконец немного дистанцироваться от Кейтлин. Мы не успели продолжить нашу с ней беседу, потому что в этот момент на парадной лестнице рядом с нами полыхнуло чем-то очень ярким. Мы, как и все остальные гости, задрали головы вверх. Раздались бурные аплодисменты. Та

самая женщина, с которой я столкнулась сегодня утром возле вольеров с дикими кошками, облаченная в ярко-алое платье облегающего покроя, с тартаном, закрепленным на плече, плавно спускалась по ступенькам, опираясь на руку своего мужа Чарли Киннаирда. Последний раз я видела Чарли в больничном интерьере. Зато сейчас он предстал перед всеми во всем блеске: смокинг, галстук-бабочка и, конечно, килт. Ни дать ни взять, точная копия своих многочисленных предков, портреты которых украшают все стены в этом доме.

Когда они остановились на промежуточной площадке в середине пролета, прежде чем преодолеть несколько последних ступеней, я вдруг почувствовала, как у меня перехватило дыхание. И не столько из-за ослепительной красоты хозяйки дома, хотя она и выглядела просто потрясающе. Нет, *из-за него*. Я даже покраснела от смущения, пережив уже знакомые мне спазмы в нижней части живота. Точно такие же, как и при нашей первой встрече с Чарли.

Супружеская чета замерла на площадке. Жена вальяжно махнула рукой, приветствуя толпу, собравшуюся внизу. Такое впечатление, что ее обучали урокам этикета старшие представители британской королевской семьи. Чарли неподвижно стоял рядом с женой, но по его фигуре, по развороту плеч было видно, как он внутренне напряжен. Такое же напряжение я заметила и тогда, когда проходила у него собеседование. Несмотря на легкую улыбку, скользившую по его губам, чувствовалось, что он явно не в своей тарелке.

– Леди и джентльмены, – начал Чарли, сделав короткий взмах рукой, призывая к тишине. – Прежде всего, хочу выразить вам свою благодарность за то, что вы почтили своим присутствием наш ежегодный семейный праздник по случаю сочельника. Но впервые я выступаю на этом празднике в качестве хозяина, хотя все предшествующие тридцать семь лет был его неизменным участником. Как вы знаете, в феврале уходящего года мой отец Ангус скончался во сне, а потому хочу первым делом попросить всех вас поднять свои бокалы, а Берил уже любезно позаботилась о том, чтобы виски подали всем гостям, за светлую память моего отца. – С этими словами Чарли взял стакан с подноса, который услужливо подставила ему Берил, поднес его к губам и снова повторил. – За Ангуса.

– За Ангуса! – хором откликнулись собравшиеся.

– Я также хотел бы поблагодарить всех, каждого из вас, за ту помощь, которую вы оказывали нашей семье все эти годы по содержанию имения в надлежащем порядке. Многие из вас уже в курсе, что, несмотря на некоторую растерянность, которую я пережил в первые месяцы после столь неожиданной и скоропостижной смерти отца, сегодня я уже вполне определенно представляю себе будущее имения Киннаирд. Нам надлежит совместными усилиями сделать из него имение двадцать первого века и при этом постараться максимально сохранить и воссоздать заново уникальную красоту природы в здешних местах. Задача не из простых, но я уверен, что при поддержке местных жителей мне удастся справиться со всеми намеченными планами.

– У вас точно все получится! – громко выкрикнул какой-то мужчина, стоявший рядом с Чарли. Он извлек из кармана своего пиджака плоскую фляжку, открыл ее и сделал большой глоток.

– И наконец, – продолжил свой спич Чарли, – хочу поблагодарить свою жену Ульрику за то, что она поддерживала меня и была рядом весь этот трудный год. Без ее участия я бы не справился. За тебя, дорогая.

Все снова вскинули вверх свои стаканы, хотя они и были уже пусты, а Чарли между тем закончил:

– И конечно, свою дочь Зару. Зара, ты где? – Чарли обвел глазами зал. Я тоже оглянулась по сторонам. Но Зара куда-то бесследно исчезла. – Что ж, все мы прекрасно знаем, как Зара обожает прятаться в самый неподходящий момент.

Последние слова лэрда гости встретили веселыми, понимающими смешками.

– Позвольте еще раз пожелать собравшимся гостям, всем и каждому из вас, счастливого Рождества.

– Счастливого Рождества! – хором отозвались гости.

– А сейчас, пожалуйста, угощайтесь, наполняйте свои бокалы, а мы тем временем быстро свернем все ковры и приготовим помещение к танцам.

– Какую вдохновенную речь толкнул наш лэрд! Согласны? – воскликнул Кэл, потом схватил своей огромной лапищей нежную ручку Кейтлин и, пробормотав что-то нечленораздельное на предмет того, что они с Кейтлин пойдут и поищут еще спиртного, потянул ее за собой.

– Хороший парень этот Кэл, – обронила Фийона, глядя им вслед. – Ну, как вы? Уже обжились у нас? – Она снова повернулась ко мне и доброжелательно улыбнулась.

Какие у нее умные глаза, невольно восхитилась я.

– Потихоньку привыкаю, – ответила я. – Здесь такая красотища, что порой мне хочется просто взять и раствориться без остатка в этой красоте. Правда, сегодня мне немного непривычно. После трех недель, можно сказать, полнейшей изоляции, видеть вокруг себя столько людей.

– Я вас отлично понимаю. Схожие чувства испытывала и я, когда перебралась сюда из Эдинбурга.

– Даже так? А позволительно ли мне поинтересоваться, что сподвигло вас бросить большой город и переехать жить в Высокогорную Шотландию?

– Влюбилась в здешнего парня, вот и все дела, – ответила она просто. – Я тогда уже заканчивала Эдинбургский университет, где обучалась ветеринарии. У меня было что-то вроде преддипломной практики в одной из здешних ветеринарных клиник неподалеку от Киннаирда. Тут я и познакомилась с Хеймишем. У него свое небольшое фермерское хозяйство по соседству с имением. После окончания университета мне предложили работу в одной из крупных клиник Эдинбурга, но сердце мое было уже покорено. Словом, я вышла замуж и переехала сюда. Поступила на работу в местную ветеринарную клинику, а когда Ян, мой партнер по бизнесу, пару лет тому назад ушел на покой, я возглавила клинику.

– Понятно. Работы много?

– Очень. Хотя контингент моих пациентов несколько иной, чем, скажем, в больших городах. Здесь, помимо домашних питомцев, с которыми я общалась, когда работала в Эдинбурге, это еще и бесконечная вереница коров и овец.

– Работа вам нравится?

– Очень! – Она издала короткий смешок. – Хотя, конечно, когда тебя поднимают по вызову в три часа ночи, чтобы помочь разродиться какой-нибудь страждущей телке, и тебе приходится добираться туда по пояс в снегу, то приятного в этом мало.

Рядом с Фийоной вдруг возник высокий широкоплечий юноша-блондин.

– Привет, мама. А я все гадал, куда это ты запропастилась.

Его чистые серо-зеленые глаза, точь-в-точь, как у самой Фийоны, сияли в огнях люстры, словно две звездочки. Сразу видно, мать и сын, подумала я.

– Привет, Лочи. – Фийона одарила сына теплой улыбкой. – Познакомься, это Тигги, та девушка, которая ухаживает за дикими кошками, которых недавно перевезли в имение.

– Рад познакомиться с вами, Тигги. – Лочи протянул мне руку для рукопожатия и мгновенно покрылся пунцовой краской, ибо в этот момент к нам подошла Зара.

– Привет, Лочи, – поздоровалась она с молодым человеком. – Я тебя уже сто лет не видела. Где ты прячешься?

– Привет, Зара, – смутился тот еще больше, и еще гуще стал румянец на его щеках. – Я же занимаюсь в колледже в Дорноче.

– Понятное дело. А что сейчас делаешь?

– Ищу временную подработку по специальности. Но пока не получается. Работы вокруг мало. А потому я помогаю папе на ферме.

– Я ему уже говорила, чтобы он поймал на вечеринке Кэла и перекинулся с ним парой слов. Вдруг что-нибудь подходящее есть в самом Киннаирде? – подала голос Фийона, бросив многозначительный взгляд на Лочи.

– О, Кэлу очень нужен стоящий помощник, – тут же вмешалась я в их разговор.

– Да, но только у папы сейчас нет денег, – тяжело вздохнула Зара.

– Да я за так готов работать, бесплатно. Главное для меня – приобрести опыт, – отозвался Лочи, и я поняла, что парень тут же загорелся моей идеей.

– Ну, может быть, не совсем бесплатно, – осторожно подправила его мать.

– Замолви за меня словечко, Зара. Ладно? – попросил девушку Лочи.

– Обязательно поговорю с папой, – пообещала Зара. – А пока принеси мне чего-нибудь выпить.

– Блин! Да он совсем уже взрослый! – прошептала Зара мне на ухо, наблюдая за тем, как Лочи с готовностью бросился к столику в самом дальнем конце холла, на котором были выставлены закуски и спиртное. – А ведь был таким невзрачным толстячком. Весь в прыщах! Пойду, помогу ему определиться с выбором.

– Да уж, помоги! – одобительно ответила я, глядя в спину удаляющейся девушке.

– Ох, уж эта молодежь! – воскликнула Фийона, выразительно сверкнув глазами, и мы обе весело рассмеялись.

Вскоре рядом с нами снова возник Кэл, держа в руках очередные рюмки с виски. Но я наотрез отказалась от спиртного. У меня и так голова немного кружилась. Боковым зрением я заметила, что Чарли и Ульрика обходят своих гостей, здороваясь с каждым из них за руку. И уже почти приблизились к нам.

– Мне кажется, я уже изрядно навеселе. Алкоголь подействовал. Пожалуй, пойду-ка я потихоньку домой.

– Но как же танцы, Тиг? Ведь это же самое главное событие года! И потом, я знаю, что Чарли хочет лично поздороваться с тобой.

– У него и без меня гостей хватает. А поздороваться лично у нас еще будет возможность. Ведь Рождество еще только начинается. Так что, Кэл, не уговаривай меня. Я уйду. А ты развлекайся по полной. До встречи дома. Фийона, очень рада была познакомиться с вами.

– Взаимно, Тигги. Дайте мне знать, когда решите осмотреть ваших кошек. У Кэла есть мой телефон.

– Договорились. И большое вам спасибо, Фийона.

Я круто развернулась и выскочила на улицу, прежде чем Кэл успел меня остановить. В лощине уже клубился густой туман. Морозящая пелена окутала и рождественскую ель, установленную по центру газона перед домом. Мерцающие огоньки, украсившие елку, с трудом просвечивались сквозь эту пелену. Внезапно в нескольких метрах от ели вспыхнул и тут же погас еще один огонек. Я поняла, что кто-то стоит за деревом и сейчас закурил сигарету.

– Счастливого Рождества, – промолвила я негромко, проходя мимо.

– И вам того же, – откликнулся незнакомец. Он направился в мою сторону, неожиданно выступив из тумана. Подошел ближе. Единственное, что мне удалось разглядеть в темноте, так это то, что мужчина высоченного роста.

– Ну, как вечеринка? Удалась? – поинтересовался он у меня. Мужчина говорил с легким акцентом, который я так и не смогла определить на слух.

– Да, отличная вечеринка получилась.

– Чар... Сам лэрд всем заправлял?

– Да. Они вместе с женой принимали нас как хозяева дома. А разве вы еще там не были?

– Нет.

– Тигги, это вы? – В нашу сторону упал луч фонаря. – А я обшарил буквально весь дом, разыскивая вас.

Чарли Киннаирд направился ко мне, но вдруг резко остановился. Фонарь осветил моего собеседника.

Какое-то время Чарли молча смотрел на него, потом спросил:

– А ты что здесь делаешь?

– Вот вернулся домой, чтобы навестить на Рождество свою старушку-мать. Думал сделать ей сюрприз. Надеюсь, в этом нет ничего противозаконного?

Чарли открыл рот, чтобы что-то сказать, и снова закрыл его. Вся его поза, выражение лица, все исходило глубочайшую неприязнь к незнакомцу.

– Что ж, пожалуй, я побегу к себе, – проговорила я с нарочитым оживлением в голосе. – Всего вам доброго. И счастливого Рождества, – снова повторила я поздравление и, развернувшись, помчалась бегом к себе домой. Мне было слышно, что мужчины о чем-то разговаривали. Точнее, они ругались. Во всяком случае, так мне показалось по их громким голосам, когда я открывала входную дверь. Обычно сдержанный Чарли говорил что-то отрывисто и зло. Его мягкий голос на сей раз был полон...

«Чего, Тигги?»

– Ненависти, – ответила я сама себе шепотом и даже содрогнулась от этой мысли.

Я плотно прикрыла за собой дверь, чтобы не слышать возбужденные голоса мужчин, вступивших в самую настоящую перебранку. В нашем домике было зверски холодно. Камин почти погас, а нагреватели, как назло, вышли из строя. Я снова расшевелила огонь в камине и уселась перед ним. Внезапно на меня нахлынуло страшное одиночество. Кажется, только теперь до моего сознания дошло, что это первое Рождество в моей жизни, которое я встречаю вдаль от Атлантиды, без сестер и отца.

Я извлекла мобильник из розетки, куда подключила его для подзарядки, и, не раздеваясь, как была в своей лыжной куртке, пошла в ванную комнату. А вдруг, несмотря на то что питание почти на нуле, кто-то все же смог дозвониться со словами поздравлений? И действительно, на мой мобильник поступила куча сообщений. Все сестры поздравили меня с наступающим Рождеством, а Ма прислала даже речевое сообщение, которое я прослушала в первую очередь. После чего мне заметно полегчало.

Я отбила несколько ответных писем.

«Да пребудет с тобой всегда, моя дорогая, светлая радость Рождества Христова. Люблю, Тигги...»

Этот текст я разослала всем своим пяти сестрам, а вот к Ма решила обратиться напрямую, когда немного согреюсь. Потом я уселась перед горящим камином, прихватив с собой для компании и Алису, уютно устроившуюся у меня на коленях. За окном послышался колокольный звон. Долина наполнилась ликующим перезвоном, возвещающим о том, что Христос родился. Я услышала, как за дверью жалобно скулит Тистл. Поднялась с пола, чтобы впустить собаку в дом. Кэл ведь еще не скоро заявится домой. Пес радостно ворвался в комнату и тут же попытался вспрыгнуть ко мне на колени, когда я снова свернулась калачиком возле огня.

– Перестань, Тистл! – ласково попеняла я ему, уткнувшись лицом в его пахучую серую шерсть. – Ты слишком большая собачка для подобных нежностей.

Но рядом с ним было тепло, и я даже была рада такой компании.

– Вот и встретились два одиночества, – вяло пошутила я. – Счастливого тебе Рождества, мой дорогой. – Я погладила его мягкие бархатистые уши, а потом и поцеловала их. – Папочка, где бы ты сейчас ни был, и тебя я тоже поздравляю с наступившим Рождеством.

5

На следующее утро я проснулась в гораздо более веселом расположении духа. За ночь снега вокруг изрядно прибавилось. На горизонте уже порозовело небо: восход, заранее обещающий солнечный, по-настоящему праздничный день.

Кэл и Кейтлин явились домой уже в четвертом часу утра. Стараясь не разбудить их и ничем не потревожить их сон, я тихонько укуталась в теплые одежды и на цыпочках вышла из дома, чтобы покормить кошек. Это у людей праздник, а в природе выходные не предусмотрены: там все идет своим чередом. Я взобралась на вершину холма и увидела, что внизу, возле самых вольеров маячит чья-то высокая фигура, облаченная в зимнюю куртку и войлочную шляпу. Воротник куртки был высоко поднят, чтобы защитить от холода. Я почувствовала, как заколотилось сердце в моей груди. Я сразу же узнала Чарли Киннаирда.

– С Рождеством вас, – негромко обронила я, подходя ближе.

Он вздрогнул от неожиданности и повернулся ко мне.

– Тигги! А я не слышал, как вы подошли. Какая у вас легкая походка. Словно парите в воздухе. И я вас тоже поздравляю с Рождеством. – Чарли приветливо улыбнулся.

Вблизи были видны темные круги под его глазами. На заострившихся скулах проступила легкая щетина.

– Вот решил прогуляться и взглянуть на кошек. Но, только когда подошел к вольеру, вспомнил, что я не знаю комбинацию цифр кодового замка, – продолжил он.

– Четыре семерки. Запомните на будущее, – сказала я. – Не хочу вас огорчать понапрасну, однако наши кошки пока очень редко показывают себя. Даже мне. А вас они уже наверняка учуяли по непривычному для них запаху. Сегодня они точно не соизволят выйти к нам. Придется вам несколько раз появиться здесь, чтобы они привыкли к вашему запаху, и тогда, быть может, нам повезет больше.

– Понимаю. Кэл рассказывал мне, сколько вам тут пришлось повозиться с ними, чтобы выманить их из укрытия. Я никоим образом не хочу нарушать покой ваших питомцев, Тигги. Полагаю, мне лучше уйти.

– Конечно нет! С какой стати вам уходить? Вы – единственный человек, кто предложил приютить этих кошек у себя. Более того, построил им такой замечательный дом. Просто кошки – необыкновенно эмоциональные создания. Нам сильно повезет, если у нас получится что-то путное с их разведением.

– Представляю, сколько бы было с ними хлопот, если бы они были размером с гигантских панд, – озабоченно вздохнул Чарли.

– Наверняка *сбились бы* в стаю, и тогда пощады не жди, – улыбнулась я.

– Хорошо! И все же я не рискну потревожить их прямо сейчас. Что, если мы с вами просто немного прогуляемся? – предложил он, пока я раскладывала по кормушкам дневные порции мяса для каждой из кошек.

– Ладно, – тут же согласилась я.

Мы вместе поднялись на вершину холма. Шли молча, пока не приблизились вплотную к скалистому утесу, вскарабкались на него и стали наблюдать за восходом солнца, благо это была самая лучшая позиция для таких наблюдений. Вот оранжевые лучи сверкнули из-за близлежащих гор и облили все вокруг своим золотистым светом. Я повернулась к Чарли.

– Каково это – жить с пониманием того, что все это великолепие принадлежит тебе? – спросила я.

– Честно? – Он глянул на меня сверху вниз.

– Честно.

– Ужасное чувство. Пугающее. Мне легче спасти чью-то жизнь и принять ответственность за судьбу своего пациента, чем ежедневно разгребать тот ворох проблем, который скопился вокруг Киннаирда. По крайней мере, в больнице все ясно: я – врач, есть определенная процедура лечения, и она либо облегчит состояние больного, если ты правильно определился с диагнозом, либо нет, если случай уж слишком запущенный. А Киннаирд – это... – Чарли неопределенно махнул рукой в сторону бескрайних просторов, расстелившихся внизу. – Киннаирд – это свободная стихия, никак не подвластная моему контролю. Хотя мне и хочется выложиться по полной ради Зары и ради будущего Киннаирда, но иногда мне кажется, что я взвалил на себя слишком неподъемную ношу и мне с ней не справиться. За что бы я здесь ни взялся, везде нужны деньги, и немалые. Плюс отдача будет не сразу, а лишь в отдаленной перспективе.

– И все равно, все ваши усилия... они не напрасны. Поверьте! – выдохнула я. И непроизвольно раскинула руки, словно намереваясь объять необыкновенной красоты пейзаж вокруг себя. Завораживающее зрелище. Все искрилось и переливалось в лучах восходящего солнца.

Какое-то время Чарли молча смотрел на меня, потом так же молча проследил за моим взглядом, разглядывая лощину, раскинувшуюся внизу, сделал глубокий вдох. Да, это его королевство, его вселенная, подумала я, глядя на выражение лица Чарли.

– А знаете, что? – вдруг спросил он, еще немного помолчав, и я увидела, как спало с него напряжение, как вдруг распрямылись его плечи. – Вы абсолютно правы. Я должен быть оптимистом, должен сохранять позитивный настрой. Потому что мне действительно очень повезло владеть всем этим. Я – счастливый человек.

– О да! Вы – счастливый человек. Хотя умом я и понимаю, как вам сейчас трудно. Но помните, Чарли, у вас есть мы. И мы всегда, в случае чего, подставим вам плечо. Честно!

– Спасибо, Тигги.

Поддавшись неожиданному порыву, он слегка коснулся рукой рукава моей лыжной куртки. На мгновение наши взгляды встретились. Я отдернула свою руку первой, и драгоценное мгновение ускользнуло так же внезапно, как и пришло.

Чарли слегка откашлялся.

– Хочу извиниться перед вами за вчерашнюю не очень приятную, скажем, сцену, свидетелем которой вы случайно оказались.

– О, это сущие пустяки. Надеюсь, вы там со всем разобрались?

– К сожалению, нет. С этим невозможно разобраться до конца, – ответил он неожиданно резко. – Знаете, я всю ночь глаз не сомкнул. Собственно, поэтому я и выбрался из дома в такую рань и притащился сюда. Надеюсь, что свежий воздух подействует на меня благотворно и хоть немного прочистит мозги.

– Мне очень жаль, Чарли, что все так получилось. Но мой покойный отец всегда говорил так: есть проблемы, с которыми ты можешь справиться, а есть такие, решить которые тебе не под силу. И тогда тебе нужно просто смириться с тем, что есть. Закрывать за собой эту дверь и двигаться дальше, вперед.

– Судя по всему, ваш отец – очень мудрый человек. В отличие от меня, – сказал Чарли, неловко пожимая плечами. – И он абсолютно прав. Фрейзер по непонятным причинам вернулся в Киннаирд. Эти причины мне не известны, и с этим действительно ничего не поделаешь. Хорошо! Пожалуй, мне пора возвращаться. Иначе чисто шотландский завтрак, который наверняка уже приготовила Берил, остынет.

– О, это ей категорически не понравится, – улыбнулась я.

– Вот именно! – согласился со мной Чарли, и мы повернули назад, держа путь каждый к своему дому. – Чем собираетесь заняться днем? – поинтересовался он у меня.

– Маргарет пригласила меня сегодня к себе на обед.

– Передайте ей, пожалуйста, от меня поздравления и самые наилучшие пожелания. Я ее очень люблю, – обронил Чарли, когда мы оба остановились возле парадного крыльца его дома. – И еще раз, Тигги, счастливого вам Рождества. Спасибо, что составили мне компанию сегодня утром. Надеюсь, у нас еще будет возможность пообщаться с вами.

– Я тоже надеюсь. Счастливого Рождества, Чарли.

* * *

Новый дом Маргарет был именно таким, каким и должен быть новый дом. Мы обе восторженно восклицали, когда она знакомила меня со своим жилищем: новенькие, сверкающие краны, немедленно подающие горячую воду, радиаторы греют все до единого, куча телевизионных каналов. Только сиди себе и переключай с одного на другой.

– Очень уютный дом, Маргарет, – констатировала я совершенно чистосердечно, пока она усаживала меня на новенький диван, обитый розовым полиакриловым штапелем. Сама Маргарет тоже выглядела отдохнувшей и посвежевшей. Она протянула мне рюмку виски. Ее неизменные спутники, две собаки и кошка, мирно посапывали, лежа перед камином.

– Знаешь, Тигги, а я совсем не скучаю по тем временам, когда нужно было подниматься с постели ни свет ни заря. После стольких лет напряженного труда так приятно понежиться в кровати до семи утра! А сейчас, Тигги, переведи немного дыхание и расслабься, а я пойду, займусь обедом.

Я медленно потягивала свой виски, ощущая, как приятное тепло растекается по моей гортани. Потом проследовала за хозяйкой к небольшому столику с праздничной сервировкой: свечи, рубиново-красные соцветия пуансеттии, ее еще зовут молочаем.

Пока я наслаждалась запеканкой из орехов, которую необыкновенно вкусно готовит Маргарет по только ей одной известному рецепту, сама она с аппетитом уплетала грудку индейки.

– Ну, как вчера прошла вечеринка в Киннаирд-лодж? – поинтересовалась у меня Маргарет. – Зара приехала?

– Вообще-то я была такая уставшая, что на танцы не осталась. Но с Зарой познакомиться успела. Любопытное создание, – откликнулась я, с трудом подавляя в себе желание улыбнуться. – А уже когда я вышла из дома, то встретила во дворе какого-то высокого мужчину, слонявшегося по усадьбе. А потом вышел Чарли и... – Я слегка пожала плечами. – Судя по всему, он не обрадовался, увидев этого незнакомца.

– Говоришь, высокий?

– Очень высокий, – подтвердила я. – И разговаривает с таким американским акцентом, как мне показалось.

– Скорее уж, с канадским. Нет... Не может быть! – Маргарет отложила в сторону свою вилку и уставилась на огонек свечи.

– Его зовут Фрейзер, – добавила я. – Во всяком случае, так сегодня утром в разговоре со мной его назвал Чарли.

– Ну да! Это точно он! Явился – не запылится! Чего ради приперся? Просто слов никаких нет! – Маргарет залпом осушила свою рюмку до самого дна и громко стукнула кулаком по столу. – Впрочем, я-то догадываюсь, почему он здесь. Как пить дать, знаю!

– Знаете что?

– Да ничего! А ты, Тигги, держись от этого субъекта подальше. От него одни неприятности. Бедный Чарли! Только этого ему сейчас и не хватало. Интересно, знает ли он? – Маргарет оборвала себя на полуслове, явно не намереваясь развивать эту тему и дальше. – В любом случае, давай-ка лучше о другом. Как-никак, а ведь сегодня Рождество.

Я согласно кивнула головой, вовсе не желая расстраивать Маргарет еще больше. После обеда мы еще немного посидели в гостиной, я лакобилась ее вкуснейшими булочками с изю-

мом и корицей. Потом мы вместе посмотрели по телевизору традиционное поздравление королевы с Рождеством, обращенное ко всем ее подданным. После чего Маргарет немного вздремнула, а я тем временем перемыла посуду и навела порядок на кухне. В этих хлопотах старалась не думать ни о папе, ни о сестрах. Хотя на самом деле я очень соскучилась по девочкам. Ведь это же моя семья. И пусть мы с сестрами такой сборный букет, и между нами нет кровной связи, все равно рождественские дни в Атлантисе всегда были необыкновенно теплыми и сердечными, а устоявшиеся семейные традиции спланивали всех нас как нельзя лучше. Обычно мы все вместе наряжали елку накануне сочельника. Помню, папа всегда подхватывал Стар на руки и поднимал свою маленькую «звездочку» к самой макушке ели, чтобы она могла украсить ее собой. А уж как изошрялась наша экономка Клавдия, приготавливая праздничный ужин для всей семьи. Какие восхитительно вкусные блюда украшали наш стол. И пока все уплетали за обе щеки какое-нибудь мясное фондю или фаршированного гуся, я с аппетитом поедала легкие вегетарианские закуски, приготовленные специально для меня. А потом, после обильного и продолжительного застолья начиналось самое главное: все вместе, сидя в гостиной, мы принимались открывать свои рождественские подарки, а за окном серебрился, как в сказке, снежок, и звезды призывно мерцали в ночном небе. Наутро, в первый день Рождества, мы веселой гурьбой бежали к папе, чтобы разбудить его, а потом все вместе спускались вниз, в столовую, где Клавдия уже накрывала завтрак с традиционными блинчиками. После завтрака отправлялись на бодрящую прогулку по морозному воздуху, а по возвращении получали каждая кружку горячего глентвейна.

Когда Маргарет проснулась после своего послеобеденного сна, мы с ней попили чайку вприкуску с ее вкуснейшим рождественским тортом, остатки которого, по ее настоянию, я забрала с собой, чтобы угостить ими Кэла. Глянув в окно, я увидела, что уже начало смеркаться, а в воздухе снова закружились хлопья снега.

– Думаю, мне пора трогаться в обратный путь, – заметила я.

– Пожалуй. Только, Тигги, прошу тебя, будь осторожна за рулем. А ко мне приезжай всякий раз, когда будешь в городе. Договорились?

– Обязательно, Маргарет, – пообещала я, целуя ее на прощание. – Спасибо за сегодняшний день. Все было просто замечательно.

– Кстати, а с Чилли ты уже успела познакомиться? – спросила она меня, когда я уже взгромоздилась за руль нашей старушки «Берил».

И тут до меня дошло, что в круговерти предпраздничных хлопот я начисто забыла о его существовании.

– Пока еще нет. Но, обещаю, в ближайшие дни я обязательно наведаюсь к нему.

– И не откладывай свой визит надолго, дорогая моя. Всего тебе доброго.

* * *

На День подарков я проснулась, по своему обыкновению, рано утром и тут же отправилась кормить кошек. Все вокруг было укутано толстым слоем снега. Раскладывая корм по клеткам, я подумала, что на месте кошек я бы сегодня тоже не высунула свою голову из норы. Когда я вышла из вольера, то, к своему удивлению, снова увидела Чарли. И даже обрадовалась.

– Доброе утро, Тигги. Надеюсь, вы не станете меня ругать за то, что я снова пришел сюда. Проснулся рано, но спать больше не хотелось.

– И хорошо, что пришли, – заверила я его.

– Вы не против, если мы опять немного погуляем? Если у вас, конечно, есть свободная минутка, – добавил он поспешно.

– Минутка у меня есть, и даже много минуток. Дома меня никто не ждет, разве что старая вонючая борзая да хромоножка-ежик. Все меня бросили. Кэл тоже уехал, празднует сегодня Рождество в кругу своей семьи в Дорноче.

Чарли рассмеялся.

– Понятно.

Мы двинулись в обратный путь. Сегодня Чарли был в гораздо более благодушном настроении, чем вчера, и с удовольствием рассказывал мне о своем поместье. Показывал любимые места, поведал историю Киннаирд-лодж.

– На территории имения был когда-то изумительный дом, напоминающий такой средневековый замок. Он стоял как раз справа от того места, где сейчас находится наш современный дом. В этом замке веками жили поколения нашей семьи, и так продолжалось вплоть до 1850 года, когда мой прапрадедущка умудрился устроить пожар, уничтоживший усадьбу дотла. Заснул с зажженной сигарой во рту. Большая толстая сигара... Кстати, и сам погиб в огне. Ему на тот момент было уже далеко за восемьдесят. Словом, все было стерто с лица земли до самого основания. При желании можно и сегодня отыскать остатки фундамента того старого дома.

– Какая у вас, однако, богатая семейная история. Не то что у меня, – невольно позавидовала я.

– Я и сам не знаю, хорошо это или плохо. Порой, когда груз минувших столетий давит тебе на плечи, такая богатая родословная кажется уже не столько благословением, сколько проклятием. А уж в последнее время я особенно остро ощущаю этот груз на своих плечах. Но все равно я вам очень благодарен, Тигги, за вчерашний разговор. Ведь за последние несколько месяцев я изрядно подрастерял свой восторг перед красотами здешних мест, стал воспринимать Киннаирд не столько как подарок судьбы, сколько как докучливое бремя и сопряженную с ним ответственность.

– Что вполне понятно, Чарли. Ответственность действительно очень большая.

– Дело не только в этом, – устало вздохнул он в ответ. – Беда в том, что наследство круто поменяло мои планы на будущее.

– А что это были за планы?

Последовала долгая пауза. Видно, Чарли прикидывал, стоит ли ему делиться со мной сокровенным.

– Я собирался уехать работать за границу, стать участником движения «Врачи без границ» и сделать это сразу же, как только Зара окончит школу. Национальная служба здравоохранения Великобритании – это все замечательно и хорошо, но на госслужбе заедает бумажная работа. К тому же ты всецело зависишь от правительственного бюджета. А мне хочется свободы, хочется приложить свои знания и навыки там, где они действительно нужны и где я могу внести свой посильный вклад в перемены к лучшему.

– О, я вас прекрасно понимаю! Я и сама всегда мечтала о том, чтобы поработать в Африке, с теми дикими животными, которым грозит уничтожение. Не то чтобы я не любила диких кошек, но...

– Я вас тоже понимаю, – прервал меня Чарли, сочувственно улыбаясь. – Киннаирд – это, конечно, далеко не африканская саванна. Получается, что мы с вами мечтаем об одном и том же.

– Тогда, наверное, нам просто надо запастись терпением. Ведь не все мечты осуществляются быстро, в мгновение ока. К тому же порой и сам не знаешь, где именно, в каком месте исполнится твоя мечта. А потому будем терпеливо ждать, занимаясь делами сегодняшними.

– Да, вы абсолютно правы. И коль скоро наш разговор зашел о делах сегодняшних, то, может, вы уже прикинули за минувшие недели, каких еще диких животных мы можем запустить в наш заповедник?

– Думаю, в первую очередь обычных европейских белок, причем уже в ближайшем будущем, как только станут видны первые результаты воссоздания лесных массивов на близлежащих территориях. Я также почитала кое-какую научную литературу о том, как заниматься взращиванием лосося в естественных природных условиях. Процесс этот очень трудоемкий, а я, в общем-то, не являюсь специалистом по разведению рыбы, о чем я уже упоминала в нашем самом первом разговоре. То есть здесь без компетентной помощи настоящего эксперта вам не обойтись. Думаю, на первом этапе обживания новых территорий могут сгодиться и европейские лоси, и олени вапити. У меня остались контакты с теми, кто занимается этими животными в зоопарке Сервион. Можно будет позвонить и разузнать все подробно. Но, конечно, на все нужны деньги. Думаю, вам стоит подать пару заявок на соискание грантов.

– Ой, я вас умоляю! – тяжело вздохнул в ответ Чарли. – Я уже попытался заполнить заявку на получение гранта в рамках Программы развития сельскохозяйственных территорий здесь, в Шотландии. Дважды пытался пробиться и в Евросоюз. Там вообще кошмар! Да и потом, у меня просто нет времени для того, чтобы собрать ту уйму информации, которую они требуют.

– Я охотно помогу вам. Тем более времени у меня предостаточно.

– Правда? А у вас есть опыт по этой части?

– Да, есть. И в годы учебы в университете, и потом, когда я работала в зоопарке Сервион, мне приходилось неоднократно заниматься поисками средств для проведения научно-исследовательской работы. Не то чтобы я уже полностью набила руку на оформлении заявок на получение грантов, но кое-какие знания касательно бюрократических процедур по этой части у меня точно имеются.

– Но это же просто невероятная удача для меня! А я готов рвать волосы на своей голове всякий раз, когда приступаю к написанию очередной заявки. Тем более сейчас, когда ярываюсь буквально на части между больницей и всей той бумажной волокитой, которая сопряжена с моим вступлением в права наследования после смерти отца. Жена настаивает, чтобы я вообще продал имение или, на худой конец, превратил его в гольф-клуб. И я вовсе не виню ее за подобные настроения.

– Мне рассказывали, что она активно занималась ремонтными работами в Киннаирд-лодж. Что ж, результаты ее усилий налицо. Дом выглядит великолепно.

– Все так, хотя первоначальная смета превышена, и во много раз. Но я не имею права порицать ее за это. В конце концов, дело это для Ульрики новое. И потом, она просто хотела помочь мне.

– Уверена, в будущем поместье привлечет к себе толпы клиентов, причем тех, кто хорошо разбирается во всем, – сказала я.

Чарли мельком глянул на часы.

– Увы-увы, но мне пора. Можно, я поднесу бланки для заполнения заявок прямо к вам домой? Благо они у меня при себе. Еще раз помозгую над ними, а потом верю вам для дальнейшей работы.

– Не возражаю. Приносите в любое время.

* * *

К тому моменту, как я вернулась к себе домой, погода переменилась. В ложине задул холодный, пронизывающий ветер. Я позавтракала и сразу же принялась растапливать камин, а потом свернулась калачиком на диване с книжкой в руке. Прошлую ночь, зная, что Кэл уехал, я пустила Тистла в дом. Утром он снова ожидал меня, стоя на крыльце. Как только я улеглась, он тотчас же запрыгнул ко мне на колени. Я столкнула его, тогда он перебрался ко мне в ноги и вскоре захрапел. В камине весело потрескивал огонь, пес мирно посапывал во сне, мне было уютно и тепло, и я с головой ушла в чтение.

Подхватила, когда услышала, как кто-то отряхивает снег о коврик на крыльце. Если это Кэл, испугалась я, то сейчас мне мало не покажется. И я получу за Тистла по полной. Однако на пороге я увидела не Кэла, а пару ярко-синих глаз.

– Привет, Тигги! Я тебя не разбудила? – спросила у меня Зара, впервые переходя на «ты».

– Нет, я не спала. Просто лежала и читала, – ответила я, принимая вертикальное положение. – Как встретила Рождество? Все хорошо?

– Знаешь, когда я здесь, в Киннаирде, у меня всегда все хорошо, – ответила девчушка, присаживаясь на диван рядом со мной. Тистл немедленно переместился в ее сторону и тут же уложил свою голову ей на колени. – Вот сгоняла в Динич-Глен. Предки, как всегда, затеяли скандал с самого утра. Я и удрала из дому в поисках покоя и тишины. Фантастически красивое место. Ты там бывала?

– Нет. Но, Зара, послушай! Ты что, села за руль? В такой снег дороги здесь более чем опасны и...

– Фи! Нашла чем пугать! Я гоняю по нашему поместью с десяти лет, Тигги! Или ты забыла, что все эти земли вокруг принадлежат нам? А потому тут мне не нужны ни права, ни какие другие позволения и разрешения. Обычно я беру с собой радиопередатчик, термос с горячим чаем и еще что-нибудь из съестного, на тот случай, если вдруг случится что-то непредвиденное. Не волнуйся за меня. Я знаю все правила и ничего не нарушаю. Я уже и у Чилли сегодня побывала, отвезла ему рождественские подарки. Украла у папы бутылку виски и тоже упаковала в коробку. Пусть порадуется немного. – Зара подмигнула мне с заговорщицким видом. – Мы с ним опрокинули по рюмашке и выкурили по сигарке. Хотя он и чумазый, и пахнет от него так, что нос воротит, но все равно Чилли – самый интересный субъект в здешних краях. Мне с ним интересно. А сейчас вот и с тобой тоже.

– Моя подруга Маргарет как раз вчера говорила мне о нем. Мне бы очень хотелось познакомиться с ним.

– Если хочешь, я могу отвезти тебя к нему. Так даже будет лучше: я тебя сама представлю, вначале объясню, кто ты такая. Он ко всем чужакам относится очень подозрительно. Не любит незнакомцев.

– Почти как мои кошки, – невольно улыбнулась я.

– Именно так! Слушай, предлагаю тебе бартер: я знакомлю тебя с Чилли, а ты за это позволяешь мне поздороваться с твоими кошками. Ну, как? Идет? Я ведь такая же легкая, как и ты. Могу ступать совсем неслышно. Пожалуйста, Тигги! Прошу тебя! Мне так хочется взглянуть на них хоть краешком глаза. А как их зовут?

Я назвала имена всех своих кошек, а про себя подумала: каково это будет, *если я возьму Зару с собой*? И что после этого я скажу ее матери, которую, можно сказать, прогнала с полдороги?

– Хорошо, – согласилась я наконец. – Но завтра я первым делом посмотрю, в каком они будут расположении духа. Я страшно боюсь, что, унюхав чужой запах, они тотчас же снова спрячутся в своих норках.

– Понимаю, Тигги. Но какое-то время у нас в запасе еще есть. Я ведь останусь здесь вплоть до кануна Нового года, то есть до тридцать первого декабря. Так вот, пока я не уехала, у меня тут возникла еще одна идея. Что, если я стану тебе... вроде как помощницей? Буду работать с тобой, так сказать, на подхвате. Стану следовать за тобой по пятам и смотреть за тем, как и что ты делаешь.

– Если честно, пока в имение не завезли других животных, работы у меня с кошками не так уж и много.

Зара сверила время по своему мобильнику.

– Пора бежать домой. У нас сегодня куча гостей к ужину. Мама требует, чтобы я явилась к гостям в вечернем платье! Представляешь? – Девочка картинно округлила глаза и заторопилась на выход. – Если не возражаешь, я к тебе завтра снова загляну ближе к полудню.

– Приходи в любое время, Зара. Буду рада. Пока.

– До скорого, Тигги.

* * *

На следующий день Зара нагрянула прямо к обеду, чему я была только рада. Кэл с самого утра отправился на охоту, а я маялась в одиночестве, чувствуя себя самой настоящей старой девой.

– Привет, Тигги! – оживленно улыбнулась мне Зара, переступая порог. – Вот еду в Динич-Глен, везу обед Чилли. Хочешь, я познакомлю тебя с ним?

– Очень хочу! – обрадовалась я, срывая с вешалки куртку. – Будешь показывать мне дорогу, а я сяду за руль.

Как только Зара уселась на пассажирское место, мы тут же тронулись в путь. Колочий холодный ветер, бушевавший вчера, за ночь утих. Солнечное небо было чистым и ясным. Снег серебрился и переливался по обе стороны дороги, а я, максимально сбросив скорость, стала медленно съезжать с горы. Вроде все красиво и безопасно, но я-то знала, что под невинно белым слоем снега спрятана сплошная корка льда, и нужно быть предельно осторожной. Зара показала мне, в какую сторону надо ехать, а потом стала рассказывать, каким ужасно скучным был вчерашний ужин с гостями. Потом пожаловалась, что совсем не хочет возвращаться после Нового года в школу, расположенную где-то среди пустошей Северного Йоркшира.

– Ну и что из того, что все наши предки учились в этой школе? А мне какое до них дело? Эта школа мне точно не подходит. Ну не смешно ли? В шестнадцать лет ты уже можешь выйти замуж, заниматься сексом, курить, но переступаешь порог своей закрытой школы и сразу же превращаешься в бог знает кого. С тобой обращаются, словно с десятилетним ребенком. Ровно в девять тридцать во всех дортуарах вырубается свет. Представляешь?

– Потерпи еще чуток, Зара. Осталось ведь всего ничего, каких-то восемнадцать месяцев. Они пролетят, не успеешь оглянуться.

– Можно подумать, что нам отпущена вечность на этом свете! Жизнь ведь так коротка. Так зачем же тратить понапрасну целых пятьсот сорок дней? Я все подсчитала! Ужас! Ненавижу эту школу...

В глубине души я была согласна с Зарой, но должна же я как взрослый человек сохранять благоразумие. А потому я не стала озвучивать свои мысли вслух, а лишь сказала:

– Да, жизнь, она вся такая зарегламентированная, в ней полно глупейших правил, это верно. Но есть и хорошие правила, те, которые помогают нам и защищают нас.

– А у тебя есть парень, Тигги? – неожиданно поинтересовалась у меня Зара, пока мы осторожно пересекали небольшую речушку по узенькому деревянному мосту. Брызги воды на прибрежных валунах уже успели превратиться в искристый лед. Невероятно красивые скульптуры из льда получились.

– Нет, – ответила я коротко. – А у тебя?

– Что-то вроде того... Пожалуй, это единственное, что заставляет меня терпеть эту школу.

– И как его зовут?

– Джонни Норт. Вообще-то он у нас мачо. Все мои одноклассницы влюблены в него по уши. Мы с ним пару раз встречались в лесу, курили... Но парень он плохой, если ты понимаешь, о чем я.

– Конечно, понимаю, – ответила я негромко, а про себя подумала: и почему это все мы, женщины, так падки на плохих парней, на тех, кто попользуются нами, обидят, а потом с легкостью бросят. Ведь полно же хороших, приличных парней! И мужчин тоже. Но они все сидят себе тихонько в сторонке и терзаются тем, что не могут найти себе пару.

– То есть я не хочу сказать, что он уже *совсем плохой*. Скорее, он напускает на себя такой вид. Выпендривается перед своими друзьями. А вот когда мы с ним вдвоем, то можем поговорить и на очень серьезные темы, – продолжала откровенничать со мной Зара. – Понимаешь, у Джонни было очень трудное детство. Но в душе он хороший и добрый.

Я искоса глянула на Зару. По ее лицу разлилось мечтательное выражение. Вот она и ответила на мой вопрос, почему женщины так и льнут к плохим парням, подумала я. Потому что в глубине души каждая женщина искренне верит, что ее избранник вовсе не такой уж плохой, как о нем все думают. Просто его никто не понимает. Никто! И только она одна способна понять его тонкую душу и даже, быть может, спасти его...

– Мы по-настоящему сблизилась только в последнем триместре, но все мои подружки в один голос утверждают, что для него главное – это залезть ко мне в трус... – Зара оборвала себя на полуслове и даже немного покраснела, что, безусловно, делает ей честь. – Ну, ты понимаешь, о чем я. Да, Тигги?

– Вполне возможно, твои подружки не так уж далеки от истины, – ответила я, невольно поразившись раскованности Зары. В ее возрасте я и представить себе не могла, что можно беседовать о сексе с кем-нибудь из взрослых. Особенно с едва знакомым тебе человеком. Я осторожно притормозила и почувствовала, как колеса сами собой, по инерции прокатились еще несколько метров по замерзшему снегу, съехав несколько в сторону от небольшой деревянной хижины, примостившейся в расщелине. Горы по обе стороны расщелины взметнулись ввысь, образовав высоко в небе красивую арку. Ничего не скажешь! О лучшем месте для уединения и мечтать не приходится. Пейзаж одновременно величественный и немного жутковатый. Мы вылезли из машины и направились к хижине. Сразу же защипало лицо. Я натянула шарф до самого носа, потому что мороз был таким сильным, что мне стало трудно дышать.

– Вот так холодина! – воскликнула я. – Наверное, градусов десять, если не больше. И как только Чилли выживает здесь зимой?

– Думаю, он привык к морозам. А сейчас у него и хижина своя появилась. Так что он в полном порядке. Подожди меня здесь, ладно? – Зара остановилась перед закрытой дверью. – Пойду, предупрежу Чилли, что к нему посетитель. А заодно и успокою, скажу, что ты не из социальной службы. – Девочка весело подмигнула мне, быстро сделала по снегу еще пару шагов и скрылась за дверью.

Я принялась внимательно разглядывать хижину. Хорошая работа! Добротная... Домик сложен из цельных, крепких сосновых бревен. Конструкция проста. Бревна просто кладутся друг на друга. Такие постройки встречаются и у нас в Швейцарии, компактные хижины, разбросанные там и сям по склонам гор. Именно таким макаром когда-то в былые времена возводили небольшие лыжные домики высоко в горах.

Но вот дверь отворилась, и в щель просунулась голова Зары.

– Можешь входить, – окликнула она меня.

Я подошла к Заре и переступила порог хижины. Меня сразу же обдало живительным теплом, правда, в помещении висел густой дым и царил полумрак. Но постепенно глаза адаптировались к отсутствию света. Единственным источником освещения в комнате были две старые керосиновые лампы и трепещущие языки пламени в деревянном камине. Зара взяла меня за руку и потащила вперед, к истершемуся кожаному креслу, стоявшему возле камина.

– Чилли, это моя подруга Тигги, – объявила она громко.

Яркие глаза цвета спелого ореха тут же уставились на меня и принялись буравить. Лицо все в глубоких морщинах. Так выглядит карта, воспроизводящая разбегающиеся в разные сто-

роны дороги в каком-нибудь большом столичном городе. Я поняла, что в комнате задымлено вовсе не из-за отсутствия тяги в камине. Старик сжимал своим маленьким ртом длинную деревянную трубку. Если бы не волосы на голове и не задубевшая кожа на лице, то он был бы очень похож на какого-нибудь средневекового монаха.

– Здравствуйте, Чилли, – поздоровалась я и, сделав несколько небольших шажков к нему навстречу, протянула руку для приветствия. Но он своей руки не подал, а продолжал пристально пялиться на меня.

И чем дольше он сверлил меня взглядом, тем все сильнее начинало биться сердце в моей груди. Я закрыла глаза, чтобы обрести равновесие, и перед моим мысленным взором тут же пронеслось странное видение. Будто я нахожусь в какой-то пещере и смотрю в глаза женщине. А она что-то ласково шепчет мне на ухо, откуда-то стелется густой дым, закрывая ее лицо, а я все кашляю и кашляю...

И тут до меня дошло, что я действительно кашляю. Я открыла глаза, и меня тут же повело в сторону, я немного пошатнулась, пытаюсь снова вернуться в день сегодняшней. Зара поймала меня за руку.

– С тобой все в порядке, Тигги? Здесь сильно воняет, по-моему.

– Все в порядке, – успокоила я ее, устремив глаза, полные слез, на Чилли. Такое чувство, что я не могу оторвать свой взгляд от его лица, хочу, но не могу.

«Кем же ты мне приходишься?..»

Вот его губы слегка зашевелились, и он негромко обронил несколько слов на незнакомом мне языке, потом поманил меня к себе худым костлявым пальцем, приказывая подойти к нему поближе. Я безропотно повиновалась, оказавшись всего в нескольких сантиметрах от старика.

– Садись, – приказал он на ломаном английском, указывая на единственный, грубо сколоченный табурет, стоявший в комнате рядом с камином.

– Ступай же, – подбодрила меня Зара. – А я устроюсь тут на полу.

Она схватила подушку с железной кровати и положила ее прямо на голый бетонный пол: все мягче будет.

– Ворожейка! Хотчивитчи! – неожиданно воскликнул Чилли, ткнув в меня полусогнутым костлявым пальцем. Потом откинул голову назад и весело рассмеялся. – *Pequena bruja!*

– Не обращай внимания, – снова пришла на помощь Зара. – Он всегда говорит на такой чудовищной смеси английского и испанского. А по словам папы, он еще может говорить и на языке рома, на котором когда-то в старину общались цыгане.

– Понятно, – ответила я, хотя была уверена на все сто, что только что Чилли обозвал меня колдуньей.

Наконец Чилли отвел от меня глаза и принялся набивать трубку какой-то сухой смесью, похожей на мох. Потом снова разжег ее и глянул на меня с улыбкой.

– Говоришь на английском? Или на испанском?

– На английском и французском, и лишь немного – по-испански.

Чилли недовольно хмыкнул и стал сосредоточенно посасывать свою трубку.

– А ты принимал те таблетки, которые тебе дал доктор? – поинтересовалась у него Зара, подав голос с пола.

Чилли метнул в нее взгляд, в котором читались и раздражение, и насмешка.

– Яд! Чистый яд! Они хотят меня убить своей современной медициной.

– Не выдумывай, Чилли! Эти таблетки снимут боль. К тому же у них сильный противовоспалительный эффект. Что очень важно для твоего артрита. Тебе сразу полегчает, вот увидишь.

– Я лечу себя сам, своими проверенными способами, – ответил упрямый старик, гордо вскинув подбородок вверх, к деревянному потолку. – И ты тоже станешь так лечить... – Он снова ткнул в меня пальцем. – Покажи мне свои руки, – приказал он.

Я вытянула вперед руки ладонями вверх, повинаясь его приказу. Чилли взял их. Его прикосновения к моей коже неожиданно оказались очень мягкими, но в кончиках пальцев стало покалывать. Покалывание усиливалось по мере того, как он прошелся по всем линиям на моей ладони, а потом стал осторожно сжимать по очереди каждый палец. Наконец он оторвался от этого занятия и взглянул на меня.

– Твое волшебство кроется в твоих руках, – обронил старик, показывая на мои руки. – Ты помогаешь всяким небольшим созданиям на земле... *los animals*. Это твой дар.

– Вы правы. – Я бросила озадаченный взгляд на Зару, но та лишь неопределенно пожала плечами в ответ.

– *Bruja* сила. Но она у тебя не полная, потому что у тебя не совсем чистая кровь. Ясно? Что ты делаешь, Хотчивитчи?

– Вы имеете в виду, где я работаю?

Он молча кивнул, и я принялась объяснять ему, чем занимаюсь. Когда я закончила свой рассказ, он лишь глянул на меня и издал короткий смешок.

– Все пустое. Твоя сила – вот здесь! – Чилли снова показал знаком на мои руки, а потом на мое сердце. – А вовсе не здесь. – Он указал на мою голову.

– Неужели? – возразила я, немного обидевшись. – Во всяком случае, моя степень по зоологии помогает мне лучше понять поведение животных.

– Ты имеешь в виду статистику, бумажки всякие и компьютеры разные? Этим ты пользуешься в своей работе? Я прав? – Он снова ткнул в меня своим худым костлявым пальцем. – Ты избрала не тот путь.

– А ты ел индейку, которую я принесла тебе вчера? – снова подала голос Зара, видно заметив, что я расстроилась. Потом она поднялась с пола и подошла к старенькому кухонному столу с полками для посуды, стоявшему в углу комнаты. На полках выстроилась целая батарея железных банок с зазубренными краями, рядом примостились разнокалиберные тарелки и миски.

– *Si. Bleurgh!* – промолвил Чилли с каким-то болезненным свистом. – Старая птичка.

– А сегодня я принесла тебе суп с индейкой. – Зара сняла с полки оловянную миску, плеснула туда немного супа из контейнера, который привезла с собой, достала кусок хлеба, взяла ложку и положила все это перед ним. – Ты пока кушай. А я тем временем схожу, принесу тебе немного дров. – Зара взяла в руки корзину для дров и вышла из хижины.

Чилли принялся быстро хлебать суп, отправляя в рот ложку за ложкой. Кажется, он даже не старался распробовать его на вкус. Покончив с супом, он перевернул миску вверх дном, потом отер рукой рот и снова закурил свою трубку.

– Ты чувствуешь Дух земли, сестра?

– Да, чувствую, – ответила я почему-то шепотом и удивилась тому, что впервые поняла каждое его слово. Более того, я сразу же поняла, что он имел в виду.

– Ты спрашиваешь себя, правда ли это на самом деле?

– Да, спрашиваю.

– Я помогу тебе поверить в то, что это правда, прежде чем ты уедешь отсюда.

– Но я пока не собираюсь уезжать из Киннаирда, Чилли. Я ведь еще только-только приступила к своей работе здесь.

– Ну, это ты так думаешь! – фыркнул он в ответ.

Появилась Зара с корзинкой, полной дров. Сгрузила поленья рядом с камином. Потом достала из коробки кусок рождественского пирога и бутылку виски, которую она стащила у отца. Бутылка была уже на треть пуста. Зара плеснула немного виски в железную кружку.

– Выпей, Чилли, – промолвила девочка, поставив кружку и тарелку с пирогом на небольшой столик рядом с креслом. – А нам уже пора ехать домой.

– Ты! – Он указал на меня пальцем. – Приезжай ко мне еще, скоро... Ладно?

Впрочем, обращение звучало, не как просьба, а как приказ, которому я обязана была безропотно подчиниться. Я молча кивнула в знак согласия. Мы распрощались с Чилли и направились по замерзшему полю назад, к своей машине. У меня было немного странное состояние. Какая-то необычайная легкость во всем теле, будто душа моя на какое-то время покидала тело, а потом вернулась обратно. Кем бы ни был этот чудаковатый старик по имени Чилли, но меня, судя по всему, он знал досконально. Да и я тоже испытывала некое непонятное родство души с ним, синергию, что ли.

– Уж очень он гордый. В этом вся беда, – без умолку тараторила Зара на обратном пути. – Привык всю жизнь сам о себе заботиться. А сейчас вот сил нет ни на что. Папа даже предлагал ему установить здесь генератор, чтобы в доме было электричество, но он отказался наотрез. Берил говорит, что чем дальше, тем больше он превращается для нас в обузу, что для его же собственного блага его лучше определить в какой-нибудь дом для престарелых.

– Да, она и мне это говорила, – откликнулась я. – Здесь беда, Зара, в другом. Сейчас, когда я познакомилась с ним, я уже точно знаю, почему он хочет остаться там, где есть. Это все равно что силком извлечь животное из естественной среды обитания после того, как оно всю свою жизнь прожило в дикой природе. Вот и Чилли. Если его заберут в город, он точно умрет там через несколько дней. А здесь... здесь, если он даже случайно устроит пожар в своей хижине или у него случится сердечный приступ, думаю, для него такая смерть все равно предпочтительнее, чем медленное угасание в какой-нибудь богадельне, пусть и с центральным отоплением. Я, во всяком случае, предпочла бы первый вариант.

– Наверное, ты права. А ты ему, Тигги, судя по всему, понравилась. Вот даже пригласил тебя снова навеститься к нему. Поедешь?

– Да, конечно, – ответила я. – Обязательно съезжу.

6

На следующий день рано утром я, верная своему обещанию, поджидала Зару во дворе, и мы вместе отправились кормить кошек, прихватив корзинку мяса для них. Решила, будь что будет. За ночь снега навалило еще больше, а потому мои коты, как всякие разумные твари, скорее всего, и носа не покажут на улицу. Будут себе дремать в своих уютных норках.

– Ну вот! – Я остановилась в самом начале тропинки, ведущей к вольерам. – Отсюда и далее двигаться тихо и незаметно, как кошка. Понятно?

– Слушаюсь, мой босс! – прошептала в ответ Зара и бодро отсалютовала мне.

Мы кое-как сползли по заиндевевшему склону вниз и направились к первому вольеру. Я открыла калитку и зашвырнула туда дичь.

– Молли! Полсон! Роза! Игорь! Вы где? – позвала я их.

Зара пристроилась мне в хвост, и мы поплелись к следующему вольеру. Так мы обошли все четыре, разбросали корм, а я по очереди окликала своих питомцев. Даже попыталась поговорить с ними. Тщетно! Я удрученно покачала головой. Дескать, кошки сегодня никак не настроены на контакт с нами, однако Зара заартачилась. Не захотела уходить.

– Еще пять минуточек. Ну, пожалуйста! – умоляюще прошептала она. – Можно, я сама позову их?

– Ладно! Попробуй! – сдалась я.

Она неслышно подошла к ближайшему вольеру. Стряхнула рукавицей снег с кромки железной изгороди и, прижавшись к ней лицом, стала окликать животных по именам. Потом медленно побрела вдоль ограды, то и дело останавливаясь, замирая на месте и снова окликая. Я поплелась вслед за ней. И вдруг – о чудо! – я заметила легкое шевеление в том боксе, в котором обитает Роза.

– Взгляни вон туда! – окликнула я Зару громким шепотом, указывая на бокс, наполовину спрятанный в земле. – Это Рози.

И немедленно из полумрака на нас уставилась пара сверкающих янтарных глаз.

– Боже мой! – прошептала Зара в полном восхищении. Она тоже впилась своими глазами, так похожими на кошачьи, в кошку по имени Рози. Потом слегка прищурилась и подмигнула ей. – Привет, Рози. Меня зовут Зара, – ласково проговорила она. К моему вящему удивлению и восторгу, Рози тоже прищурилась и подмигнула ей в ответ. Но внезапно мы все трое насторожились, услышав звук чьих-то шагов по снежному насту. Кошка мгновенно скрылась в своей норке.

– Черт! – громко выругалась Зара. – А я-то надеялась, что она вылезет наружу.

– Может, она и собиралась явить себя во всей красе, но что-то ее испугало, – примирительно ответила я.

И мы обе снова направились вверх по склону, чтобы увидеть, кто же это напугал нашу кошечку. На вершине холма стоял Чарли Киннаирд.

– Папа! – Зара опрометью бросилась к нему. – Представляешь, мне только что почти удалось выманить одну из кошечек из ее норки. Но потом она услышала твои шаги, испугалась и снова спряталась, – добавила она немного рассерженным шепотом.

– Прости меня, родная. Я вот тоже припелся посмотреть на кошек, – тоже шепотом ответил ей Чарли. – А заодно и встретиться с вами, Тигги. Может, пойдем сейчас к нам домой, а? Там и поговорим в тепле обо всем. И не шепотом, как здесь, а в полный голос.

Чарли одарил меня приветливой улыбкой, и я тотчас же почувствовала, как поплыла в сладостной истоме, словно снег под яркими лучами солнца.

– А, вот вы где все! – громко воскликнул кто-то за спиной Чарли. Я непроизвольно задрала голову вверх. Ульрика собственной персоной спешила по дорожке навстречу к нам. – А я-то думала, что вход к этим животным закрыт для всех, кроме вас. – Ульрика небрежно кивнула в мою сторону. – Оказывается, есть и исключения. Такая *честь*, не правда ли? – обратилась она уже к мужу и дочери, которая сосредоточенно карабкалась по склону впереди меня. – Меня, к примеру, пару дней тому назад отсюда просто прогнали.

Руки в боки, высоченная, словно статуя, возвышающаяся надо мной и подавляющая своим величием, Ульрика в эту минуту была очень похожа на разъяренную валькирию.

– Да она пустила меня сюда, мама, потому что я уже ей надоела со своими приставаниями. Все просила и просила пустить меня к кошкам, – пояснила Зара, пытаясь утихомирить разбушевавшуюся мать.

– Выходит, мне тоже в следующий раз нужно будет повалиться вам в ноги и начать умолять о подобном одолжении? – промолвила Ульрика почти шутливо, но глаза ее, устремленные на меня, смотрели угрожающе холодно.

– Пойдемте с нами, Тигги. Выпьем по чашечке кофе. Поговорим о делах, – снова предложил мне Чарли, когда мы подошли к дому.

– Прости, дорогой, но ничего не получится. Ты ведь должен отвезти меня в Дорноч к леди Муррей. Она ждет меня к одиннадцати, кстати, тоже на чашечку кофе. Так что наш с вами кофе, Тигги, отложим до следующего раза, если не возражаете, – обронила Ульрика ледяным тоном.

– Ничего не имею против, – ответила я, понутив голову.

– Тогда я сам загляну к вам, когда вернусь из города, – сказал Чарли. – Хочу отдать бланки на оформление заявок на гранты, а также обговорить кое-какие конкретные детали, касающиеся переселения сюда, в Киннаирд, лосей и европейских оленей уже весной будущего года.

– Ладно. До свидания, Зара. До свидания, Ульрика. – Я распрощалась с хозяевами и поспешно удалилась в свою хибару. Подальше от господского гнева.

– Ну и делишки! – выдохнула я, тяжело опускаясь на диван в нашей гостиной.

– Что за делишки? – поинтересовался у меня Кэл, входя следом за мной в гостиную с тостом в руке.

– Опять эта Ульрика Киннаирд! – тяжело вздохнула я. – Она меня точно невзлюбила, нутром чую.

– Не уверен, что она вообще кого-то любит, Тиг. А потому не принимай ее агрессию на свой счет. Что она тебе такого наговорила на сей раз?

Я рассказала Кэлу, что случилось сегодня возле вольеров, но Кэл лишь весело рассмеялся в ответ.

– Так ей и надо! Хотя... хотя после сегодняшней истории ты вряд ли попадешь в список ее гостей на рождественский прием в ближайшие несколько лет. Ульрика не любит быть на вторых ролях или тем более оказаться с носом. Особенно если речь заходит о ее собственном муже. Может, она просто не вполне уверена в нем, а?

– Наверняка она заставит мужа уволить меня.

– Ну, это уж вряд ли. Лэрд очень ценит тебя. Так что на сей счет можешь быть спокойна. Ну, я пошел. Ее величество приказала мне расчистить от снега подъездную дорожку к дому и посыпать ее солью на всякий случай. Не дай бог, растрясет свой драгоценный зад на ухабах. – Кэл весело подмигнул мне и с этими словами вышел из дома.

* * *

– Ну что, приходил к тебе лэрд поболтать за жизнь? – поинтересовался у меня Кэл, переступая порог дома в восемь часов вечера.

– Нет, не приходил, – ответила я, налила стакан виски и протянула ему.

– Наверное, подвернулось что-то более срочное, – предположил Кэл, беря в руки стакан.

– Наверное. Но я ведь обитаю не на другом конце света. Мог бы зайти и сказать об этом. А так я зря прождала его весь день.

– Может, у них там что случилось? Потому что они все были дома, это я точно видел. И из города они вернулись где-то часа в три. Это я тоже видел. Да бог с ними, Тиг! Выше голову!

– Что ж, если он не собирается пожаловать ко мне, тогда я отправляюсь принимать ванну.

Вода была чуть тепловатой. Лежа в ванне, я размышляла над тем, что сказал мне Чилли, когда я была у него. Дескать, скоро я отсюда уеду. Неужели из-за этой блондинки валькирии, подкараулившей нас сегодня утром?

Внезапно в дверь негромко постучали.

– Тиг, ты уже помылась? У нас тут посетитель.

– Сейчас-сейчас, – заторопилась я, доставая пробку из днища и выбираясь из ванны. – А кто пришел?

Я затаила дыхание в ожидании ответа. Не дай бог, Чарли Киннаирд! Появляться перед ним в гостиной в своем теплом старом халате выцветшего голубого цвета мне никак не хотелось. Надо бежать к себе в комнату, чтобы переодеться.

– Зара. Она очень возбуждена, – уточнил Кэл вполголоса.

– Хорошо, я иду, – откликнулась я через дверь.

Когда я открыла дверь и вошла в гостиную, то увидела, что Зара сидит на краешке дивана, обхватив голову руками и рыдая навзрыд.

– Пожалуй, я лучше оставлю вас одних, девушки, – сказал Кэл, выразительно вскинув брови. После чего поспешно удалился к себе.

– Что стряслось, Зара? – спросила я у девочки, присаживаясь рядом с ней.

– Папа обещал мне, что мы останемся в Киннаирде вплоть до первых дней января. А сейчас он объявил, что мы уезжаем! Представляешь? Ведь я могла пробыть здесь еще как минимум два дня. Но вместо этого надо срочно возвращаться в Инвернесс!

– Почему?

– Не знаю. Какой-то мужчина приходил к нам сегодня утром, и они сильно повздорили с папой. Я даже не рискнула спуститься вниз, слыша крики, которые доносились из холла. Они буквально вопили друг на друга. А потом папа поднялся наверх и сказал мне, что мы возвращаемся домой. А я не хочу никуда ехать!

– А из-за чего они спорили? И кто был этот мужчина?

– Понятия не имею. Папа мне ничего не сказал.

– Зара, дорогая моя! – Я обняла девочку за плечи и привлекла к себе. – Мне очень жаль, что все так вышло. Очень... Но ты же помнишь, совсем недолго тебе ждать своего восемнадцатилетия. И уж тогда ты точно сможешь жить в Киннаирде столько, сколько тебе вздумается, и никто тебе этого не запретит.

– А ведь папа говорил, что я могу провести здесь все свои рождественские каникулы, если захочу. Но мама высказалась категорически против. Она не любит Киннаирд.

– Может, деревенская жизнь – это просто не ее, – нерешительно предположила я. – Ну, не любит она жить в глуши, только и всего.

– Она ничего не любит, Тигги, – тяжело вздохнула в ответ Зара, усталость и отчаяние разлились по ее лицу. – Все время твердит, что будет счастлива, если папа сделает то или сделает это. Например, свозит ее на какой-нибудь фешенебельный курорт. А где деньги взять для таких развлечений? У папы же нет денег. Или чтобы он купил ей новую машину, или какую-нибудь картину, которая ей приглянулась. Потому что от этого у нее сразу же повысится настроение. Но оно у нее никогда не повышается. Никогда! Она из категории вечно несчастливых людей. Понимаешь меня?

Я осторожно прошлась рукой по шелковистым волосам Зары. Наверняка девочка слегка преувеличивает, излишне драматизирует ситуацию, как это свойственно подросткам с буйством гормонов в организме, но все же в чем-то она абсолютно права. Я столкнулась с Ульрикой всего лишь пару раз, но уже успела понять, что у нее очень сложный характер. И тут до меня дошло: вот я сама, девочка, которую удочерили когда-то, выросла под опекой наемной гувернантки, которую когда-то наш приемный отец нанял для присмотра за всеми нами, девочками, как же часто я мечтала в детстве о том, чтобы расти в нормальной семье, иметь двух любящих тебя родителей, родных тебе по крови. А получается, что я попросту идеализировала такую жизнь. Ведь мне не довелось жить рядом с постоянно воюющими между собой отцом и матерью. За всю свою жизнь в Атлантиде я ни единого раза не слышала, чтобы между Па Солтом и Ма вспыхнул какой-то спор, не говоря уже о ссорах. Сейчас-то я понимаю, сколько уникальна такая спокойная атмосфера в доме и как редко такое встречается в реальной жизни. Собственно, все, что довелось пережить и перечувствовать Заре, мне хорошо знакомо по рассказам моих многочисленных школьных подружек. И в их семьях тоже случались бесконечные скандалы и распри. А мы, сестры Деппеси, жили и выросли в своем сказочном замке, и все в нашей жизни было так, как будто у нас и в самом деле есть любящие нас отец и мать. Конечно, кое-какие сложности все равно возникали. Ведь нас же было шестеро. Время от времени гармония нарушалась: кто-то с кем-то повздорил, кто-то на кого-то обиделся. Чаще всего таким возмутителем покоя в нашей семье выступала наша младшенькая – Электра... воистину, эта девчонка была тем, что называют «анфан террибль» – несносный ребенок.

В комнате повисло молчание. Я продолжала ласково гладить Зару по голове. Так продолжалось довольно долго, в какой-то момент мне даже показалось, что она задремала, но девочка вдруг резко вскинула голову.

– Придумала! Попрошу папу разрешить мне остаться в Киннаирде с тобой. Буду жить вместе с тобой и Кэлом в вашем домике! Скажу ему, что тебе нужна помощь. Вот я и стану помогать тебе до конца своих каникул! – Глаза ее вспыхнули радостным блеском от того, что ей в голову пришла такая замечательная мысль. – Ведь ты же не против, Тигги, а? Обещаю, я не доставлю тебе никаких хлопот. А спать я могу прямо здесь, на диване, если только Кэл не будет возражать. Но я уверена, он не станет, мы с ним всегда отлично ладили, он любит меня, и потом...

– Я была бы счастлива, Зара, если бы ты поселилась вместе с нами под одной крышей. Но твоя мама едва меня знает, и вряд ли она доверит свое драгоценное дитя опеке какой-то чужестранки.

– Но ведь здесь же есть еще и Берил, а мама доверяет ей полностью. А папа знает Кэла, можно сказать, с пеленок и...

– И все же, Зара, для начала тебе надо переговорить со своими родителями. Если они не станут возражать против того, чтобы ты осталась в Киннаирде и поселилась у нас с Кэлом, тогда да! Мы тоже будем счастливы принять тебя под этой крышей.

– Обязательно переговорю! Немедленно! – решительно воскликнула девочка. – А если они не разрешат, то я возьму и сбегу из дома.

– Не говори ерунды, Зара! Это ведь уже почти шантаж. А если ты хочешь, чтобы все окружающие считали тебя взрослым человеком, способным принимать самостоятельные решения, то нельзя пускать в ход угрозы и запугивание. Это не метод. Вот ступай сейчас к себе домой и поговори с родителями. Если они будут согласны, то пусть тогда изыщут возможность и время прийти сюда до своего отъезда и поставить меня лично в известность о своем решении, – твердо сказала я.

– Ладно! Уже бегу! Спасибо, Тигги. – Зара сорвалась с места и побежала к дверям. – В один прекрасный день, а он, клянусь, рано или поздно все равно наступит, я приеду в Киннаирд и поселюсь здесь навсегда. И даже мама не сможет помешать мне сделать это. Спокойной ночи, Тигги.

Как я и предполагала, ни Чарли, ни Ульрика так и не пожаловали ко мне с визитом, а на следующее утро я обнаружила, что их ренджровер тоже куда-то укатил. Скорее всего, в Инвернесс.

– Бедная девчушка! – пожалел Зару Кэл, попивая свой кофе за завтраком. – Барахтается в этом дерьме. Ох, уж эти проблемные семьи! Моя семья тоже далеко не идеал, но у нас хоть по крайней мере нормальные взаимоотношения друг с другом. Ну, я пошел.

Кэл направился к дверям и тут заметил конверт, лежавший на коврике рядом со входной дверью. Поднял его с пола.

– Это тебе, Тиг. – Кэл протянул мне конверт. В полуоткрытую дверь тут же просунулась голова Тистла, явно мечтающего попасть в дом. – А ты, Тистл, ступай за мной, – прикрикнул Кэл на собаку, решительно закрывая за собой дверь.

Я вскрыла конверт и обнаружила внутри коротенькую записку.

Дорогая Тигги, пишу второпях. Приношу свои извинения за то, что вынужден так срочно покинуть Киннаирд, и за то, что не смог прийти к Вам, как обещал. Возникли некоторые юридические заваyki. В скором будущем обязательно свяжусь с Вами.

Еще раз прошу простить меня,

Чарли

Трудно сказать, что он имел в виду под «юридическими заваykaми». А вдруг это имеет какое-то отношение к тому скандалу с незнакомцем, о котором рассказывала мне Зара?

Я побрела к себе в спальню. Все эти чужие семейные дразги с новой силой заставили меня снова затосковать о своих близких. Я открыла прикроватную тумбочку и извлекла из нее прощальное письмо, которое оставил мне Па Солт. Я читала и перечитывала его бессчетное количество раз. Вон даже бумага по краям вся обтрепалась. И вот я снова развернула письмо и принялась перечитывать его, наверное, в тысячный раз, испытывая некое душевное умиротворение уже от одного вида папиного почерка, слегка витиеватого, но такого красивого.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Тигги,

*Наверное, не имеет смысла тратить время и бумагу на то, чтобы писать всяческие банальности, касающиеся моего внезапного ухода из твоей жизни. Знаю, ты никогда не пове-
ришь в то, что я ушел. Но я действительно ушел. И хотя, знаю, ты будешь продолжать чув-
ствовать мое присутствие рядом с собой, придется все же тебе это принять как данность: я уже никогда более не появлюсь в твоей жизни.*

Конечно, сейчас, когда я пишу это письмо тебе, сидя за письменным столом в своем кабинете в Атлантисе, я все еще жив и обитаю на этой земле, а потому не могу тебе пока поведать о том, каково там, по другую сторону жизни. В любом случае, скажу лишь одно: я никогда не страшился этого перехода. Мы с тобой много раз беседовали о том, сколь много значит неумолимая рука судьбы, или рока, или какой другой высшей силы – многие именуют ее богом, и о том, как именно эта сила влияет на наши жизни. Когда-то, когда я еще был совсем ребенком, она спасла меня, а потому всю свою сознательную жизнь, сколь тяжкие времена я бы ни переживал, моя вера в нее остается неизменной и незыблемой.

*Если обращаясь к остальным твоим сестрам, я проявил известную сдержанность и выдал им лишь ограниченный объем информации касательно того, где именно я нашел их, потому что не хотел понапрасну смущать их души, то с тобой у меня все будет по-другому. Потому что и ты у меня совсем другая. Когда твоя семья отдала тебя мне, то я пообещал им, таково было их условие, что когда-нибудь, когда наступит подходящий момент, я обяза-
тельно отправлю тебя обратно к ним.*

*Ты, Тигги, являешься составной частью очень древней культуры, правда, в наши дни многие находят повод, чтобы поиздеваться над ней. Думаю, такое отношение частично объ-
ясняется тем, что мы, современные люди, забыли о нашей кровной связи с природой: именно в ней, в природе, наши корни, наше сердце и душа. Как мне сказали, ты происходишь из очень специфического, уникального по своим дарованиям рода предсказателей. Хотя та женщина, которая вручила тебя мне, дала понять, что иногда дар предвидения может и пропустить одно какое-то поколение рода или не развиваться в полную меру в том или ином представителе семьи.*

*Меня попросили наблюдать за тем, как ты станешь взрослеть. Я так и поступил. Из квелого, вечно хныкающего младенца ты очень быстро превратилась в пытливую и любозна-
тельную девочку, более всего на свете обожающую окружающую природу и животных. И хотя ты так и не смогла обзавестись собственным домашним любимцем в силу того, что Ма страдает от аллергии, ты, тем не менее, находила пути и способы, чтобы выходить каждого воробушка, которого подобрала под каким-то деревом, или накормить всех ежиков, обитающих в нашем саду.*

Наверное, ты уже и не помнишь тот случай: тебе было тогда лет пять или шесть, ты прибежала ко мне и сообщила взволнованным шепотом на ухо, что только что разговаривала

в нашем лесу с феей. И она даже сказала тебе, что ее зовут Лусия. А потом вы вместе танцевали с ней на лесной поляне.

Конечно, в таком возрасте все дети верят в сказки и во всяческие чудеса. В этом нет ничего сверхоригинального. Но в твоем конкретном случае я сразу же понял, что дар предков все же передан тебе по наследству. Моя дорогая Тигги, знай! Твою бабушку звали Лусией.

А сейчас настало время, когда я должен выполнить данное когда-то обещание. Суть его такова. В какой-то определенный момент своей жизни ты должна будешь отправиться в Испанию, в город Гранада. В этом городе на вершине горы, прямо напротив величественной Альгамбры расположен жилой поселок, который называется Сакромонте. Пойдешь туда, найдешь узенькую улочку под названием Корцио дель Айрес, постучишь в дверь дома, выкрашенную в голубой цвет, и спросишь Ангелину. В этом доме ты узнаешь всю правду о своей родной семье. Вполне возможно, там ты найдешь и свою судьбу...

Прежде чем попрощаться с тобой, должен сделать еще одно признание: если бы не предложение, сделанное мне много лет тому назад одной из твоих родственниц, я бы никогда не имел счастья стать отцом всех своих столь горячо любимых дочерей. Эта женщина спасла меня, можно сказать, вытащила из пучины отчаяния, и мне никогда не расплатиться за то добро, которое она мне сделала.

А сейчас я снова повторяю: люблю тебя, моя дорогая, моя славная, талантливая, одаренная девочка. Я безмерно горжусь тобой.

Папа

Затем я извлекла из конверта листок, на котором была записана информация, размещенная на армиллярной сфере, том самом сооружении, которое каким-то странным образом вдруг появилось в папином любимом саду буквально спустя несколько дней после его смерти. На каждой из полосок сферы были выгравированы наши имена, какой-то афоризм на греческом и координаты того места, где нас нашел отец.

Старшая сестра Майя перевела для меня афоризм, предназначенный мне. Помню, у меня даже слезы навернулись на глаза, когда я его прочитала: настолько точно он соответствовал моей индивидуальности.

«Крепко стой обеими ногами на земле, но при этом не забывай заглядывать, хотя бы изредка, в окна вселенной».

Что касается координат, то Алли, как профессиональный яхтсмен, хорошо разбирающийся в этом деле, быстро определила их для каждой из сестер. Мои точно соответствовали той наводке, которую отец дал мне в своем прощальном письме. До сегодняшнего дня я как-то и не задумывалась всерьез над тем, что означают папины слова, будто я происхожу из очень талантливого рода. Но вот Чилли, кажется, сразу понял, кто я. Он даже обронил что-то насчет той силы, которыми якобы обладают мои руки. Я поднялась с кровати и подошла к небольшому зеркалу, висевшему на стене над комодом, и принялась пристально разглядывать свое отражение. Рыжевато-коричневые глаза, темные густые брови, оливковая кожа. Да, подумала я, откидывая волосы с лица, с такой внешностью меня легко можно принять за уроженку Средиземноморья. Вот только волосы... Да, они тоже темные, но с ярко выраженным каштановым отливом. А у цыган, между прочим, во всяком случае, у тех, кого я видела по телевизору или на фотографиях, волосы, как правило, иссиня-черные. Однако же капля цыганской крови во мне точно есть. Вот и Чилли сказал мне то же самое. Но при этом заметил, что я не чистокровка. Хотя кто в наше время может похвалиться чистотой своей крови? Более двух тысяч лет происходило постоянное смешение рас и народов. Можно сказать, сегодня все мы полукровки.

До сего дня я ничего не знала про цыган. Разве только то, что большинство из них влачат свое существование где-то на задворках общества. Знала, что репутация у этого народа не из

лучших, но ведь папа постоянно повторял мне: *«Никогда не суди о книжке по ее обложке. Так, под пыльным слоем земли может скрываться самый настоящий драгоценный камень...»*

И я всегда гордилась собой за то, что думала о людях только хорошее. Во всяком случае, до тех пор, пока не получала доказательства обратного. Наверное, мой самый главный недостаток – это моя наивность в том, что касается понимания человеческой натуры. Но, по иронии судьбы, это же качество является и моим основным достоинством, ибо наивность поспособствовала формированию во мне непоколебимой веры в то, что все люди хорошие. Мои собеседники только закатывали глаза к потолку, когда я принималась убеждать их в том, что добро всегда торжествует над злом. В конце концов, если бы это было не так, то все злые люди уже давным-давно поубивали бы всех хороших людей, а потом попросту истребили бы друг друга, и человеческая раса перестала бы существовать.

А так... Вот Чилли, к примеру. Какая разница, какой он национальности? Главное – у него светлая и чистая душа. Собственно, он стал первым цыганом, которого я встретила в реальной жизни, и мне бы очень хотелось, подумала я, пряча конверт с драгоценным письмом отца обратно в тумбочку, узнать о его жизни побольше.

7

Тридцать первого декабря я проснулась в предвкушении предстоящего праздника Хогманай. Шотландцы отмечают этот праздник в последний день уходящего года, празднование затягивается аж на целых два дня и сопровождается факельными шествиями, фейерверками и прочими огненными развлечениями. Кэл пообещал сводить меня сегодня вечером в местный деревенский клуб, чтобы я своими глазами увидела весь размах этого торжества по-шотландски. Я сбегала, покормила кошек, а вернувшись домой, застала в гостиную Берил. Она нервно расхаживала по комнате, на ее лице застыла маска отчаяния.

– Доброе утро, Тигги. Как поживаете? – поздоровалась она со мной.

– Все хорошо, спасибо, Берил. А как вы? – поинтересовалась я, видя, что она сама не своя.

– Возникли, к несчастью, некоторые... непредвиденные обстоятельства, однако вас это никоим образом пока не касается.

– Понятно, – коротко обронила я в ответ.

А про себя подумала, неужели это те самые «обстоятельства», которые напрямую связаны с внезапным отъездом семейства Киннаирд из имения? Но видя, что Берил и так на взводе, я не рискнула развивать эту тему дальше.

Судя по всему, ей стоило огромных усилий взять себя в руки, чтобы продолжить.

– У меня сейчас на повестке дня другие проблемы. Сегодня утром выяснилось, что Элисон внезапно заболела. По словам ее матери, очень сильная простуда. Эта новость совершенно выбила меня из колеи. Сегодня в четыре часа к нам прибывают гости, которые собираются встречать Новый год в Киннаирде. Восемь человек. И я обязана встретить их как минимум полноценным угощением: чай с бутербродами и прочее! А у меня еще горы невыглаженных простыней. И постельное белье нужно поменять во всех спальнях. Опять же, собралась куча пыли после этого недавнего ремонта в доме, а потому каждую комнату нужно пропылесосить и привести в порядок. Потом отполировать всю мебель, накрыть праздничный стол к ужину, растопить все каминные в доме, а главное – приготовить сам ужин. А я еще даже не успела общипать фазанов...

– Давайте я помогу вам, – немедленно предложила я свои услуги, понимая, что Берил действительно оказалась в безвыходной ситуации.

– Правда, Тигги? Джентльмен, который зарезервировал Киннаирд-лодж на целую неделю, баснословно богат. По слухам, какой-то миллиардер. Очень влиятельная особа. Лэрд

возлагает на него огромные надежды, дескать, замолвит словечко в пользу Киннаирда своим богатым приятелям. А в свете того, что тут и так недавно случилось, я никак не могу подвести хозяина.

– И не надо! Я отправляюсь к вам на помощь прямо сейчас.

Кэл, слушавший наш разговор из кухни, тоже с готовностью вызвался помочь. Весь остаток дня мы с ним вдвоем гладили простыни, заправляли постели, пылесосили полы и растапливали камин, а Берил в это время трудилась, как каторжная, на кухне. К трем часам дня мы присоединились к ней, чтобы выпить по чашечке чая, все мы к тому времени были уже практически без сил.

– Не знаю, как и чем мне отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня сегодня, – промолвила Берил, пока мы с Кэлом лакомились свежим песочным печеньем.

Я глянула на еду, разложенную на центральном кухонном столе, на обилие кастрюль и сковородок, выстроившихся у плиты.

– А кто станет помогать вам за ужином? – спросила я у Берил.

– Никто. Предполагалось, что Элисон будет прислуживать за столом, а сейчас придется мне самой. Надеюсь, я справлюсь.

– Послушайте, Берил. Я останусь и помогу вам. Одна вы точно со всем этим не справитесь. Во всяком случае, не на том уровне, которого от вас ждет лэрд.

– Ах, Тигги! Как смею я просить вас о таком одолжении? К тому же сегодня Хогманай, Кэл пригласил вас на вечеринку в деревне. Как я могу помешать вам?

– Ну, да, пригласил, но ничего страшного. Повеселимся в другой раз. А вот вам, Берил, я тут очень нужна.

– Еще как нужны, это правда, – согласилась со мной экономка. – Лэрд велел, чтобы служанка, прислуживающая за столом, облачилась в парадную униформу.

– Вот так номер, Тиг! Сгораю от нетерпения поскорее увидеть тебя в костюме заправской французской горничной! – весело подмигнул мне Кэл.

– Это же так неловко, честное слово! – тяжело вздохнула Берил. – Вы – дипломированный специалист, эксперт по диким животным, а тут какая-то горничная!

– Между прочим, я однажды целое лето отработала официанткой в одном из самых фешенебельных женевских ресторанов, подавала гостям еду, раскладывала по тарелкам и все такое. И как видите, корона с меня не свалилась.

– Тогда решено! Но завтра же я непременно позвоню лэрду и скажу ему, что если мы открываемся, да еще, как он хочет, на уровне пятизвездочного отеля, то тогда он должен позволить мне нанять соответствующий обслуживающий персонал. Мы с вами вовсе не обязаны трудиться здесь вместо официанток и горничных.

– Да пустяки все это. Лично я не вижу никаких проблем. Хотите, чтобы я помогла вам с чаем? Тогда мне надо побыстрее облачиться в форму горничной, – широко усмехнулась я в ответ, глянув на часы, которые показывали уже половину четвертого.

– Нет, с чаем я как-нибудь управлюсь сама. А вы ступайте к себе, примите ванну и немного отдохните. Ужин ровно в восемь. Но я хотела бы, чтобы вы появились здесь чуть раньше и помогли разнести гостям напитки. Не возражаете?

– Ничуть не возражаю, Берил, – ответила я, и мы с Кэлом заторопились к себе домой.

– Сможешь отвезти это Чилли, прежде чем отправишься на вечеринку? – спросила я у него, пока мы шли к дому, и с этими словами я вручила ему небольшой контейнер с рагу из фазанов, которое я позаимствовала с одного из блюд, уже готовых к подаче на стол. – Передай ему от меня поздравления с наступающим Новым годом и пожелания всего доброго, а заодно скажи, что в скором времени я обязательно навещу его.

– Все сделаю и все передам. Жаль, конечно, что ты не сможешь пойти со мной сегодня на новогоднюю вечеринку. Но зато отныне и навсегда ты покорила сердце Берил.

Я вернулась в Киннаирд-лодж ровно в шесть вечера. Берил выдала мне мою униформу и белый кружевной фартук.

– В костюме Элисон вы утонете. Вот нашла что-то подходящее среди старых вещей, завалившихся на антресолях. Правда, сильно пахнет таблетками от моли, зато этот костюм будет вам впору, – сказала Берил и добавила: – А сейчас ступайте в подсобку для глажки белья, там можете переодеться. И волосы, пожалуй, тоже надо будет собрать и заколоть на затылке.

Я беспрекословно повиновалась. Переодевшись, снова вернулась на кухню.

– Ну, как я выгляжу?

– Очень мило, – одобрила Берил, окинув меня внимательным взглядом.

– Это мне тоже напяливать на себя? – поинтересовалась я у экономки, показав на бело-снежную наколку с черными завязками, которую я, судя по всему, должна буду водрузить себе на голову.

– Пожалуй, можно обойтись и без наковки, – ответила Берил. – Так, гости появятся внизу буквально через пару минут. Поторопитесь. Надо успеть открыть шампанское. В холодильнике еще стоит шипучка для трезвенников и ликер. Крепкие спиртные напитки стоят в баре в большой гостиной. Да, и еще не забудьте прихватить ведро со льдом.

– Хорошо! – Я опрометью вымелась из кухни, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей.

В школе мне всегда нравилось принимать участие в любительских спектаклях. Вот и сейчас я тоже постаралась быстро войти в свою новую роль: чинно разносила шампанское гостям, уже собравшимся в гостиной, с трудом сдерживая себя, чтобы не сказать вслух нечто вроде «Да, милорд», «Спасибо, мэм» и сделать при этом дежурный книксен, прежде чем переместиться к следующему гостю. Поскольку я все время крутилась возле бара, то у меня была выгодная наблюдательная точка для разглядывания гостей. Такая кучка богатеев: пятеро мужчин в смокингах и три дамы в туалетах для коктейля, обвешанные дорогими украшениями. Несмотря на то что все разговаривали на английском, судя по их акценту, это могли быть и немцы, и французы, и кто угодно.

– Ну, как там дела? – поинтересовалась у меня Берил, когда я примчалась на кухню, чтобы взять шампанское из холодильника.

– Все отлично. Однако шесть бутылок шампанского мы уже оприходовали.

– Где-то минут через двадцать приглашай их к столу. Очень надеюсь, что Джимми не забыл о том, что должен со своей волюнкой явиться сюда ближе к полуночи, чтобы поиграть гостям шотландские мотивы в канун наступления Нового года.

Я снова вернулась в гостиную с подносом, уставленным бокалами со свежим шампанским. Все взоры тотчас же устремились на меня.

– А вот и она, наконец! Я уже было решил, что прислуга опустошила все мои винные запасы, которые я сюда отправил!

Все присутствующие разразились веселым смехом, а я поняла, что шутник, направляющийся сейчас ко мне, и есть тут главный. Хозяин, так сказать. Вот он подошел поближе: роста ниже среднего, широкоплечий, темно-русый, с орлиным носом и необычайно глубоко посаженными глазами зеленого цвета.

– Благодарю, – промолвил он, снимая бокал с подноса и окидывая меня оценивающим взглядом. – Как вас зовут?

– Тигги.

– Необычное имя. Шотландское, наверное? – Он протянул мне свой бокал, чтобы я снова наполнила его.

– Нет. Это просто сокращенный вариант, что-то типа прозвища. Мое настоящее имя Тайгете. Это греческое имя.

Что-то смутное, похожее на узнавание, вдруг мелькнуло в его взгляде.

– Понятно. Но я отчетливо слышу французский акцент в вашей речи.

– Так оно и есть. Я из Швейцарии.

– Правда? – Он снова метнул в меня заинтересованный взгляд. – Так-так-так... Вы здесь работаете?

В любой другой ситуации, скажем, мы встретились бы с ним за стойкой бара, подобные расспросы с его стороны были бы мне вполне понятны. Но здесь и сейчас... Он хозяин, я – на правах прислуги. И вдруг такой повышенный интерес к моей персоне. Нет, определенно, в этом есть что-то странное.

– Да, но в обычное время в несколько ином качестве. Сегодня вот заменяю горничную, потому что она заболела, а так я консультант по диким животным, которые содержатся на территории имения.

– Ясно. У меня такое чувство, что мы с вами уже где-то встречались. Вам так не кажется?

– Нет. У меня хорошая память на лица.

– И где же наше шампанское? – громко спросил еще один гость с другого конца зала.

– Прошу прощения, мне надо поспешить, – вежливо улыбнулась я незнакомцу.

– Конечно-конечно. Кстати, меня зовут Зед. Рад был познакомиться с вами, Тигги.

* * *

Домой я притащилась только в два часа ночи, падая от усталости. Еле доплелась, с трудом переставляя ноги. Нет, что ни говори, а труд официанток все же ужасно недооценен в нашем обществе.

– Уж лучше изо дня в день приглядывать за тиграми и львами, – простила я, стаскивая с себя одежды. Потом переоделась в ту пижамку, которую Кэл подарил мне на Рождество, и тут же рухнула в кровать.

Радовало лишь то, что ужин прошел безукоризненно, как говорится, без сучка без задоринки. Честно признаюсь: мы с Берил постарались на славу, за весь вечер ни единого сбоя, ни одного прокола. Я блаженно закрыла глаза, ожидая, когда немного замедлится пульс, успокоится мое расхолодевшее сердечко, и я усну. Но сон не шел. Я почему-то вдруг снова представила себе выразительные зеленые глаза Зеда, которые – или это мне только померещилось? – весь вечер неотступно следовали за мной. Незадолго до полуночи, когда я снова заявила на кухню за очередной порцией шампанского и виски, Берил сунула мне в руку какой-то кусок угля.

– Ступайте к парадной двери, Тигги. Там таймер для варки яиц. Он заведен на одиннадцать часов пятьдесят девять минут и пятьдесят секунд. Как только он начнет звенеть, стучите в дверь, что есть силы. Надо стукнуть трижды, – уточнила Берил на всякий случай. – Джимми Вольтер уже там. Он ждет вашего сигнала.

– А что мне делать с этим? – Я показала на кусок угля.

– Когда дверь распахнется, Джимми заиграет на волынке, а вы вручите уголь тому, кто откроет вам дверь. Понятно?

– Да, но...

– Все дополнительные объяснения потом. А сейчас бегом на выход!

Я выскочила на крыльцо, где меня уже поджидал Джимми Вольтер. Его слегка водило из стороны в сторону, видно, уже успел изрядно принять на грудь, но он терпеливо ждал, когда сработает мой таймер, и я начну громко стучать в дверь. И тут же в морозном воздухе поплыли звуки волынки, дверь широко распахнулась, и я увидела перед собой Зеда.

– С Новым годом! С новым счастьем! – воскликнула я, вручая ему кусок угля.

– Спасибо, Тигги. – Он улыбнулся, затем слегка подался вперед и запечатлел легкий поцелуй на моей щеке. – И вас тоже с Новым годом и с новым счастьем.

После этого я его не видела. Возилась на кухне, помогала Берил управиться с грязной посудой. Но вот сейчас, лежа на кровати, я вдруг снова почему-то вспомнила про этот поцелуй. Что-то есть необычное в этом интимном прикосновении к постороннему человеку, по сути, к незнакомке. Особенно, если вспомнить, что незнакомка напялила на себя маскарадный костюм горничной...

* * *

Я проснулась ровно в семь утра. В доме царил тишина. Я тут же вскочила с постели. Вчера, прощаясь со мной, Берил сказала, что с поздним завтраком, который она совместит с ленчем, она управится и без моей помощи, но все же, покормив кошек, я направилась в Киннаирд-лодж проверить, не нужна ли ей какая помощь.

– Пока проснулся только хозяин. Я подала ему кофе в гостиную, – тут же сообщила мне Берил.

– Вот и отлично. Так вы вполне уверены, что обойдетесь без меня?

– Уверена. К тому же Элисон заставила себя встать на ноги. Она сейчас как раз накрывает стол в столовой. Конечно, гостям, боюсь, она покажется немного неуклюжей, особенно в сравнении с тем, на каком высочайшем профессиональном уровне вы обслуживали их в минувшую ночь. Знаете, что они говорили? – добавила она. – Что вы тут за гроши работаете. Так что бедняжке Элисон с вами не тягаться!

– Но, Берил, послушайте! Бедная девочка сильно простужена. Надо проявить к ней снисходительность. Что ж, раз вы уверены, что я вам не нужна, тогда я отвезу обед Чилли.

– Нельзя ли еще кофе, Берил? – На пороге кухни появился Зед, держа в руках пустую чашку. Он был облачен в водолазку цвета зеленого нефрита и в джинсы и был свеж, словно майская роза.

– Конечно, можно, – мгновенно откликнулась Берил, взяла из его рук чашку и налила свежую порцию кофе. Зед взглянул на меня.

– Доброе утро, Тигги. Как настроение?

– Все хорошо, спасибо, – ответила я и тут же почувствовала, что невольно краснею под его взглядом. Невероятно!

– Прекрасный денек, да?

– Да. Но здесь всегда красиво, особенно, когда светит солнце.

– Я никогда ранее не бывал в Шотландии, и вот, судя по всему, влюбился в эти места с первого взгляда, – обронил Зед, не сводя с меня глаз.

– Вот ваш кофе, сэр.

Берил в своей обычной манере образцовой экономки пришла на помощь как раз вовремя. Зед вынужден был оторвать от меня глаза, чтобы взять протянутую ему чашку.

– Итак, – обратился он уже к Берил. – Поздний завтрак, совмещенный с ленчем, ровно в полдень. А потом, быть может, организуем небольшую ознакомительную экскурсию по имению? Пусть мои гости подышат немного свежим горным воздухом.

– Конечно, сэр. Кэл на своем лендровере с радостью покажет вам наши красоты, – откликнулась Берил.

– Вот и превосходно. – Я услышала четкий немецкий акцент в его голосе. – Если мои гости не поднимутся со своих постелей в течение ближайших тридцати минут, разрешаю вам, Берил, вылить каждому из них на лицо по стакану ледяной воды. – Зед вежливым кивком попрощался с нами и вышел из кухни.

– Надеюсь, Кэл уже вернулся из Дорноча? – встревоженно поинтересовалась у меня Берил.

– Когда я уходила сюда, его еще не было дома.

– Тогда прошу вас, Тигги, воспользуйтесь стационарным телефоном и немедленно позвоните его родителям. Нужно, чтобы к двум часам дня он обязательно был в Киннаирде. И при этом достаточно трезвым, чтобы не свалиться на машине вместе с нашими гостями в какую-нибудь впадину и не поубивать бедолаг. – Берил жестом указала мне на список номеров, висевший прямо над телефонным аппаратом. – А я пойду, взгляну, как там дела у Элисон.

Набирая номер домашнего телефона Кэла, я вдруг вспомнила одну юмористическую английскую программу на телевидении: там какой-то эксцентричный господин содержал отель, имея в своем распоряжении всего лишь двух сотрудников. Вот, судя по всему, и мы с Кэлом поневоле превратились в такой же обслуживающий персонал.

Я переговорила с матерью Кэла, и та завершила меня, что немедленно поднимет сына с постели, а попутно сообщила, что ночью в деревне было очень весело и шумно: танцы почти до утра. Закончив разговор, я вернулась в служебное помещение рядом с кухней и проверила свою электронную почту.

Очень трогательное письмо прислала мне моя старшая сестра Майя, которая сейчас обитает в Рио: поздравила меня с Новым годом и пожелала, чтобы «исполнились все мои самые заветные мечты». Нас многое роднит с Майей. Ведь она, как и я, мечтательница и фантазерка. Пожалуй, Майя острее всех нас, остальных сестер, восприняла смерть отца. Но вот прошло всего каких-то полгода, а у нее уже началась новая жизнь в Бразилии, скорее всего, счастливая, потому что каждое слово в ее письме исходило оптимизм и надежду. На меня словно вдруг весной повеяло.

Я тут же отбила ей коротенькое ответное письмецо: тоже пожелала сестре всего самого доброго в наступающем году, а заодно и напомнила, что мы с ней должны на пару продумать обстоятельный план, как собрать всех сестер в годовщину смерти отца возле одного из греческих островов, в том самом месте, где Алли стала невольным свидетелем похорон Па Солта, и опустить там прощальный венок от имени всех его дочерей. Не успела я отправить свое письмо, как короткий звуковой сигнал известил меня, что на мою почту поступило очередное сообщение.

1 января 2008 года

Дорогая Тигги!

Прежде всего, хочу поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам большого счастья! Снова приношу свои глубочайшие извинения за то, что не смог навестить Вас, как обещал. Надеюсь, в мой следующий приезд, который я планирую в ближайшие две-три недели, такой визит обязательно состоится. А пока я отправил Вам по почте все бланки, необходимые для оформления гранта. Кое-что я уже заполнил сам: только, пожалуйста, перепроверьте, все ли правильно.

Я также хочу выразить Вам огромную благодарность за Зару, за ту доброту, которую Вы проявили по отношению к ней, пока она была в Киннаирде. Знаю, у нее сложный характер, впрочем, как у всех подростков, а потому я особо ценю то терпение, которое Вы выказали, общаясь с ней. Она шлет Вам свою любовь и наилучшие пожелания и надеется на скорую встречу. Я тоже.

Всего Вам самого доброго,

Чарли

Коль скоро я оказалась у компьютера, то тут же набросала короткое письмо своему бывшему коллеге в зоопарке Сервион и попросила его сообщить мне дополнительную информацию о европейских лосях и об оленях вапити, а также запланировать телефонный разговор со мной в любое удобное для него время. Отправила письмо по электронной почте и вернулась

на кухню. Там было пусто. По всей видимости, Берил обслуживала гостей. А потому я самостоятельно положила в пластиковый контейнер немного кеджери – жаркое из риса и рыбы с добавлением пряного порошка карри – и отправилась провести Чилли.

– Где же ты прячешься, Хотчивитчи? – услышала я требовательный голос из кожаного кресла, стоило мне только открыть дверь.

– С Новым годом, Чилли! С новым счастьем! – поздравила я старика и принялась перекладывать кеджери в его миску. – Я помогала Берил по дому.

– Ну, и как ты теперь? – Чилли окинул меня внимательным взглядом, взяв в руку протянутую ему ложку. – Здесь вокруг ведь полно всего того, что тебе нравится, не так ли?

И он весело раскудахтался, словно старая ворожея.

– А какой сейчас год? – спросил он, с жадностью набрасываясь на жаркое.

– 2008-й.

Ложка его замерла на полпути ко рту, а сам он уставился отрешенным взглядом в камин.

– Всякие богатеи понаехали сюда, чтобы посчитаться за этот год, – промолвил он наконец и снова взялся за жаркое.

– Какие богатеи? – спросила я.

– Неважно. Мы с тобой оба бедняки, а они всегда были ненасытными. Но ничего! – угрожающе обронил Чарли. – Они свое, в конце концов, получают. Какие новости от лэрда?

– Я сегодня получила от него письмо по электронной почте.

– У него большие проблемы. Береги его.

– Хорошо, буду беречь, – пообещала я.

– У всех, кто обитает в этом доме, проблемы. Так всегда бывает... Вначале наступает зима, а уже потом приходит весна. Не забывай об этом, Хотчивитчи.

– А что это такое – «Хотчивитчи»? – поинтересовалась я у Чилли.

– Ежик. Так звучит твое имя на языке рома. – Старик слегка повел плечами, а я уставилась на него в немом изумлении. И как он только догадался...

– Ты ведь родом из далеких краев. *Espana*...

И снова я поразилась. Даже в ушах закололо. Откуда он знает?

– Мой покойный отец тоже так сказал. Об этом он написал мне в своем прощальном письме. А еще он написал, что мне нужно вернуться туда и...

Я глянула на Чилли, но он уже задремал. Я воспользовалась моментом, чтобы сбежать под навес, расположенный в пещере рядом с его домиком, и принести немного дров для камина. Солнце уже поднялось высоко, освещая вершины гор. Продолговатые лучи легко скользили по ущелью, подсвечивая своим сиянием необыкновенную белизну снега вокруг. Мистическое по своей красоте зрелище. Любуясь этим пейзажем, так легко забыть и потерять счет времени. Вот и я словно погрузилась в транс, стоя с корзинкой, полной дров. Вдруг я явственно увидела грубый, выкрашенный мелом, потолок над собой и услышала чей-то голос. И мне даже показалось, что я его узнала.

– *Ступай ко мне, малышка. Я позабочусь о тебе, пока ты не станешь взрослой.*

– *Но только верни ее к нам обратно...*

А потом меня взяли на руки и подняли почти до самого потолка, но я совсем не испугалась, потому что знала, что в этих руках я в полной безопасности.

Я вздрогнула, очнувшись, и поняла, что стою в полном одиночестве, а мои ноги почти примерзли к земле. В пещере под навесом стоял ледяной холод.

Возвращаясь в хижину, я раздумывала над тем, что мне только что пригрезилось. Один голос я узнала точно. Это был голос Па Солта.

* * *

– У меня для тебя две новости, скорее даже не новости, а известия, – сказал мне Кэл за ужином.

– Что за новости?

– Новость первая: вчера мы с Кейтлин объявили о дате нашей свадьбы. Запланировали ее на июнь.

– Вот это действительно новость, Кэл! – Я широко улыбнулась. – Фантастика! Быстро же вы все, однако, порешали! – не удержалась я от шутки.

– Что правда, то правда. Кейтлин целых двенадцать лет обдумывала сей важный шаг. Но наконец-то созрела для замужества.

– Мои поздравления, Кэл. Я безмерно рада за тебя. А сейчас ты просто обязан пригласить свою невесту к нам на ужин. Я ведь во время сочельника едва перекинулась с ней парой слов. Мне бы очень хотелось встретиться с ней снова.

– Хорошо, Тиг. Обязательно приведу ее к нам. Тут еще вот что. С учетом того, что через несколько месяцев мы поженимся, Кейтлин прочитала мне целую лекцию на предмет того, что я должен попросить лэрда повысить мне зарплату, а заодно и выбить себе кого-нибудь в помощники. Эта работа меня вконец замучает. Во всяком случае, если я и дальше буду пахать в одиночестве, то точно останусь без спины.

– А что, если предложить ему кандидатуру Лочи, сына нашей ветеринарши? По-моему, очень неплохой парнишка.

– Согласен. Отличный малый. И в том, что касается работы на земле, хорошо разбирается. Дам лэрду наводку, и, если он одобрит мое предложение, тогда поговорю с Лочи.

– Ты уж постарайся как-то уговорить хозяина, ладно? – попросила я Кэла.

– Постараюсь! Завтра у меня подъем на рассвете. Поведу мужчин на охоту. Сегодня вот полдня ушло у меня на то, чтобы облазить все места, где могут укрываться олени. Ведь ничто не приводит клиента в такое расстройство, как потратить целый день, рыская по всему ущелью, и не увидеть своими глазами ни одного живого оленя.

– Так им и надо, этим кровопийцам! – мстительно воскликнула я. – Я, со своей стороны, тоже приложу все усилия, чтобы прогнать оленей прочь и уберечь их от гибели.

– И не вздумай, Тиг! Ты не сделаешь ничего подобного! Иначе я получу такой нагоняй от наших гостей, не приведи Господь. Они же все горят желанием вернуться домой с охотничьими трофеями, продемонстрировать своим женщинам, что, несмотря на все свои шикарные шмотки, в душе они остались теми же дикими пещерными охотниками, как и их далекие предки. Если повезет, то работы у меня будет хоть отбавляй. Вначале освежевать туши, а потом успеть в течение следующей ночи сварить оленин головы. – Кэл выразительно подмигнул мне.

– Замолчи, Кэл! Хватит! Я все понимаю... Да, нужна разумная отбраковка поголовья и все такое. Но ты прямо уже к моему горлу нож приставляешь!

– Хорошо! Тогда плавно перехожу ко второй новости. Авось тебе немного полегчает.

– И что за новость? – спросила я недовольно, все еще продолжая злиться на Кэла.

– Да вот, моя душа, что у нас получилось. Хозяин этой вечеринки, тот, которого зовут Зед, сегодня не смог принять участие в нашей ознакомительной поездке по имению вместе с остальными гостями. А вот завтра, когда мужчины отправятся пострелять, ты для него проведешь персональную экскурсию.

– А что, нельзя подождать до послезавтра? – нахмурилась я. – И отправиться в поездку уже вместе с тобой? Ты ведь знаешь Киннаирд гораздо лучше меня.

– Думаю, Тиг, его интересует не столько флора и фауна нашего края, сколько сам гид-экскурсовод. Он недвусмысленно дал понять, что повезешь его ты.

– А что, если я не изъявлю желания сопровождать его?

– Тиг, нельзя быть такой бестолковой. Всего-то и делов на пару часиков. К тому же мы ведь с тобой хорошо знаем, как лэрду важно создать хорошую репутацию о своем имении, всячески ублажая своих гостей. Вне всякого сомнения, у этого парня мешки, полные деньжищ. Знаешь ли ты, что он заплатил за недельную аренду дома для своих гостей больше, много больше, чем мы с тобой оба заработаем в течение года? И потом, постарайся же взглянуть на все в выигрышном свете. А вдруг тебе подфартит и ты подцепишь миллиардера? Чем плохо?

– Ой, не смей меня, ради бога, – огрызнулась я в ответ, выхватила у него из-под носа пустую тарелку и поспешила на кухню, чтобы он не успел заметить, как краска бросилась мне в лицо.

– Так ты согласна? Берил, кстати, тоже интересуется.

– Согласна, – откликнулась я уже из кухни, включая воду, чтобы перемыть посуду.

– Может, тогда тебе стоит снова обрядиться в наряд горничной? Тот самый, в котором ты щеголяла в новогоднюю ночь? Как смотришь? – весело хихикнул Кэл.

– Заткнись, Кэл, ладно? Достал уже! – огрызнулась я в ответ.

8

На следующее утро ровно в десять, как и было обусловлено, я появилась в Кинна-ирд-лодж. Берил уже вовсю хлопотала на кухне: разделявала двух огромных лососей, явно предназначенных для сегодняшнего ужина.

– Доброе утро, Тигги, – поприветствовала она меня с несколько натянутой улыбкой. – Ну, что, готовы сегодня выступить в роли гида-экскурсовода? Он уже ждет вас в гостиной.

– Надеюсь, Берил, я не заблужусь по ходу этой экскурсии. Я ведь еще ни разу не объезжала поместье одна. Только вместе с Кэлом.

– Думаю, не заблудитесь. Обязательно прихватите с собой радиопередатчик, на всякий случай. А вон в той корзинке – термос с горячим кофе и коробка с песочным печеньем.

– Спасибо.

– Пожалуй, вам пора отправляться в путь. Если начнется сильный снегопад, немедленно возвращайтесь домой.

– Хорошо.

Я вышла из кухни и направилась по коридору в сторону большой гостиной. Зед сидел возле камина, на журнальном столике перед ним лежал раскрытый ноутбук. Воздух в комнате был спертый, сильно пахло застоявшимся табачным дымом и спиртным.

– А, вот и мой водитель наконец-то прибыл, – оторвался Зед от дисплея и улыбнулся мне. – И в самый подходящий момент. Потому что я уже готов был от злости выбросить свой ноутбук в окно. Представляете? Во всем доме Интернет работает надежно только в кабинете экономки. А мне вовсе не хочется посягать на ее суверенную территорию.

– О, Берил никогда бы не стала возражать.

– Должен заметить, что она – очень любопытная женщина и не из тех, кем сильно покомандуешь, – обронил Зед, поднимаясь со своего места и направляясь ко мне. – Я вообще не уверен, что снискал ее расположение. По-моему, Берил не одобряет меня.

– Напротив! Во время новогоднего ужина она сказала мне, что вы – истинный джентльмен.

– О, тогда она глубоко заблуждается на мой счет, – рассмеялся в ответ Зед, но, увидев ошарашенное выражение моего лица, тут же осекся. – Шучу, Тигги, шучу. Ну, что? В путь?

На улице я поставила корзинку с провизией на заднее сиденье машины, рядом положила радиопередатчик, после чего села за руль «Берил». Потом показала Зеду, усевшемуся рядом со мной, как именно следует управляться с дверцей, чтобы закрыть ее.

– Думаю, хозяину все же стоит вложить кое-какие средства, чтобы обзавестись пристойным транспортом для своих гостей, – недовольно обронил он, когда машина наконец тронулась с места и затряслась по дорожке, ведущей от дома. – Дамы, вернувшись после вчерашней экскурсии, жаловались, что нажили себе множество синяков на мягких частях тел.

– Думаю, у лэрда наверняка имеются такие планы, но, как вы знаете, они еще только открывают свое поместье для туристов. А все остальное вас устроило? Вам было удобно тут жить?

– Все было чудесно. В высшей степени замечательно. Все, кроме машины. – Он искоса глянул на меня, пока я преодолевала очередной крутой поворот. – А вы гораздо выносливее, чем кажетесь. Я прав?

– Наверное. Я ведь привыкла жить на природе.

– И что же девушка из Швейцарии делает в такой глуши?

Я коротко посвятила спутника в суть моих нынешних обязанностей, осторожно сползая вниз по склону прямо в ущелье.

– Взгляните вон туда! – воскликнула я, затормозив машину и схватив бинокль с заднего сиденья. Бинокль я вручила Зеду. – Видите, вон там, на холме, рядом с небольшой рощицей пасется небольшое стадо самок благородных оленей?

Зед навел бинокль в ту сторону, куда указывал мой палец, сосредоточенно разглядывая заснеженные деревья.

– Да, я вижу их.

– Большинство этих самочек сейчас беременны, а потому они держатся отдельно от самцов. Тех мы скоро увидим на южных склонах ущелья. Греют себе бока на солнышке, пока самочки трясутся от холода в тени, среди заснеженных деревьев.

– Типичный мужской эгоизм – выбирать себе местечко потеплее и поуютнее, – хохотнул в ответ Зед, возвращая мне бинокль.

– Боюсь, в эту пору года здесь немного можно увидеть. Все ведь в снегу. Вы приезжайте сюда летом, когда все долины оживают. Здесь очень красиво.

– Могу себе представить. Хотя я по жизни типичный горожанин.

– И где вы живете?

– У меня есть апартаменты в Нью-Йорке, Лондоне, Цюрихе, а на летний период отправляюсь в Сен-Тропе. Там у меня своя яхта. Я вообще много перемещаюсь по свету.

– Получается, что вы очень занятой человек.

– Так оно и есть. Особенно последние несколько месяцев... Они были очень трудными и хаотичными. – Зед издал глубокий вздох. – Итак, это все, что здесь есть? – спросил он у меня, когда мы углубились в лесистые пространства, раскинувшиеся вокруг поместья.

Все кругом утопает в глубоком снегу, покрыто толстым слоем льда. Действительно, и показать-то особо нечего.

– Чуть дальше, выше в горах, можно увидеть пасущийся скот. Очень живописно смотрится на высокогорных пастбищах. А если нам повезет, то сможем еще увидеть беркута в полете.

– Ну, это если повезет... Что вряд ли. Думаю, с меня достаточно, Тигги. Все, что мне надо сейчас, это обед в каком-нибудь тихом местечке, стакан хорошего вина и полыхающий огонь в камине. Вы знаете какой-нибудь подходящий паб или ресторан поблизости?

– К сожалению, нет. Я практически никуда не выбиралась за пределы имения.

– Что ж, в таком случае, поворачиваем обратно на базу. Я уже изрядно замерз. Знай я заранее, что в машине нет климат-контроля, я бы надел теплый лыжный костюм.

– Ладно! – послушно кивнула я головой и довольно уверенно совершила на скользкой дороге разворот в три приема. – Думаю, Берил сообразит вам что-нибудь вкусненькое по возвращении.

– Буду откровенен с вами, Тигги. Сегодня меня интересовали не столько деревенские пейзажи.

Я почувствовала на себе его буравящий взгляд, но предельно сконцентрировала все свое внимание на дороге, покрытой сплошной коркой льда. И все же непроизвольно покраснела, за что готова была возненавидеть саму себя.

Вернувшись в Киннаирд-лодж, я поплелась следом за Зедом в дом, а тот направился прямо на кухню, явно застав врасплох Берил. Та как раз обучала Элисон, как надо правильно печь пироги. Девчушка, перемазанная мукой с головы до пят, беспрекословно раскатывала на столе тесто, придавая ему ту форму, которую требовала от нее Берил.

– На улице страшная холодина, Берил, – объявил ей прямо с порога Зед. – К тому же в вашем лендровере нет климат-контроля. Конечно, если бы я знал об этом заранее, то можно было бы воспользоваться моей машиной. Но теперь уже слишком поздно. Пожалуйста, растопите в гостиной камин и принесите туда сэндвичей для нас обоих. Да, и еще два бокала вина, того белого «каберне совиньон», что я привез с собой.

– Мне уже пора заняться своей работой, – едва слышно пробормотала я.

– Но неужели вы не можете сделать короткий перерыв на ленч, Тигги? Уверен, что можете. К тому же мне совсем не хочется есть в одиночестве.

Я бросила умоляющий взгляд на Берил, которая стоически его проигнорировала.

– Как прикажете, сэр, – ответила она Зеду. – Ступайте в большую гостиную, а я сейчас подам туда бутерброды и вино. Проводите его, Тигги, и, будьте столь любезны, растопите камин, пока я буду тут возиться с закусками. Я буду готова буквально через несколько минут.

Берил озвучила свою просьбу приказным тоном, и мне оставалось лишь повиноваться. Я молча повела Зеда в гостиную, а там занялась камином.

– Вот это совсем другое дело! – воскликнул Зед, присаживаясь поближе к камину и протягивая руки к огню, чтобы согреть их. – Как жаль, что у нас нет горячего глинтвейна. Я бы сейчас с удовольствием оприходовал стаканчик, чтобы согреться после нашего марш-броска по долинам и по взгорьям. Вы катаетесь на лыжах, Тигги?

– Я же из Швейцарии. Конечно, катаюсь.

– Я бы с удовольствием увез вас в одно шале в Клостерсе. Как по мне, так там просто идеальное место. Лыжи, прогулки на свежем воздухе, а к обеду возвращаешься домой, и твой шеф-повар, отмеченный, между прочим, звездой Мишлена, потчует тебя превосходным эскалопом из телятины. Кстати, в какой школе вы учились? – задал он неожиданный вопрос.

Я назвала школу, Зед вальяжно кивнул головой в ответ.

– Самая лучшая. Наверняка свободно говорите по-французски?

– Это мой родной язык. Хотя нас с сестрами с раннего детства обучали говорить на двух языках, французском и английском. А у вас какой родной язык?

– Немецкий. Но и меня тоже, можно сказать, с пеленок обучали английскому. А еще русскому и французскому. Я, как и все мои домашние, принадлежу к самым разным странам и культурам и ни к одной конкретно. Я везде и нигде. Короче говоря, такой типичный глобалист образца двадцать первого века. Одно слово, космополит, – добавил он со смешком.

В этот момент в гостиную вошла Элисон с подносом, на котором стояла бутылка белого вина и два бокала.

– Оставьте, – приказал ей Зед тоном, не терпящим возражений. – Мы сами нальем.

Девушка ничего не сказала в ответ, лишь сделала какое-то неловкое движение, отдаленно напоминающее реверанс. После чего поспешно ретировалась из комнаты.

Я наблюдала за тем, как Зед внимательно изучил наклейку на бутылке, капнул немного вина в свой бокал, принюхался, повертел бокал в руке, потом попробовал на язык, удовлетворенно кивнул и лишь затем наполнил мой бокал.

– Отличное вино для обеда. Свежее, терпкое, превосходный букет и хорошее послевкусие. *Santé*.

– *Santé*.

Мы чокнулись, и Зед сделал большой глоток из своего бокала. Я же лишь слегка пригубила из вежливости. У меня не было привычки пить в дневное время. Потом переключилась на созерцание огня и снова почувствовала на себе взгляд Зеда.

– Вообще-то вы не похожи на уроженку Швейцарии, Тигги.

– Все верно. Меня ведь удочерили. Как и всех моих сестер.

И опять он понимающе кивнул в ответ. Странно! Будто он что-то знает...

– А откуда вы родом на самом деле?

– Из Испании, насколько я понимаю. Мой отец умер в прошлом году, а в своем прощальном письме, которое вручил мне нотариус, обозначил то самое место, где нашел меня.

– Вы совершенно необычная девушка, Тигги. – Зеленые глаза Зеда переливались в пламени камина. – Многие выпускницы вашей закрытой школы, самой элитарной и дорогой в Швейцарии, наверняка из очень богатых семей. Такие маленькие капризные принцессы... Но вы... Вы совершенно другая.

– Нас с сестрами не воспитывали так, чтобы мы воображали себя принцессами.

– И при этом у вас было все и всегда самое лучшее.

– Да, стиль нашей жизни всегда был очень рафинированным, это правда. Но нас с самого раннего детства учили понимать цену вещам, а также разбираться в том, что является самым важным в жизни.

– И что же? – поинтересовался у меня Зед, снова наполняя свой бокал, а потом немного освежил и мой, хотя в этом не было необходимости.

– Главное – быть хорошим человеком. Не судить о людях по тому положению, которое они занимают в жизни, потому что жизнь, как не раз повторял нам папа, это лотерея: кто-то в ней выигрывает, а кто-то остается в проигрыше.

– В принципе, я согласен с ним, – кивнул Зед, все еще не отводя от меня глаз. – Хотя, с другой стороны, что мы с вами, в сущности, знаем о том, каково это – бороться за свое место под солнцем? У меня всю жизнь были деньги, впрочем, как и у вас. И нравится это нам или не нравится, но мы всегда знали, что у нас есть надежный тыл, такое теплое, уютное гнездышко, которое примет нас, подхватит и не даст упасть, если мы вдруг начнем падать. Поэтому, конечно, никто не возбраняет нам вести такое существование, будто у нас ничего нет. Но все равно нам неведом тот страх и то отчаяние, которые сопряжены уже с реальной нищетой.

– Вы правы. Но мы, во всяком случае, можем быть благодарны судьбе за это. А еще мы можем попытаться воспользоваться своими привилегиями для того, чтобы сделать что-то хорошее в этой жизни, – возразила я запальчиво.

– Я восхищен вашим альтруизмом. Предполагаю, что вы трудитесь здесь, ухаживаете за животными и прочее практически бесплатно, за какие-то мизерные деньги.

– Так оно и есть, – согласилась я.

– Должен предупредить вас, Тигги, что ваши благие намерения могут со временем исчезнуть, раствориться, просто потеряться по дороге.

– Никогда! – упрямо тряхнула я головой.

– Такое впечатление, – Зед неторопливо отхлебнул немного вина, а потом снова исподлобья глянул на меня, – что вы, подобно первым христианским мученикам, носите на себе власяницу?

– Никаких власяниц! Я делаю то, что люблю, и занимаюсь этим в месте, которое мне тоже очень нравится. И никаких других мотивов у меня нет. И уж точно, мною не движет раскаяние или чувство вины. Я живу на то, что зарабатываю, и это меня устраивает. – Я вдруг

инстинктивно почувствовала, что Зед пытается навязать мне нечто такое, что всегда было мне чуждо и никогда не станет частью меня. – Я... – Я слегка повела плечами. – Я – такая, какая есть.

– Наверное, именно поэтому я и нахожу вас такой притягательной.

Я увидела, как его рука, словно змея, устремилась к моей. Но, слава богу, в эту минуту в дверь резко постучали.

– Ваш ленч, – провозгласила Берил, входя с подносом.

– Большое спасибо, – откликнулась я, наблюдая за тем, как она величественно проследовала к журнальному столику перед камином и водрузила на него поднос.

– Да, спасибо, Берил, – улыбнулся Зед. – Вы очень любезны. И еще раз прошу простить меня за то, что я доставил вам лишние хлопоты.

– Никаких лишних хлопот, сэр. Именно для этого я и нахожусь здесь. Вам подать бутерброды? – спросила у него Берил.

– Благодарю вас, нет. Думаю, мы с Тигги управимся сами. Должен высказать вам свой комплимент, вам и лэрду... Вы подобрали себе исключительный персонал. Выше всяких похвал! – Он махнул головой в мою сторону. – Как выяснилось, у нас с Тигги много общего.

– Я рада, сэр, что вы всем довольны, – дипломатично ответила Берил. – Приятного аппетита.

Экономка вышла из комнаты. Зед проводил ее с улыбкой на устах.

– А она ведь тоже совсем не такая, какой кажется, – обронил он.

– Вам бутерброд? – Я положила один на тарелку и подала ему.

– Спасибо.

– Так чем же *вы* все же занимаетесь? – спросила я.

– Руководжу крупной телекоммуникационной компанией.

– Понятно. Хотя, если честно, я смутно представляю себе, что это такое.

– Порой мне кажется, что я тоже не сильно понимаю суть своего бизнеса. – Зед издал короткий смешок. – Моя компания – это такой своеобразный зонтик, под которым уместились и телевидение, и Интернет, и мобильная связь, и спутники, то есть все то, что сегодня помогает людям взаимодействовать друг с другом. Словом, коммуникация на всех уровнях.

– Получается, что вы бизнесмен?

– Так оно и есть. – Он с аппетитом откусил большой кусок бутерброда с креветками и одобрительно кивнул головой, распробовав. – Должен признаться, что те пару дней, которые я провел здесь, заставили меня особенно остро почувствовать, как же я нуждаюсь хоть в каком-то перерыве. Ведь большую часть своей жизни я провел в непрерывных разъездах. Постоянные перемещения по всему миру: не успев закончить переговоры в одном месте, опрометью мчишься на следующую деловую встречу на другом конце света.

– Звучит очень притягательно. Сплошной гламур.

– Да, со стороны все это кажется гламурным. А вот когда сам начинаешь вариться в этом котле... Ну да! Скоростные авто, перелеты только первым классом, лучшие отели, вино, еда... Однако ко всему этому очень скоро привыкаешь и перестаешь замечать. А вот здесь, среди этого великолепия, – Зед махнул рукой на горы, виднеющиеся за окном, – невольно начинаешь воспринимать мир в его перспективе, так сказать. Разве не так?

– Да, природа заставляет на многое взглянуть другими глазами, это правда. Впрочем, когда живешь здесь постоянно, то каждый день тебе открываются новые перспективы, – улыбнулась я в ответ. – Наверное, поэтому я стараюсь жить днем сегодняшним, принимать его таким, какой он есть. Одним словом, ловлю мгновение и наслаждаюсь им.

– Разумно, – негромко пробормотал Зед. – Однажды мой наставник-психолог дал мне прочитать одну книжечку как раз по этой теме. Впрочем, умение осознанно относиться к своей жизни – это не про меня. Да и как может быть иначе, если я все время в пути? Сегодня

сажусь на самолет в одном конце земного шара, а завтра прибываю в страну, расположенную на противоположном конце... Но, быть может, мне нужна подготовка для того, чтобы ко мне пришла эта самая осознанность. Может, действительно стоит заглянуть в будущее, а не плыть по течению.

– Но вы ведь сами выбрали такой образ жизни. Разве не так?

– Да, так. – Зед вдруг взглянул на меня каким-то просветленным взглядом, будто только что я дала ему разгадку к тому, что составляет смысл жизни. – Я хочу сказать... У меня ведь полно денег. В любой момент я могу продать свой бизнес. Взять и... остановиться.

– Можете, если захотите. – Я глянула на часы. – Простите, но мне пора уходить. У меня еще полно работы.

– Даже так? Вы едва прикоснулись к вину.

– Не хочу уснуть за рулем. Надеюсь, сегодняшняя наша поездка не слишком разочаровала вас.

– О нет! Напротив! Поездка получилась очень... увлекательной. – Зед снова вперил в меня взгляд, наблюдая за тем, как я поднимаюсь со своего места, а потом направляюсь к дверям.

– Тигги.

– Слушаю вас.

– Завтра я уезжаю. Но можно я скажу вам, что очень рад нашему знакомству?

– Я тоже. Тогда счастливого вам пути.

– До свидания.

* * *

– Ты была занята, крошка Хотчивитчи. Я чувствую запах мужчины, – обронил Чилли, пока я накладывала ему еду в миску. Я наведалься к нему чуть позже, уже после обеда.

– Вот, пожалуйста! Приступайте! – сказала я, ставя перед ним на небольшой столик миску с едой и намеренно пропуская мимо ушей его реплику.

– Берегись. Он совсем не такой, каким кажется. – Чилли немного помолчал. Затем, склонив голову набок, принялся пристально изучать меня. – А может, именно такой! – издал он короткий смешок. – Ты чувствуешь запах опасности, Хотчивитчи, а? Должна чувствовать.

– Неужели? В данную минуту я вообще не чувствую никаких запахов. К тому же я его едва знаю, – отмахнулась я. Я уже успела привыкнуть к манере общения Чилли и к его немного экзальтированным комментариям. Как всегда, стущает краски. Но меня все же заинтриговало то, что он мгновенно вычислил присутствие постороннего мужчины рядом со мной. А еще и довольно точно уловил мое состояние. Потому что, по правде говоря, я действительно испытывала некоторый душевный дискомфорт, находясь в обществе Зеда.

– А теперь садись рядом и расскажи-ка мне, что твой отец поведал тебе о твоей родине, – сказал Чилли, когда я поставила перед ним чашку крепчайшего кофе, как он обычно любит.

– Он сообщил мне, что я должна поехать в город, который называется Гранада, а там, напротив Альгамбры расположен жилой район Сакромонте. Я должна постучать в дверь дома, выкрашенную в синий цвет, и спросить там женщину по имени Ангелина.

В первый момент я подумала, что Чилли хватил удар. Он вдруг согнулся вдвое и издал какой-то странный утробный звук. Но вот он поднял голову. По его лицу было трудно сказать, то ли он смеется, то ли плачет, но, как бы то ни было, а слезы градом катились по его щекам.

– Что? Что случилось? – испуганно спросила я.

Он пробормотал себе под нос нечто нечленораздельное на испанском, потом энергично вытер кулаками потоки слез с лица.

– Все же это случилось! Ветер прибил тебя наконец ко мне. После стольких лет ожидания ты все же пришла ко мне, как мне о том и говорили.

– Что говорили? – слегка нахмурилась я.

– Что ты придешь сюда, а я отправлю тебя домой. Да, это правда! Ты, моя маленькая Хотчивитчи, родилась в пещере в Сакромонте, и я это знал. Я всегда это знал! – яростно повторил он. – Семь пещер Сакромонте... О, Сакромонте...

Он снова и снова повторял это слово, слегка раскачивая из стороны в сторону свое хлипкое тело и скрестив руки на груди. Странная дрожь пронзила меня, ибо я вдруг вспомнила то видение или сон, который пригрезился мне наяву: меня поднимают высоко вверх, к самой крыше пещеры...

– Это... твой дом, – прошептал Чилли едва слышно. – Зачем бояться? Родная кровь всегда узнает свою кровиночку. Вот и тебя послали ко мне, а я помогу тебе, Хотчивитчи. Обязательно помогу!

– Это место... Сакромонте... Что в нем такого особенного?

– Особенное в нем то, что это – *наше место*. Место, которое принадлежит нам. А еще вот из-за этого. – Он ткнул пальцем в свою железную кровать.

Я глянула на кровать, но ничего там такого не увидела. Разве что разноцветное вязаное одеяло.

– Вот, девочка моя. – Чилли перенаправил свой палец несколько в сторону, и я увидела, что он показывает на гитару, которая стояла прислоненной к стене. – Подай мне ее сюда, – приказал он. – Я покажу тебе кое-что.

Я поднялась со своего места, взяла инструмент и положила его на вытянутые руки Чилли. Он ласково погладил корпус гитары, как мать ласкает свое дитя. Судя по всему, гитара была очень старой, и пропорции у нее были несколько иные, чем у тех современных гитар, которые мне доводилось видеть. Отполированное до блеска дерево, поверхность вокруг резонаторного отверстия отделана переливающимся на свету перламутром.

Чилли сжал своими скрюченными пальцами гитарный гриф и прижал инструмент к груди. Потом прошелся по струнам: глухой, расстроенный звук наполнил задымленную комнату. Чилли снова тронул струны, пробуя каждую по очереди: одной рукой извлекал звук, другой пытался регулировать натяжение струн.

– *¡Abora!* – воскликнул он, снова касаясь струн. Потом стал притаптывать по полу ногой, обутой в сапог, задавая ритм мелодии. Пальцы его уверенно заскользили по струнам, а нога все ускоряла и ускоряла ритм. Его пальцы – куда подевалась их скрученность? – будто задорная веселая мелодия, заполнившая все крохотное помещение хижины, заставило на время отступить артрит прочь, – проворно порхали, извлекая из гитары пульсирующие каденции, одна ярче другой. Нет, этот звук нельзя спутать ни с каким другим звуком на свете.

Фламенко.

А потом Чилли запел. Поначалу голос его сорвался, такой же хриплый и дребезжащий, как и струны расстроенной гитары, которыми он так умело манипулировал. Но постепенно хрипотца, знак многих прожитых лет и верный признак заядлого курильщика, куда-то исчезла, зазвучал глубокий и проникновенный голос.

Я закрыла глаза, ноги мои сами собой тоже стали отбивать ритм, вся хижина словно вибрировала и колыхалась в этом море пульсирующих звуков. Самое удивительное, что я чувствовала ритмику мелодии так, как чувствую саму себя. От этих непрерывно нарастающих звуков хотелось сорваться с места и тут же пуститься в пляс...

Руки мои сами собой вскинулись высоко над головой, я вскочила с места, и мое тело, как и моя душа, так естественно задвигались в такт той дивной музыке, которую наигрывал Чилли. Я *танцевала*... Я танцевала, хотя никогда в своей жизни не танцевала фламенко. Однако, словно по волшебству, мои руки и ноги точно знали, что и как им делать...

Прозвучал последний аккорд. Чилли воскликнул: «*Ole!*», а потом наступила тишина.

Я открыла глаза, у меня перехватило дыхание от переизбытка эмоций. Я увидела, как Чилли, тяжело дыша, почти что завис над гитарой.

– Чилли, с вами все в порядке?

Я подошла к нему и, схватив за запястье, стала считать пульс. Пульс был высоким, но ровным.

– Воды хотите?

Наконец Чилли слегка приподнял голову и глянул на меня своими сверкающими глазами.

– Не надо воды. Принеси-ка ты мне лучше немного виски, Хотчивитчи, – хитровато улыбнулся он в ответ.

9

Я проснулась на следующее утро и сразу же стала вспоминать все невероятные события минувшего дня. Каждый мой визит к Чилли оборачивался каким-то волшебством, всякий раз обогащая меня новым опытом и знаниями. Что же до Зеда, то должна признаться, что еще никогда ранее ни один мужчина не одаривал меня таким количеством комплиментов и не уделял мне столько своего внимания. А потому, вполне естественно, я и понятия не имела, как именно мне реагировать на все эти знаки внимания. Да, слов нет, Зед – очень привлекательный мужчина, но что-то в нем... что-то есть в нем такое, что настораживает. Та странная... фамилльярность, с которой он общался со мной. Такое впечатление, будто он меня знает давно. Но как? Откуда?

– Да, будто он меня знает, – едва слышно прошептала я вслух. Моя главная беда состоит в том, что я вообще достаточно наивна в общении с мужчинами. Да, у меня было несколько увлечений, и всякий раз я доверялась своему возлюбленному целиком, слепо веря каждому его слову. Естественно, всякий раз обжигалась, а потому в один прекрасный день дала себе зарок, что впредь буду более осмотрительной и не стану вверять себя безоглядно первому же встречному соискателю моей руки и сердца. Нет, вначале надо все как следует разузнать про него, а уже потом позволять ему держаться со мной за ручки. Многие парни считали меня фригидной только потому, что я не готова была запрыгнуть вместе с ними в кровать через пару секунд после знакомства. Но меня мало волновали их оценки. Уж лучше буду «фригидной», чем проснусь на следующее утро после такого скоропалительного секса с чувством гадливости и отвращения к самой себе. Не из тех я, кто настроен на романтические отношения длиной в одну ночь. Спасибо, не надо! Мне подавай «вечную любовь», любовь, так сказать, до гробовой доски. Вот такая у меня натура, и ничего с этим не поделаешь.

Я отправилась кормить кошек, наслаждаясь солнышком, которое приятно грело лицо. Потом полюбовалась своими питомцами. Трое кошек соизволили выйти в открытый вольер и тоже нежились на солнышке. Я немного поболтала с ними, пока раскладывала им корм, а потом побрела вверх по склону в сторону Киннаирд-лодж. Зашла с черного хода и пошла напрямик на кухню.

– Берил! – громко окликнула я экономку, идя по коридору.

Вошла на кухню, но там было пусто. Берил не хлопотала на своем привычном месте у плиты. Однако, судя по грязным сковородкам в раковине и запаху жареного бекона, завтрак уже был приготовлен и подан гостям. Я подошла к холодильнику, чтобы достать из него еду, предназначенную для Чилли. Отнесу ему к обеду. Затем я снова вышла в коридор. Наверняка Берил где-то наверху, меняет постельное белье после отъезда постояльцев. Я решила заглянуть сюда снова во второй половине дня, чтобы попросить у Берил разрешения подключиться к Интернету. Нужно же мне взглянуть на эти семь пещер Сакромонте, что расположены в Гранаде.

– Тигги! – услышала я у себя за спиной голос экономки, когда уже собиралась выйти на улицу.

– Доброе утро, Берил. – Я повернулась на ее голос и приветливо улыбнулась. – Думаю, мы рады, что все гости наконец разъехались и в доме снова воцарились мир и покой?

– Еще вчера вечером я очень сильно на это надеялась, но сегодня утром получила по электронной почте письмо от лэрда, в котором он сообщил мне, что Зед внезапно передумал и решил задержаться у нас еще на какое-то время. Остальные гости уже покинули Киннаирд-лодж, а он оккупировал мой офис. Короче говоря, отныне весь этот огромный дом будет обслуживать одного клиента!

– Зед решил остаться? – тупо переспросила я.

– Да. Судя по всему, решил устроить себе такой незапланированный отпуск. Немного отдохнуть от суеты, как написал мне лэрд.

– О боже! – прошептала я растерянно, обращаясь скорее к самой себе, чем к Берил. – Хорошо! Тогда я пойду. Загляну к вам в другой раз, чтобы тоже попросить доступ к Интернету.

– Кстати, – крикнула мне вдогонку Берил, когда я направилась к входной двери. – Сегодня утром он сказал мне, что это именно вы сподвигли его на решение погостить у нас подольше. Дескать, что-то вчера вы ему сказали такое...

– Неужели? Ума не приложу, что же такого я могла ему сказать. Ладно, Берил, я отправляюсь к Чилли. Всего вам доброго.

В машине я всю дорогу до хижины старика размышляла, как мне отнестись к тому, что Зед не уехал, а остался. В животе стало пусто: верный признак того, что новость меня взволновала.

– Я переживала за вас после вчерашнего, – обратилась я к Чилли. – Вот заехала взглянуть, как вы тут.

– Волноваться за меня не стоит, девочка моя. К тому же вчерашний день стал одним из лучших в моей жизни за все последние годы.

– Чилли, эти пещеры Сакромонте... Вы тоже появились на свет там?

– Нет, я каталонец. Родился на морском побережье в Барселоне, под повозкой.

– Так откуда же вы узнали про Сакромонте?

– Там родилась моя прапрабабушка. Она была очень сильной *bruja*... Оттуда родом многие мои тети, дяди, двоюродные братья и сестры.

– А что это такое – *bruja*?

– Мудрая женщина, прорицательница, вещунья, гадалка. Микаэла родила твою бабушку. И она же сказала мне, что ты вернешься к нам. И что именно я отправлю тебя домой. Я тогда был еще совсем пацаненком. Но уже играл на гитаре для твоей бабушки. Она была очень знаменита.

– А чем она занималась?

– Танцевала, конечно! Фламенко! – Чилли хлопнул в ладоши и принялся отбивать ритм. – Этот танец у нас в крови. – Он взял в руки свою трубку и раскурил ее. – Мы приехали в Сакромонте, чтобы принять участие в большом фестивале, который проводился в Альгамбре. Она тоже еще была ребенком, как я. – Чилли удовлетворенно хмыкнул. – А я-то думал, что после восьмидесяти пяти лет ожидания Микаэла ошиблась насчет того, что ты вернешься к нам. Думал, уже не вернешься. Но вот ты здесь. Ты вернулась.

– Но как вы узнали, что я – это я?

– Даже если бы твой отец не оставил тебе прощального письма, я все равно узнал бы тебя.

– Как?

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Чилли и снова хлопнул в ладоши, потом что есть силы ударил по подлокотнику кресла. В эту минуту он был очень похож на карлика Румпельштильцхен из сказки братьев Гримм. А если бы он поднялся с кресла и выпрямился во весь рост, то

наверняка тоже пустился бы в диковинные пляски вокруг горшка с едой, стоящего на очаге, сопровождая их такими же чудаковатыми песнопениями.

– И все же, как?

– Да у тебя же ее глаза, ее грация, хотя ты, конечно, очень красива! Она была уродина уродиной, но, когда начинала танцевать, преображалась и тоже становилась прекрасной. – Он ткнул пальцем в сторону старой железной кровати. – Посмотри там, под матрасом. Достань оттуда железную банку, и я покажу тебе твою бабушку.

Я молча повиновалась. С ума сойти, размышляла я про себя. Более нелепой ситуации и не придумаешь. На затерянных просторах зимней Шотландии я наедине с каким-то полубезумным старым цыганом, который на полном серьезе утверждает, что ему было сказано о том, что я появлюсь здесь. Я присела на корточки и извлекла из-под матраса проржавевшую железную банку от песочного печенья.

– Сейчас я покажу тебе.

Я положила банку ему на колени, и он попытался открыть ее своими скрученными пальцами. Наконец, с большим трудом, открыл. Из банки высыпался ворох черно-белых фотографий, часть из них упала на пол. Я быстро собрала их с пола и вручила Чилли.

– Вот это я. Выступаю в районе Эшампле, что в Барселоне... А я был красавчиком, *si*?

Я принялась внимательно разглядывать черно-белую фотографию, запечатлевшую Чилли, наверное, лет семьдесят тому назад: темноволосый, гибкое стройное тело под традиционной цыганской рубашкой с гофрированными кружевными манжетами. Крепко прижимает свою гитару к груди. Глаза обращены на женщину, стоящую перед ним. Она замерла в типичной позе для фламенко, высоко вскинув руки над головой, облачена в наряд танцовщиц фламенко, огромный цветок в блестящих, как воронье крыло, волосах.

– Боже мой, какая красавица! Так это и есть моя бабушка?

– Нет, это моя жена Розальба. Да, она была *my linda*... Настоящая красавица! Мы поженились в двадцать один год... Она действительно была для меня второй половиной. – Чилли выразительно постучал себе в грудь.

– А где она сейчас?

Лицо его потемнело, он опустил глаза в пол.

– Ушла. Потерялась во время Гражданской войны. Плохие тогда были времена, Хотчивитчи. В души и в головы наших соотечественников словно сам дьявол вселился.

– Чилли, мне очень жаль.

– Это жизнь, девочка моя, – прошептал он и осторожно погладил указательным пальцем лицо своей бедняжки жены на фотографии. – Но она все равно со мной разговаривает, даже сейчас, просто голос у нее слабый, едва слышен, ведь она же так далеко отсюда.

– Именно поэтому вы и решили покинуть Испанию? То есть, я хочу сказать, после того, как потеряли свою семью?

– *Si*. У меня же ничего не осталось на родине. Вот я и надумал переехать в другое место, оставить свое прошлое позади.

– И наконец осели здесь?

– Да, но после многих и долгих странствий по всей Англии. А сейчас... – Чилли принялся сосредоточенно рыться в стопке фотографий. Те, что ему были не нужны, тут же летели прямо на пол. Я снова принялась собирать их. По большей части, на них были запечатлены гитаристы и танцовщицы, выступавшие на публике в различных барах и клубах. И на всех без исключения лицах артистов читалось вдохновение, граничащее с экстазом: камера навеки зафиксировала это состояние артистического подъема и воодушевления.

– *¡Aqui!* Да вот же она!

Чили поманил меня пальцем к себе. Я подошла и глянула на еще одну фотографию исполнительницы фламенко. Довольно тщедушная, но руки вскинуты высоко над головой. Правда,

вместо традиционного цветастого платья танцовщица была в плотно облегающих брючках и коротенькой жилетке. Бледнолицая, темноволосая. Волосы смазаны для пущего блеска каким-то маслом, по центру лба – один непослушный завиток.

– Кандела. Свеча, пламя которой горит в сердцах наших людей. Взгляни, Хотчивитчи! Видишь эти глаза? Это же точь-в-точь твои глаза.

Я вперила взгляд в глаза хрупкой женщины, но на черно-белой фотографии мало что можно было разглядеть. Наверно, эти крохотные точки на роговице глаз голубые или зеленые.

– Да, это она! Амайя Альбейсин, твоя *abuela*, Кандела. Бабушка... Самая известная танцовщица своего времени! Она родилась в Сакромонте, и роды приняла Микаэла...

И снова мое сознание выхватило откуда-то из глубин памяти колеблющееся пламя свечи, отбрасывающее густые тени на выкрашенный белой краской овальный потолок, и кто-то поднимает меня вверх, к самому потолку...

– Итак, Хотчивитчи! Сейчас я расскажу тебе историю твоей семьи. Мы начнем с 1912 года, когда появилась на свет твоя бабушка Лусия...

Мария

Сакромонте, Гранада, Испания

Май 1912 года

*Испанские кастаньеты
(castanuelas)*

Музыкальный инструмент типа перкуссии, который используется во время исполнения в традиции фламенко таких цыганских танцев, как замбра, сигирия или севильяна.

10

Воздух был неподвижен. Вокруг царил тишина, даже птицы умолкли в оливковых рощах, которыми заросли склоны гор, испещренные множеством тропинок, извивающихся между пещерами Сакромонте. Стоны Марии эхом отдавались от стен пещеры. На фоне столь непривычно глубокой тишины ее громкие утробные крики звучали особенно дико и будоражили воображение.

– А где все? – спросила она у Микаэлы.

– На свадьбе Пако и Фелиции. Или ты забыла? – ответила ей Микаэла. Длинные черные волосы ворожеи были аккуратно собраны в тяжелый узел на затылке. Более чем простая прическа Микаэлы контрастировала с ее подчеркнуто нарядным платьем, пышно отороченным кружевами.

– Ах да! Конечно... – едва слышно пробормотала Мария, а Микаэла в это время положила ей на лоб, обильно покрытый каплями пота, тряпицу, смоченную в холодной воде.

– Уже недолго осталось ждать, *querida*, но ты тужься, милая, тужься. Ребеночку надо помочь.

– Не могу, – простонала в ответ Мария, и тело ее снова содрогнулось от боли. Началась очередная схватка. – У меня больше нет сил.

– Прислушайся, Мария! – воскликнула Микаэла, наострив одно ухо. – Слышишь? Они уже начинают танцевать *альбореа*. А ты вслушивайся в ритм и *тужься*!

Мария расслышала мерный медленный звук: чьи-то руки отбивали четкий ритм на барабане *кайон*. О, как же хорошо были ей знакомы эти звуки. Скоро, совсем скоро они взорвутся веселой, жизнерадостной мелодией. Вот к барабану присоединились гитары, и земля завибрировала под ногами сотен танцоров, вступивших в круг.

– *¡Dios Mio!* – простонала роженица. – Этот ребенок убьет меня.

Она продолжила стенать, а дитя между тем продвигалось все дальше и дальше по ее телу.

– Младенец рвется на свет. Тоже хочет поучаствовать в танцах. Будет, как и его мама. Прислушайся! Ведь сейчас они поют для вас обоих. Это же *альба*, рассвет, начало новой жизни.

Через пару минут раздалось ликующие звуки гитары, и голоса певцов достигли своего апогея, слившись воедино, и в это самое мгновение дитя пришло в этот мир.

– Девочка! – воскликнула Микаэла, перерезая пуповину ножом, потом быстро разобралась с последом. – Такая крохотная, но, по-моему, здоровенькая. – Она ловко перевернула младенца на спинку и слегка хлопнула по попе. Ребенок негромко откашлялся, а потом раскрыл ротик и зашелся плачем.

– Ну вот! – проговорила Микаэла и стала пеленать новорожденную, проворно поворачивая ее тельце, словно это обычный кусок мяса. – Сейчас она твоя. Да благослови ее Дева Мария здоровьем и счастьем.

– Аминь, – откликнулась Мария, глядя на крохотное личико дочери: огромные глаза, нос луковкой, пухлые губки, кажущиеся слишком большими для ее ротика. Маленькие ручонки сжаты в два кулачка, которыми она энергично рассекает воздух, явно чем-то недовольная, продолжая кричать во всю мощь своих легких. Ножки тоже приподнялись над пеленкой и начали двигаться в разные стороны. Это пьянящее чувство свободы, которое ощутил младенец, вырвавшись наконец из материнской утробы.

– Горячая девчушка. Уже почувствовала свою силу, *duende*, бесенок маленький. Я буквально ощущаю эту силу. – Микаэла кивком головы подтвердила свои слова, потом передала несколько тряпок Марии, чтобы та остановила у себя кровотечение, после чего ополоснула руки в тазу с водой, тоже уже красной от крови. – Пока оставляю вас наедине. Начинайте потихоньку привыкать друг к другу. Я скажу Хозе, что у него родилась дочь. Думаю, он вскоре примчится сюда, чтобы взглянуть на малышку своими глазами.

С этими словами Микаэла вышла из пещеры, а Мария, вздохнув, приложила ребенка к груди, пытаясь унять ее плач. Ворожею можно было понять. Ничего удивительного, что ей так не терпелось, чтобы роды поскорее закончились; весь поселок Сакромонте в это время веселился на свадьбе. Ведь этого торжества все ждали целый месяц: невеста – внучка самого Хорроджумо, покойного цыганского короля. Столы будут ломиться от изобилия, вино литься рекой, да и все остальное тоже, как и положено на всяческих торжествах в честь королевских особ. Мария хорошо знала: не ринется ее муж с такого праздника, чтобы поскорее взглянуть на жену и свою новорожденную дочь. Уж скорее он прокатится голышом на своем муле по улицам Гранады.

– Вот мы и остались с тобою вдвоем, – прошептала она девочке, которая наконец начала сосать грудь и перестала плакать. В пещере снова установилась тишина. – Ты, к несчастью, родилась девочкой. Нелегкий жребий, милая.

Спотыкаясь, Мария поднялась с кровати, прижимая к себе дочь, ей отчаянно хотелось пить. Микаэла ушла второпях, даже забыла наполнить кружку роженицы водой. Мария медленно двинулась из спальни в сторону кухни, расположенной на выходе из пещеры. Голова у нее кружилась и от жажды, и от перенесенных страданий. Мария схватила кувшин с водой, поднесла его к губам, жадно выпила. Выглянув в оконце, высеченное прямо в скале, она уви-

дела чистое ночное небо, сплошь усыпанное мерцающими звездами, которые веером рассыпались вокруг совершенного по своей форме полумесяца.

– Свет, – едва слышно прошептала Мария. И поцеловала свою доченьку в макушку, покрытую нежным пушком. – Решено! Я назову тебя Лусия, моя маленькая.

Кое-как доплелась обратно до кровати, прижимая одной рукой ребенка, а в другой неся кружку с водой, опустилась без сил на постель и сразу же забылась тяжелым сном изнуренного человека под убаюкивающие звуки фламенко, доносившиеся издалека.

* * *

1922 год, десять лет спустя

– Где ты шлялась, негодница? – сердито спросила у дочери Мария, подбоченясь и стоя у входа в пещеру Альбейсин. – Алисия сказала своей маме, что сегодня тебя в школе не было.

– Змеюка эта Алисия! – Лусия зло блеснула в ответ глазами. – Вечно лезет не в свои дела.

Мария увидела, что дочь уже успела симитировать ее позу и теперь стоит перед ней, тоже упревая руки в свои худющие бедра.

– И перестань огрызаться, *птичка моя!* – прикрикнула на девочку мать. – Я прекрасно знаю, где ты была, Томас видел тебя у фонтана. Опять там танцевала за милостыню.

– Ну, что тут такого? Нужно же кому-то в этом доме зарабатывать деньги. Разве не так? – Лусия вложила несколько песет в руку матери, после чего, тряхнув своими длинными черными кудрями, с гордым видом прошествовала мимо Марии вглубь пещеры.

Мария молча глянула на монетки, которые дала ей дочь; вполне хватит для того, чтобы сходить на рынок и купить там немного овощей и даже пару кровяных колбасок на ужин Хозе. Но все равно нельзя допустить, чтобы девочка совсем отбилась от рук. А ее десятилетняя дочь уже привыкла жить по своим законам. На вид Лусии можно было дать лет шесть, не больше, такая она маленькая и хрупкая. Однако за внешней субтильностью ребенка скрывается бешеный темперамент, который, по словам ее отца, лишь добавит со временем страсти в ее манеру исполнения фламенко. По его словам, у дочери необыкновенные способности танцовщицы.

– Чему же тут удивляться? Ведь она же появилась на свет под звуки альбореа! – не раз восклицал Хозе. – В ней живет дух *дуэнде*, – сказал он вечером того же дня, усаживая дочь на спину мула, чтобы отвезти ее в город. Там, на центральной площади Гранады Лусия станет танцевать фламенко под аккомпанемент его гитары. Хозе прекрасно знал: те деньги, которые он получит, пока хрупкая фигурка его дочери будет выделять всяческие вращательные па и притопы, втрое перекроют его заработки, те чаевые, которые оставляют ему пьяные завсегдатаи окрестных баров.

– И не держи ее там допоздна! – крикнула Мария мужу, когда мул, цокая копытами, поплелся вниз по извивающейся тропинке.

Затем она пошлепала по двору, переступая ногами по пыльной твердой земле, снова устроилась у входа в пещеру и принялась дальше плести корзину из травы эспарто, которая уже успела как следует высохнуть после уборки урожая. На какое-то мгновение Мария прислонила голову к стене, наслаждаясь благодатным теплом нежаркого солнца, лучи которого падали ей прямо на лицо. Потом она открыла глаза и глянула вниз, в долину, по которой струится река Дарро. По весне в половодье река вздувается и раздается вширь от многочисленных притоков и ручьев, льющихся с гор Сьерра-Невада. Солнце уже клонилось к закату, подсвечивая своими ярко-оранжевыми лучами старинную крепость Альгамбру, которая взметнулась ввысь на противоположной стороне ущелья, ее древние башни устремились к небу на фоне темно-зеленой листвы окружающих рощ.

– Пусть мы и влачим такую же жалкую жизнь, как наши мулы, но зато нам дано видеть всю эту красоту, – пробормотала про себя Мария. Она снова погрузилась в плетение. Работа успокаивала, Мария почти физически чувствовала, как спадает с нее напряжение от постоянно терзающих мыслей о том, что Хозе использует их дочь, чтобы заработать на пропитание для всей семьи. Ее муж слишком ленив, чтобы найти себе нормальную работу. Он предпочитает полагаться в этой жизни лишь на свою драгоценную гитару и на талант дочери. Изредка они с Лусией даже получают приглашение от какого-нибудь богатенького обывателя из местных испанцев выступить перед его гостями на вечеринке в одном из тех роскошных домов, которых полно в Гранаде. Подобные выступления среди великолепия и богатства лишь придают дочери излишнюю самоуверенность, порождая у нее призрачные иллюзии. Она ведь не понимает, что богатеи совсем из другого мира, в который ей никогда не попасть.

Но Лусия, кажется, думает иначе. Во всяком случае, она отчаянно сражается за свое место под солнцем. Мария не помнит такого мгновенья, когда бы ее дочь не отбивала ритм своими ножками. Даже ребенком, сидя на высоком стульчике, на котором ее кормили, она отбивала ритм железной ложкой, а ноги в это время сами собой продолжали двигаться в такт. Девочка не знала ни минуты покоя. Мария вдруг вспомнила, как однажды ее девятимесячная дочь сама встала на ноги, ухватившись за ножку стола, и самостоятельно сделала несколько первых шажков в своей жизни, упрямо отказавшись от всякой посторонней помощи. Со стороны могло показаться, что это хрупкая фарфоровая кукла встала на свои ноги и пошла гулять. Обитатели Сакромонте в страхе шептались за спиной Марии, встречая ее на прогулках с дочерью.

– Дитя дьявола, – однажды услышала Мария слова, которые обронила одна из соседок в разговоре со своим мужем. Да и то правда! Ребенком Лусия была неистова: от ее постоянных криков и воплей звенело в ушах. А потому Мария в глубине души была вполне согласна с соседкой. В поисках того, как обрести в доме вожденную тишину и покой, Мария неожиданно для самой себя сделала одно удивительное открытие: девочка мгновенно успокаивалась, едва заслышав звуки отцовской гитары. При этом сразу же начинала отбивать такт своими ручками и одновременно притоптывать ножками. А однажды, когда Мария отработывала на кухне какие-то па из алегрриа фламенко, готовясь к очередной фиесте, она вдруг увидела свою двухлетнюю дочурку, которая старательно повторяла каждое ее движение своим крохотным тельцем. Так же гордо вскинут подбородок, и ручки грациозно взметнулись над головой, и ножки притоптывали яростно и громко, но главное – Лусия каким-то чудодейственным образом сумела схватить самую суть танца.

– Боже мой! – прошептал Хозе, ошарашенно взглянув на жену. – Ты, наверное, хочешь научиться танцевать фламенко так же хорошо, как твоя мама, ласточка моя? – спросил он у дочери.

Лусия глянула на отца немигающим, напряженным взглядом.

– *Si*, папа. Я танцую!

С тех пор минуло восемь лет. И сегодня уже ни у кого не оставалось сомнений: дочь с ее поразительным талантом намного превзошла свою мать, которая по праву считалась одной из лучших исполнительниц фламенко в Сакромонте. За одну минуту ножки Лусии отбивали столько тактов, что Мария всегда сбивалась со счета, не успевая за четкой дочери, хотя та и просила ее подсчитать количество тактов. Ее *braceo* – особое положение рук во время танца – было практически безукоризненно. Но главное – в ее глазах постоянно полыхал огонь, будто в душе в этот момент тоже бушевало пламя, и этот свет, струящийся из глаз юной танцовщицы, поднимал само ее исполнение фламенко на новый, более высокий уровень.

Вечерами, когда белые столпы дыма поднимались над трубами домашних очагов, горы и пещеры Сакромонте оживали: призывные звуки гитар, глубокие, хватающие за сердце голоса *cantaors* – певцов-мужчин, стук кастаньет, топот ног танцоров. И не важно, что цыгане, засе-

лявшие пещеры Сакромонте, были бедны и вечно голодны, но все они знали, что дух фламенко способен поднять и их собственный дух.

А уж Лусия, можно сказать, олицетворяла собой этот дух фламенко, как, пожалуй, никто иной. Когда она танцевала вместе с остальными односельчанами на фиестах, которые, как правило, устраивались в одной из больших пещер, принадлежащих всей коммуне, другие танцоры замирали на месте в немом восхищении. Что за чертенок сидит в этой девочке? Ибо как иначе объяснить ту силу, которую источал ее танец? Она словно изливала всю свою душу, танцуя перед собравшимися и тем самым гипнотизируя своих зрителей, потому что ее танец вмещал в себя все человеческие эмоции.

– Нет, она еще слишком мала, чтобы понимать, что у нее талант, – обронил как-то вечером Хозе, после того, как Лусия закончила танцевать перед толпой цыган, собравшихся у входа в их пещеру, буквально замороженных движениями ее легких ножек и искрами, сыплющимися из глаз этой еще совсем маленькой девочки. Но ребенок, судя по всему, прекрасно понимал, что у нее талант. – Наверное, именно поэтому ее исполнение отличается своей особой неповторимостью. Ведь она ни на кого не похожа, – заключил отец.

* * *

– Мама, давай я помогу тебе плести корзины, – предложила Лусия матери несколько дней спустя.

– Ну, если у тебя есть свободная минутка, то пожалуйста, – улыбнулась в ответ Мария. – Ты же у нас вечно занята. – Она похлопала рукой по ступеньке, предлагая дочери устроиться рядом, а потом вручила ей охапку эспарто. Какое-то время они работали молча. Пальцы Марии уже онемели от напряжения, и она перебирала ими не так быстро, как хотелось бы. Усталость давала о себе знать: она поднялась ровно в пять утра, покормила мула, цыплят, коз, которых держала в соседней пещере, использовавшейся как хлев для домашних животных. А потом развела огонь в очаге и поставила горшок с маисовой кашей – надо же успеть приготовить хоть и скудный, но завтрак и накормить им мужа и четверых детей. А еще страшно болит вся спина после того, как натаскаешь воды из больших цистерн, что установлены у подножья горы Сакромонте. Попробуй, поноси ведра с водой в гору, поднимаясь по крутым, вымощенным булыжником, деревенским улочкам.

И вот редкая минута покоя и тишины. Рядом с ней сидит и старательно трудится дочь. Как же часто, размышляет про себя Мария, она, разглядывая величественные постройки Альгамбры, лишний раз свидетельствующие о том, как никчемна и безрадостна ее собственная жизнь, сплошная борьба за существование изо дня в день, невольно начинает злиться, созерцая всю эту красоту. Утешает лишь одно: она живет среди своих соплеменников, окруженная заботой и вниманием со стороны остальных членов их небольшой горной общины. Их называют *gitanos*, испанские цыгане, предки которых были в свое время вытеснены за пределы городских стен Гранады и вынуждены были строить себе жилища, вырывая пещеры в монолитных скалах. Они принадлежат к беднейшим слоям местного населения, самая низшая каста, на представителей которых чистокровные испанцы смотрят с недоверием и даже откровенным презрением. Цыган здесь терпят лишь за их танцы, за их мастерство в кузнечном деле и за их ворожей, таких, как Микаэла, которая не только предсказательница, но еще и отличная знахарка. Недаром богатеи из Гранады часто обращаются к ней за помощью втайне от остальных, когда врачи уже бессильны помочь.

– Мама.

– Слушаю тебя, Лусия, – оторвалась от своих мыслей Мария и, взглянув на дочь, увидела, что та тычет пальцем в сторону Альгамбры.

– Когда-нибудь, в один прекрасный день, я буду танцевать там, и на меня будут смотреть тысячи зрителей.

Мария вздохнула. Выскажи вслух кто-нибудь из ее остальных детей подобную крамольную мысль, тотчас получил бы от нее хороший подзатыльник. Но с Лусией все иначе. Мария медленно кивнула головой.

– Так оно и будет, *голубка моя*, не сомневаюсь в этом ни минуты.

* * *

Поздно вечером того же дня, когда Лусия уже наконец улеглась на свой соломенный тюфяк, примостившийся рядом с кроватью родителей в небольшой нише, выдолбленной прямо за кухней и служившей им спальней, Мария сидела с мужем на улице. Они вели неспешный разговор.

– Меня беспокоит наша Лусия. У девчонки голова забита всякими бредовыми мечтами. Насмотрелась на богатство в тех испанских домах, куда ты ее берешь для выступлений, и вообразила себе бог знает что, – негромко обронила Мария.

– А что плохого в том, что девочка мечтает, *mi amor*? – возразил Хозе, загасив окуроч своей манильской сигары каблуком сапога. – Мы все здесь влачим такое жалкое существование. Пожалуй, мечта – это единственное, что позволяет выжить.

– Хозе, меня волнует другое. Она не понимает, кто она и откуда вышла, и что все это значит. А ты стал приобщать ее совсем еще маленькой девочкой к другой жизни, по ту сторону городских стен. – Мария жестом указала на крепостные стены, опоясавшие Гранаду, которые тянулись от самого подножья гор всего лишь в полумиле от их жилища. – И эти знания кружат ей голову, ибо она увидела жизнь, которой у нее самой никогда не будет.

– Почему ты так уверена? – Глаза мужа сверкнули на смуглом лице, унаследованном от предков, чистокровных *gitano*, полыхнули тем же недобрым огнем, как и у его дочери, когда она злилась. – Многие из наших прославились и стали богатыми благодаря своему таланту, Мария. Так почему такое не может произойти с Лусией? Тем более, с ее силой духа. Когда я играл на гитаре на Бульваре Рамбла в Барселоне, я познакомился с такими выдающимися танцовщиками, как Пасторо Империио и Хуана ла Макадрона. Они, между прочим, обитают в таких же шикарных особняках, как и богатые испанцы.

– Но это всего лишь двое из десятков тысяч других цыган, Хозе! Как же ты этого не понимаешь? А мы, все остальные, мы просто танцуем и поем, боремся за выживание, пытаемся заработать хоть какие-то крохи, чтобы было что положить в горшок на обед или на ужин. Боюсь, Лусию постигнет большое разочарование, когда она поймет, что ее заветным мечтам не суждено осуществиться. Между тем ребенок до сих пор не умеет ни читать, ни писать! В школу она ходить отказывается... Думаю, и ты, Хозе, в немалой степени поспособствовал этому ее нежеланию.

– А к чему ей все эти буквы и цифры, когда у нее такой талант? Послушай, жена, тебе не кажется, что ты на глазах превращаешься в сварливую старуху, давным-давно забывшую, что это такое – мечтать? Пойду-ка я поищу себе компанию повеселее... *Buenas noches*.

Мария молча наблюдала за тем, как муж поднялся со ступенек крыльца и зашагал прочь в темноте по пыльной дорожке. Она знала, сейчас потащится в один из кабаков. Их тут много разбросано в потайных пещерах. И будет там бузить с друзьями-приятелями до самого утра. Последнее время муж часто не ночевал дома. Мария даже стала подумывать о том, что он обзавелся на стороне любовницей. Правда, за последние годы он сильно сдал. Куда подевалось его прежде гибкое и упругое тело? Возраст, постоянные пьянки, убогая жизнь, которую они вели, все это не могло не сказаться на его внешности. Но при всем том Хозе был еще очень красивым мужчиной.

Мария вдруг отчетливо вспомнила, когда впервые увидела своего будущего мужа. Пожалуй, ей тогда было столько же лет, сколько сейчас Лусии. А он, рослый и сильный парнишка лет шестнадцати, стоял возле пещеры, в которой обитала его семья, и что-то наигрывал на своей гитаре. Его темные кудри отливали на солнце красновато-рыжеватым оттенком, пухлые чувственные губы растянулись в ленивой улыбке, когда Мария проходила мимо. Она влюбилась в него с первого же взгляда, хотя до нее и доходили всякие нехорошие слухи об Эль Лизо – Ловкаче, так его прозвали за виртуозную игру на гитаре. А *еще* и за его обхождение с женщинами, о чем, к несчастью, она узнала много позднее. Когда Хозе исполнилось семнадцать, он отправился в Барселону на поиски славы и денег. На тот момент у него был контракт, позволявший играть на Бульваре Рамбла. Этот район был буквально напихиван самыми известными барами, в которых выступали исполнители фламенко.

Мария была уверена, что больше она его никогда не увидит, но через пять лет Хозе вернулся домой со сломанной рукой, а также с многочисленными синяками и кровоподтеками на красивом лице. Местные кумушки судачили, что он получил это в какой-то драке из-за женщины. Другие же утверждали, что с ним попросту расторгли контракт из-за его пристрастия к спиртному, и ему пришлось зарабатывать на кусок хлеба, принимая участие в кулачных боях. Но как бы то ни было, а сердце Марии билось сильнее всякий раз, когда она проходила мимо пещеры его родителей, когда отправлялась в город, чтобы купить там немного овощей на местном рынке. А Хозе неизменно встречал ее, стоя на пороге своего дома и покуривая сигару.

– *Hola*, маленькая красotka! – приветствовал он ее, когда она проходила мимо. – Ты та самая девчонка, про которую говорят, что она лучше всех в деревне танцует алегриа? Задержись на минутку, поговорим. Составь компанию больному человеку.

Стесняясь, Мария все же подошла к нему поближе, а он стал играть для нее на гитаре, а потом уговорил отправиться вместе с ним в оливковую рощу за пещерой и там станцевать для него. Он задал хлопками ритм, а потом обнял ее за талию и привлек к себе, и их тела задвигались в унисон, подчиняясь чувственным ритмам уже собственного сердцебиения. Домой она в этот вечер вернулась поздно, переполненная самыми радужными эмоциями и впечатлениями: впервые в жизни ее поцеловали.

– Где ты была? – спросила у нее Паола, ее мать, поджидавшая дочь на улице.

– Нигде, мама! – Девушка проворно прошмыгнула мимо матери, чтобы та не успела заметить краску стыда на ее лице.

– Предупреждаю тебя, девочка моя! Я все равно узнаю правду! – Паола угрожающе помахала пальцем перед ее носом. – Нутром чую, тут замешан какой-то мужчина.

Мария отлично понимала, что Паола и Педро, ее отец, никогда не одобряют роман своей дочери с Хозе. Его семья принадлежала к числу бедняков, а Мария из рода Амайя, богатой семьи, во всяком случае, по меркам цыган. Родители уже положили глаз на сына одного из своих дальних родственников. К сожалению, сама Паола сумела произвести на свет всего лишь одну дочь. Все же остальные ее беременности, а их было семь, оказались неудачными. А потому успешный кузнечный бизнес Педро срочно нуждался в наследнике.

Все это было прекрасно известно Марии. Но несмотря на то что она была послушной и любящей дочерью, все ее благие намерения держаться от Хозе подальше разбивались вдребезги, отказываясь подчиняться чувствам; да и Хозе преследовал ее повсюду.

А она, в свою очередь, все сильнее попадала под дурман его чар, окончательно теряя голову, пока его пальцы нежно касались то гитары, то ее тела. В конце концов, Мария сдалась и даже позволила себя уговорить убежать ночью из дома и предаться с ним любовным утехам в оливковой роще у подножья горы Вальпараисо. Все летние месяцы стояла необычайная жара, такое же нестерпимое пекло, какое обычно было в кузнице ее отца, и Мария чувствовала, как полыхают, словно охваченные огнем, и ее тело, и ее разум. Все, чего она жаждала, это скорейшего наступления долгой, прохладной ночи, когда она снова окажется в объятиях Хозе.

Однако вскоре ночным свиданиям влюбленных пришел конец. Хоть юная парочка была предельно осторожна, кто-то из жителей Сакромонте все же их увидел и рассказал обо всем Педро, который пришел в невиданную ярость.

– Ты навлекла позор на всю нашу семью, Мария! – разъяренно кричал он на дочь после того, как приволок Марию и ее любовника к себе в пещеру, чтобы разобраться с негодниками накоротке.

– Прости меня, папочка, – рыдала Мария, заливаясь слезами, – но я люблю его.

Хозе тоже упал на колени перед Педро, прося у него прощения и разрешения жениться на его дочери.

– Я люблю вашу дочь, сеньор. Обещаю, что всю свою жизнь буду заботиться о ней и беречь ее. Верьте мне!

– Нет, парень! У меня нет веры твоим словам. Твоя репутация мне хорошо известна, она ведь не идет, а бежит впереди тебя. А сейчас ты погубил еще и репутацию моей дочери! Ведь ей же всего пятнадцать лет!

Мария дожидалась своей участи на улице, пока отец и Хозе обсуждали ее будущее. Но самым страшным наказанием для нее было смотреть на лицо матери, совершенно убитой свалившимся на семью несчастьем. Целомудрие цыганской девушки – это ведь святое. Девственность – это основное достояние цыганки, которое она может предложить своему будущему мужу.

Но уже спустя неделю весь поселок Сакромонте веселился на спешно устроенном вечере по случаю помолвки влюбленной парочки, а месяцем позже состоялась и большая, шумная свадьба. Традиционные свадебные торжества длятся целых три дня. В последний вечер Марию облачили в нарядное платье цвета голубой фуксии с длинным шлейфом, волосы украсили цветами алого граната, после чего усадили на мула позади молодого мужа, и все сельчане двинулись шумной процессией, сопровождая молодых до родительской пещеры, в которой они должны были провести свою первую брачную ночь.

Мария до сих пор помнит, как ее трясло от страха в ожидании обряда *Tres Rosas* – Три розы. Вот в темноте пещеры над ней зависло лицо Хозе, от него сильно несло спиртным. Он поцеловал свою молодую жену, а потом вскарабкался на нее. Мария слышала веселый, громкий смех, который доносился с улицы, а сердце колотилось в груди почти так же быстро, как руки барабанщиков, задающих ритм на барабанах кайон.

– Свершилось! – выкрикнул во все горло Хозе и скатился с нее, после чего пригласил в пещеру мать новобрачной. Мария лежала неподвижно, ожидая, когда Паола приложит белоснежный носовой платок к ее промежности, и зная, что никогда на нем не появятся три капли крови, символизирующие ее девственность.

– Замри и ни звука, дочь! – приказала ей мать хриловатым шепотом.

В мерцающем пламени свечи Мария увидела, как мама извлекла из кармана небольшой ножик и вонзила его в нежную плоть Марии на внутренней части бедра. Мария с трудом удержалась от крика, увидев, как капли крови из раны упали на платок, который держала мать.

– Ты сама постелила себе постель, голубка моя. Что ж, теперь тебе на этом ложе коротать все свои дни до самой смерти, – с яростью прошептала Паола и вышла из пещеры, держа перед собой окровавленный носовой платок.

Собравшиеся взорвались радостными криками и аплодисментами, когда Паола предъявила на всеобщее обозрение свидетельство невинности своей дочери.

– Ну, что, женушка моя? – Перед ней снова возник Хозе. – В одной руке он держал фляжку с бренди, в другой – манильскую сигару. – Выпьем за наш с тобой союз?

– Нет, Хозе. Мне не нравится этот вкус.

– Зато тебе нравится другое, да? – Он широко оскалился и, сбросив брюки, уронил их прямо на пол. Потом нырнул к ней под одеяло, связанное из разноцветных ниток. Она вязала это одеяло целый месяц.

Где-то через час Мария задремала: сказались усталость и напряжение последних нескольких дней. Сквозь сон она слышала, как Хозе поднялся с кровати и стал одеваться.

– Ты куда?

– Я кое-что забыл. Ты спи, *mi amor*, я скоро буду.

Однако когда Мария проснулась на рассвете следующего утра, мужа рядом с ней не было. Хозе так и не вернулся домой.

* * *

Мария подавила тяжелый вздох, направившись в отхожее место, общее для всех деревенских жителей; от него разило густым зловонием далеко вокруг. Если восемнадцать лет тому назад она еще по своей девичьей наивности верила в то, что Хозе любит ее так же сильно, как она его, то теперь все эти романтические иллюзии уже давным-давно развеялись. Наверное, думала она с горечью, Хозе все правильно рассчитал, понимая, что такой брак выгоден ему со всех сторон. Ее родители достаточно состоятельные люди; у них нашлись деньги, чтобы заплатить за новую пещеру для молодых, расположенную, правда, гораздо выше в горах. Собственное жилье стало свадебным подарком дочери, плюс еще дорогой набор железных кастрюль и другой кухонной утвари.

Их первое дитя, которое она родила на восьмом месяце, так приказала ей говорить всем ее мать, прожил всего лишь шесть недель. Вторая и третья беременности закончились выкидышами на втором месяце. Лишь с четвертой попытки на свет появился Эдуардо, и Мария с головой ушла в новые для себя материнские заботы. Наконец-то она может сидеть и обсуждать наравне с другими взрослыми женщинами всяческие снадобья от колик, лихорадки и диареи. Диарея, подобно чуме, свирепствовала и среди молодых, и среди старых жителей Сакромонте, особенно с наступлением дождей в зимнюю пору, когда все дорожки и тропинки вокруг превращались в сплошное грязное месиво, а выгребные ямы переполнялись водой, и зловонные потоки выливались наружу. С появлением ребенка Марию перестало волновать, что Хозе редко бывает дома. Или что в железной банке, которую они прячут в деревянном шкафчике прямо за образом Девы Марии, нет ни единой песеты. Радовало лишь то, что отец пообещал Марии взять Эдуардо, когда тот немного подрастет, к себе в кузню. Да и Паола всегда отсыпала им достаточно овощей, чтобы мать и младенец не умерли с голоду.

– Больше я ничего не могу дать тебе, – всякий раз говорила при этом Паола дочери. – Эта крыса, твой муж, он ведь тут же спустит на выпивку любые деньги, которые я дам тебе.

На обратном пути из уборной Мария даже улыбнулась, представив своего старшего сына Эдуардо. Хороший он мальчик. Вот сейчас трудится в кузнице наравне со своим дедом, а ведь ему только шестнадцать лет. А вот два других ее сына... Те, вне всякого сомнения, пошли в отца. У обоих бурлила дурная кровь, случались приступы необузданной ярости, явно унаследованной от пращуров, чистокровных цыган. Карлосу было уже почти пятнадцать. Он зарабатывал на жизнь кулачными боями. Правда, он всячески отрицал свое участие в подобных схватках. Но от зоркого материнского глаза не ускользало то, в каком виде он являлся домой рано поутру, с разбитым в кровь лицом, все тело в синяках. Филипе исполнилось тринадцать лет. Он с детства рос болезненным ребенком, поэтому ему всегда доставалось все самое вкусненькое. Но на него дурно влиял Карлос, которого он обожал. Филипе был способным гитаристом, и отец возлагал на него большие надежды, но вместо того, чтобы совершенствоваться и развивать свой талант, парень слепо следовал за Карлосом повсюду, покорный, словно ягненок, по-ребячьи желая лишь одного: всемерно угодить своему любимому братцу и выслужиться

перед ним. Мария вернулась в пещеру и мысли ее сами собой переключались на младшенькую, маленькую Лусию, с которой она, как мать, тоже связывала очень большие надежды, когда наконец забеременела ею после трех бесплодных лет.

– У тебя будет девочка, – объявила Микаэла, когда Мария пришла показаться вещунье на третьем месяце беременности. – Она будет обладать многими, очень многими талантами. И вообще будет необыкновенным ребенком!

Мария свято верила каждому слову, сказанному Микаэлой. Ведь у нее, как у истинной ворожеи, хотя невежественные испанцы называли ее просто «ведьмой», был третий глаз, и она никогда не ошибалась в своих предсказаниях. Все обитатели Сакромонте во всем полагались на Микаэлу. Она давала свое пророчество каждому, кто этого желал, хотя далеко не все были довольны теми прогнозами, которые ворожея озвучивала им на будущее.

Вот и Мария, в чем-то она ведь оказалась виновата сама, уж слишком буквально истолковала предсказание Микаэлы: «талантливая», «необыкновенная». В эти слова Мария вложила тот смысл, какой хотела сама: в ее доме появится, наконец, еще одна представительница женского пола, и она вырастет талантливой домохозяйкой и заботливой матерью, а пока станет подрастать нежная, ласковая, любящая дочь, верная помощница и надежная опора на старости лет.

– Вот в этом вся проблема с предсказателями и их предсказаниями, – пробормотала про себя Мария, раздеваясь при слабом пламени свечи, потом аккуратно сложила свое вышитое болеро, фартук, голубую юбку и нижнюю юбку, после чего натянула ночную сорочку. Беда не в том, что предсказатель в чем-то ошибается. Беда в другом: человек, кому адресовано то или иное предсказание, истолковывает его так, как ему самому хочется.

В глубине души Мария очень надеялась, что хотя бы кто-то из ее детей унаследует дар ее прапрабабушки. Та была сельской ворожеей еще до Микаэлы, то есть в их семье тоже существовал дар пророчества. Всякий раз, когда очередной малютка появлялся на свет, Мария мечтала о том, что вот сейчас придет Микаэла, осмотрит младенца и вынесет свой вердикт, скажет «да»: именно *это дитя* в один прекрасный день станет новой вещуньей или вещуном. И тогда все односельчане ринутся навещать их, зная, что новорожденный ребенок унаследовал дар пророчества, а когда вырастет, станет самой влиятельной женщиной или самым влиятельным мужчиной в их коммуне.

Мария вернулась на кухню, зачерпнула немного воды из ведра, чтобы ополоснуть лицо. Потом на цыпочках проследовала в жилую комнату; слева располагалась крохотная спальня мальчишек, отделенная от кухни обычной занавеской. Мария слегка сдвинула занавеску в сторону и, держа перед собой мерцающую свечу, разглядела очертания худенького тела Филипе под тонким одеялом. Его дыхание было тяжелым и прерывистым, сильный бронхит все еще давал о себе знать. Рядом с ним на соломенном тюфяке крепко спал Эдуардо, закинув руки за голову. Мария издала раздраженный вздох, увидев пустую кровать Карлоса. Он снова не ночует дома.

Шлепая босыми ногами по земляному полу, она проследовала далее, в самый конец пещеры, где располагалась ее собственная комнатка. Лусия мирно спала на своем тюфяке рядом с кроватью матери. В пламени догорающей свечи Мария ловко прошмыгнула мимо дочери и забралась под одеяло. Потом затушила пальцами свечной огарок, откинула голову на твердую подушку, набитую соломой, и уставилась в темноту. Несмотря на то что на дворе стояла теплая ночь, в пещере было зябко, и Мария невольно содрогнулась, вдохнув в себя затхлый, пропитанный зловониями воздух. Ей захотелось, чтобы в эту минуту рядом с ней оказался Хозе, чтобы он обнял ее, приласкал, прогнал прочь все те страхи и сомнения, которые терзают ее душу, когда она начинает думать о будущем. Но сильные руки Хозе уже не хотят более ласкать расплывшееся тело женщины, потерявшее всю свою былую привлекательность

после рождения пятерых детей и вечного недоедания. Мария отлично понимала, что в свои тридцать три года она выглядит гораздо старше своих лет.

– *За что мне все это?* – беззвучно спросила она небеса и Деву Марию. Так и не дождавшись ответа, устало закрыла глаза и погрузилась в сон.

11

– Почему я всегда должна помогать тебе на кухне? – недовольно бурчала Лусия, пока Мария тащила ее вслед за собой на кухню. – Вон папа, Карлос, Филипе, сидят себе на улице днями напролет, тренькают на гитаре, а мы тут вкалываем за всех!

Наступило еще одно утро. День только начался, а Мария уже чувствовала безмерную усталость от одной только мысли, сколько дел ее еще ждет впереди.

– Варить еду – это женское занятие, Лусия. Ты это и без меня хорошо знаешь. – Мария вручила дочери тяжелый чугунный горшок. – Мужчины отправляются на заработки, а мы, женщины, делаем всю работу по дому. А потому перестань хныкать. Лучше почисти вон те овощи!

– Но я ведь тоже зарабатываю деньги! Когда я танцую вместе с папой в разных кафешках, папа только собирает монетки, которые мне бросают, да выпивает рюмку-другую, если его угощают. А мне после всего этого приходится еще и овощи чистить. Так почему я должна делать все? Когда-нибудь настанет день, когда я переселюсь из этой пещеры, не стану больше жить, словно какое-то животное. У меня будет красивый большой дом с настоящими полами из дерева, а не такой, как у нас, земляной пол. И будет собственная спальня! – Лусия обвела презрительным взглядом родительскую пещеру. – Почему у нас нет такой машинки, которая сама готовит всю еду? Я видела такую машину на кухне у одного богатого сеньора, когда мы с папой выступали в его доме. И у них есть женщина, которая делает всю работу на кухне. Я тоже со временем обзаведусь либо такой машиной, либо собственной поварихой. – Лусия зашвырнула очищенные овощи в котелок с кипящей водой. – А еще у них есть водопровод, которым пользуется только их семья. Представляешь, как здорово? – мечтательно добавила она, прижав на мгновенье к груди последнюю морковку, а потом отправила ее в котелок вслед за другими овощами.

– А пока сходи и принеси воды из нашего общего водопровода, – приказала Мария и вручила кувшин, оборвав фантазии дочери на полуслове.

– А что, мальчишки не могут принести воды? До этой колонки тащиться и тащиться, а я уже устала.

– Зато болтать ты не устала. Тараторишь без умолку! – прикрикнула на дочь Мария. – Ступай!

– Когда-нибудь, в один прекрасный день, *у меня* тоже будет собственный водопровод. Вот! – огрызнулась напоследок Лусия.

– А я в один прекрасный день умру от изнеможения, – пробормотала про себя ее мать.

Из мальчиковой спальни послышался надрывный кашель, а через пару секунд на кухне возникла тщедушная фигурка Филипе. Он яростно тер кулачками глаза, стараясь окончательно проснуться.

– А что у нас на завтрак, мама? – спросил он все еще сонным голосом. – Опять каша?

– Да. Я приготовила тебе мятный настой от кашля, милый.

Филипе скорчил недовольную рожицу, но уселся за стол и стал хлебать ложкой водянистую кашу из маиса.

– Ненавижу этот мятный настой!

– Но он же тебе помогает. Сразу становится легче дышать. Надо будет обязательно снова сходить к Микаэле. Может, она даст тебе какое-нибудь средство по сильнее.

Филипе испуганно раскрыл глаза во всю ширь и залпом осушил кружку с настоем мяты, которая стояла перед ним.

– Интересно, где это твой братец Карлос обитает? – спросила Мария у младшего сына. – Эдуардо сказал мне, что собирался сегодня взять его с собой в кузницу. Он уже достаточно взрослый мальчик. Может начинать обучаться кузнечному делу, как и его старший брат.

Филипе лишь молча пожал плечами в ответ и уткнулся носом в тарелку, избегая встречаться взглядом с матерью. Мария знала, мальчишка никогда не выдаст своего обожаемого брата.

И тут же, словно по сигналу, в пещере появился Карлос. Один глаз у него был сильно подбит.

– Привет, мама, – спокойно поздоровался он с матерью и плюхнулся на табурет рядом с братом.

Вместо того чтобы подать сыну миску с кашей, Мария склонилась над ним и внимательно обозрела нежную кожу вокруг затекшего кровью глаза.

– Что это, Карлос? С кем ты подрался на сей раз? – требовательно спросила Мария.

Карлос слегка отстранился от матери.

– Да это же ерунда, мама. Перестань зря шуметь...

– Опять, значит, дрался за деньги, да? Я не такая дурочка, Карлос. Знаю, мне рассказывали, что творится в заброшенных пещерах на самой вершине горы.

– Да нет же, мама. Просто вышла небольшая стычка с Хуаном из-за одной девчонки. Честно!

Мария лишь слегка прищурилась в ответ и молча подала сыну кашу. Иногда ее охватывало откровенное отчаяние при мысли о том, что все мужчины в ее семье не обращают ровным счетом никакого внимания ни на то, что она говорит, ни на то, что она делает. Разве что ее любимец Эдуардо прислушивается к маминым словам.

– Ты слышала новость, *mi amor*?

В пещеру вошел Хозе, Мария глянула на мужа. Он снял с головы черную шляпу с загнутыми полями, защищавшую глаза от яркого утреннего солнца.

– Что за новость? – сдержанно поинтересовалась Мария.

– В июне в Альгамбре пройдут состязания на лучшее исполнение фламенко. – Хозе уселся за стол напротив сыновей, даже не глянув на подбитый глаз Карлоса.

– Ну, и что из того? – Мария поставила перед мужем миску с кашей.

– А то, что в этом состязании могут принимать участие и любители! *Конкурс глубокой песни*, вот что это! Наш великий композитор Манюэль де Фалья задумал устроить самую настоящую фиесту фламенко – музыка, песни, танцы. И никаких профессиональных артистов старше двадцати одного года. Поскольку я уже давно не выступаю как профессионал, то вполне могу поучаствовать в этом состязании.

– И я тоже, – вполголоса пробормотала Мария.

– Конечно, и ты тоже можешь. Но разве ты не понимаешь, какой отличный шанс появляется у нашей Лусии? Там ведь будут все-все-все знаменитости: сам дон Антонио Чакон будет заседать в судейской коллегии. Ходят слухи, что даже прославленная Хуана ла Макадрона примет участие в выступлениях, но, по условиям конкурса, она не будет соревноваться с остальными участниками.

– Так ты говоришь, что хочешь отправить на этот конкурс Лусию?

– Конечно!

– Но, Хозе, ей ведь всего лишь десять лет!

– Что не мешает ей уже быть королевой танца. – Хозе развернул руки ладонями вверх, а потом негромко прихлопнул в ладоши, выдавая тем самым свою внутреннюю взволнованность.

– Наверняка там у них будут, Хозе, особые правила в том, что касается участия детей. Иначе все честолюбивые родители захотят продемонстрировать судьям своих маленьких Макаронн, – вздохнула Мария.

– Наверное, ты права, но я все равно найду способ, как явить миру талант нашей дочери. А ты должна будешь сшить ей платье с таким длинным шлейфом, чтобы ее наряд сразу же бросался в глаза зрителям, – сказал Хозе и закурил очередную сигару.

Густые клубы табачного дыма поплыли над кухонным столом. Мальчишки поспешно доели свою кашу и тотчас же вышмыгнули из пещеры на улицу, догадавшись, что между родителями явно назревает ссора.

– У нас нет денег даже на пропитание, – ответила Мария, глядя на мужа. – Откуда же прикажешь мне взять деньги на новое платье для Лусии?

– Клянусь, я раздобуду эти деньги, – беспечно отмахнулся тот. – Быть может, это наш единственный шанс. Мы не должны его упустить.

– Но поклянись мне, Хозе, что ты не украдешь эти деньги. Умоляю тебя! – взмолилась Мария.

– Конечно, не украду! Что за глупости! Клянусь тебе именем своего отца! А ты же знаешь, я всегда держу свое слово! – Он широко улыбнулся и попытался обхватить жену за талию, но она выскользнула из его рук и поспешила вслед за сыновьями на улицу: надо закончить плетение корзины.

Мария медленно побрела в хлев, где хранила свои материалы для плетения, бок-о-бок с тощим мулом и козой. Ее единственное требование, которое она всегда предъявляла Хозе и сыновьям, – не красть. Никогда не брать чужого, как бы трудно им ни жилось. Она знала, что многие нуждающиеся цыганские семьи, обитающие в Сакромонте, не чурались такого заработка, и при случае какой-нибудь сорвиголова из местных мог запросто опустошить карманы зеваки на базарной площади. Как правило, кончалось все это плохо: воришек ловили и отправляли за решетку. Или суровый испанский судья выписывал им такой штраф, который многократно превышал сумму того, что было украдено. Закон не проявлял снисхождения к цыганам.

Пока ее семью бог миловал: Мария полагала, что ни муж, ни сыновья не промышляют воровством и держат когда-то данное ими слово. Но возбуждение, охватившее Хозе, блеск его глаз, все это красноречивее всяких слов говорило о том, что муж не остановится ни перед чем, чтобы раздобыть деньги на платье для Лусии.

Выйдя из хлева, Мария взглянула на Альгамбру и невольно вспомнила, как совсем недавно дочь говорила ей, что она обязательно будет танцевать там в один прекрасный день. И тут Марию осенило. Она поняла, что ей надо сделать. Еще раз вздохнула и смахнула слезы, наворачнувшиеся на глаза. Немного успокоилась и вернулась в пещеру, застав Хозе выскабливающим остатки каши из котелка.

– Я перешью для Лусии свой наряд, в котором танцевала когда-то фламенко, подгоню по ее меркам, – объявила она мужу.

– Правда? Ты пойдешь на такой шаг ради дочери?

– Если это поможет уберечь тебя, Хозе, от тюрьмы, то да, пойду.

* * *

– Mamочка, ты слышала? Я буду танцевать в Альгамбре! А я же говорила тебе, что буду! Помнишь?

Лусия вонзила свои крохотные ножки в землю, а потом лихо отбила ими чечетку.

– Папа говорит, что на меня будут смотреть тысячи зрителей, и меня заметят и пригласят в Мадрид или Барселону, и я стану там звездой!

– Да, слышала, милая. Очень радостная новость.

– А ты, мамочка, будешь выступать? Папа будет, он говорит, что я должна украдкой пробраться на сцену, как только он начнет играть на своей гитаре. Говорит, что я еще слишком маленькая, чтобы меня допустили к выступлению по всем правилам. Ну, и как тебе папин план? Хороший, *si*?

– Хороший, но прошу тебя, Лусия, – Мария приложила палец к губам, – об этом никому ни слова. Это наш секрет. Если кто-то узнает про то, что задумал твой отец, он может помешать, и тогда ваш план сорвется. Понимаешь меня?

– *Si*, мамочка. Обещаю, я буду молчать. А сейчас я пойду, потренируюсь.

Спустя два дня Мария взяла в руки ножницы и извлекла из сундука свое красивое платье фламенко. Насыщенного темно-красного цвета, расшитое белыми, черными кружевами и воланами. Когда-то она сама пришивала к платью все эти кружева. Она вспомнила, с какой радостью облачалась в этот наряд, когда была молодой, как сразу же преображалось ее тело, туго затянутое в корсет, как красиво опадали рукава с ее нежных плеч. А сейчас у нее было такое чувство, будто она собирается резать по живому собственное сердце, навсегда прощаясь со всеми своими девичьими мечтами, которым так и не суждено было сбыться. А ведь мечталось о счастливой любви, о довольных жизнью детках и о том, как, танцуя вместе с красавцем-мужем, они устремятся навстречу прекрасному будущему.

Чик! Чик! Чик! – проворно щелкали ножницы, отрезая один волан за другим и роняя их на землю. Мария оставила всего лишь несколько воланов и немного кружев, только то, что велел оставить Хозе.

Закончив, Мария сгребла в кучу обрезки от своего бывшего платья. Она понимала, что их еще можно использовать для украшения других платьев или пустить в ход для оторочки одной из своих юбок или жилеток, однако снова взяла в руки ножницы и продолжила кромсать обрезки до тех пор, пока от них не осталась лишь небольшая кучка маленьких кусочков ткани. Их Мария сгребла в корзину, подошла к печке и бросила в огонь.

* * *

Знойным июньским утром начался первый *Concurso de Cante Jondo* – Конкурс глубокой песни. Население Сакромонте увеличилось по крайней мере раз в двадцать, если не больше. Те цыгане, которые съехались в Гранаду со всей Испании и не смогли найти себе пристанище у родных и близких в самой деревне, разбили шатры прямо на горном склоне, вдоль узких тропинок, связующих пещеры Сакромонте друг с другом, а также в оливковой роще, которая раскинулась у подножья самой горы.

Приехали и дальние родственники Хозе из Барселоны: их каталонский акцент был таким же сильным, как и их аппетит. Мария приготовила огромный чан своего коронного блюда *puchero a la gitanilla* – жирное мясное рагу с овощами и турецким горохом, для которого пришлось, как ни жаль, пожертвовать самой старой из кур.

Рано вечером родственники из Барселоны снялись с места и двинулись дальше, прихватив с собой Филипе, который сгорал от нетерпения совершить вместе со взрослыми долгий спуск с горы в долину реки Дарро, а там снова подняться по склону уже другой горы к Альгамбре.

– Филипе, будь осторожен и веди себя как следует. И чтобы домой вернулся не слишком поздно, – напутствовала сына Мария, помогая ему повязать ярко-голубой шарф вокруг талии. Мальчишка тотчас же выскользнул из ее рук, она даже не успела отряхнуть грязь с его курточки.

– Ну, хватит, мама! – пробормотал он негромко, и его худенькое личико покрылось краской смущения, когда он перехватил насмешливые взгляды двух своих юных кузин, обращенных на него.

Мария молча проследила за тем, как они все вместе веселой гурьбой, к которой присоединились и многие из деревенских парней и девушек, двинулись вниз по дороге. Вся молодежь была нарядно одета, сапоги парней надраены до блеска, как и темные волосы, обильно умащенные маслом.

– В нашей деревне еще никогда не было столько народу, просто кишмя кишат, – обронил Хозе, пытаясь пробраться мимо цыганской семьи из шести человек, которые разбили свой шатер прямо на пыльной дорожке рядом с их пещерой. – А ведь многие из тех, кто приехал сегодня, когда-то по своей воле уехали из Сакромонте и поклялись никогда более не возвращаться сюда. Можно сказать, наплевали на всех нас тогда, а сегодня снова вернулись в родные места, – подытожил он с чувством глубокого удовлетворения, пропуская жену в пещеру.

«Ты же тоже когда-то уезжал отсюда, а потом снова вернулся...»

Впрочем, предстоящий конкурс был для их деревни действительно событием из ряда вон: почти на целую неделю Сакромонте станет центром вселенной под названием фламенко. А фламенко для любого цыгана – это и *есть его вселенная*. И именно поэтому все представители их многочисленного клана съехались сюда, многие – из самых отдаленных мест. Всем хотелось лично поучаствовать в столь важном событии. Из всех пещер вырывались наружу клубы дыма: хозяйки из всех сил старались приготовить достаточное количество еды, которой можно будет наполнить желудки гостей. В воздухе стойко витал запах немытых человеческих тел, пахло навозом от десятков мулов, на которых прибыли гости. Мулов привязали в тени оливковых рощ. Они стояли, разомлевшие от жары, понуро опустив ресницы и отгоняя своими большими ушами назойливых мух. Всякий раз, когда Мария снова и снова отправлялась по воду, она неизменно встречала по пути множество знакомых лиц. Большинство из этих людей она не видела долгие годы. И все задавали ей один и тот же неизменный вопрос: «Когда мы сможем увидеть твоё выступление?»

А когда она отвечала им, что не будет принимать участия в танцевальном конкурсе, многие тут же начинали возмущаться.

– Но как так, Мария? Ты обязательно должна выступить. Ты же одна из лучших исполнительниц фламенко!

Вначале она пыталась отделаться общими отговорками: дескать, она уже давно завязала с танцами, у нее слишком большая семья, и дома хватает дел, успевай только поворачиваться, но в ответ ей кричали: «Нет таких дел, ради которых можно отказаться от танца! Фламенко у тебя в крови!». И тогда Мария и вовсе перестала объяснять причины своего неучастия в конкурсе. Даже ее собственная мать, будучи одной из самых состоятельных жительниц Сакромонте, которая всегда предвзято относилась к искусству танца, считая, что цыгане, танцуя фламенко, продают себя и свои тела испанцам, даже она искренне удивилась, когда Мария сказала ей, что не будет участвовать в конкурсе.

– Какая жалость, что ты утратила свою былую страсть к танцам, – недовольно обронила Паола. – Впрочем, ты многое растеряла за минувшие годы.

Постепенно, по мере того как жители Сакромонте и их многочисленные гости устремились по петляющей дороге вниз, к подножью горы, утихал перезвон гитар, смолкал непрерывный топот ног. Мария смотрела вслед этой шумной толпе, растянувшейся красочной разноцветной лентой по всей длине дороги, и пыталась ощутить в себе самой хотя бы частицу радости, приобщиться к этому всеобщему ликованию, но душа ее была мертва. Минувшей ночью Хозе завалился в постель лишь под самое утро, от него сильно разило дешевыми духами. Карлоса Мария тоже не видела со вчерашнего дня. Рядом с ней оставался лишь Эдуардо, всячески помогавший матери в ее хлопотах по дому: то отнести, то подать.

– Мне тоже надо идти, – объявил Хозе, выходя из пещеры на улицу. Он был очень красив в своей белоснежной рубашке, отороченной кружевами, черные брюки, широкий пояс. – Ты

знаешь, что нужно делать с Лусией. Только смотри, не опоздайте, – предупредил он жену, перекидывая гитару через плечо, и заторопился прочь, догоняя остальных.

– *Buene suerte!* Удачи тебе! – напутствовала Мария мужа, но Хозе даже не повернул голову, чтобы ответить на пожелание жены.

– Тебе нездоровится, мама? – спросил у нее Эдуардо. – Вот, попей немного водички. У тебя очень усталый вид.

– Спасибо, сынок. – Она взглянула на Эдуардо с благодарной улыбкой и, взяв протянутую кружку, осушила ее до дна. – Ты Карлоса случайно не видел?

– Видел с самого утра. Торчал в баре вместе со своими друзьями.

– Он придет ночевать?

– А кто его знает, – Эдуардо раздраженно повел плечами. – Он был слишком пьян, чтобы начинать с ним разговоры.

– А ведь ему еще только пятнадцать лет, – тяжело вздохнула Мария. – Ступай, сынок, догоняй своего отца. А мне нужно еще помочь Лусии переодеться.

– Она уже дожидается тебя в спальне.

– Вот и хорошо. Уже иду.

– Мама... – Эдуардо замялся на мгновение. – Ты одобряешь папин план? Ведь сестре едва исполнилось десять лет. А там сегодня вечером соберется толпа народа. Несколько тысяч человек как минимум. Она не опозорится? Не опозорит папу? И всех нас заодно... Будет смотреться на сцене такой дурочкой, и только.

– Эдуардо, твоя сестра никогда не выставит себя дурочкой. А мы все должны верить отцу: он знает, что делает. Что ж, пока, сынок. Увидимся позже, в Альгамбре. Вот одену Лусию и присоединюсь к вам.

– *Si*, мама.

Эдуардо поспешил на улицу, а Мария вернулась назад в пещеру. Несмотря на яркое полуденное солнце, в кухне царил полумрак.

– Лусия, – окликнула она дочь. – Пора собираться. – Мария слегка отодвинула занавеску и вошла в спальню, утопавшую в крошечной темноте.

– Да, мама, – вяло отозвалась дочь.

Мария нащупала пальцами коробок со спичками и свечу, стоявшую рядом с кроватью. Что-то голосок у Лусии совсем не такой, как обычно.

– Уж не заболела ли ты? – встревожилась Мария, разглядывая свою маленькую дочурку, свернувшуюся калачиком на соломенном тюфяке рядом с кроватью.

– Нет...

– Тогда что случилось?

– Я... я боюсь, мамочка. Там столько людей... Может, давай никуда не пойдем и останемся здесь? Ты приготовишь мне те маленькие пирожные, которые я так люблю, и мы с тобой на пару съедим их целую тарелку. А когда папа вернется домой, скажем ему, что мы заблудились по пути, а?

В тусклом пламени свечи глаза Лусии казались особенно огромными и блестящими, и в них плескался откровенный страх. Мария обняла девочку и усадила к себе на колени.

– Голубка моя, тебе нечего бояться, – проговорила Мария ласково и начала осторожно раздевать девочку. – Какая тебе разница, сколько людей будет смотреть на тебя, когда ты танцуешь? Ты закрой глазки и представь себе, что танцуешь здесь, у себя дома, на кухне, передо мной, папой, твоими братьями.

– А что, мамочка, если ко мне не придет на помощь тот чертенок *duende*? Что, если я не почувствую в себе желания танцевать?

Мария взяла платице, которое она смастерила для дочери.

– Не переживай, голубка моя. Уверю тебя, как только ты заслышишь барабанную дробь и звуки гитары своего отца, в тебе немедленно проснется это желание, и ты тут же забудешь обо всем на свете. Ну, вот! – Мария застегнула последний крючок на худенькой спинке дочери. – Ступай, взгляни на себя в зеркало, милая.

Она сняла дочь со своих колен, и Лусия вихрем помчалась в другую комнату, шлейф взметнулся за ней высоко в воздух, словно голодная акула, приготовившаяся к нападению на свою жертву. Минувшие две недели Мария старательно обучала дочь тому, как надо правильно управляться со шлейфом, чтобы не запутаться в нем. Мало ли что? Вдруг девочка при виде стольких людей оробеет, наступит ненароком и упадет. Вот позору-то будет. Однако, как и во всем остальном, что касалась танца, Лусия схватывала все буквально на лету, тут же приспособливая полученные навыки к своему таланту. Вот и сейчас Мария увидела, как Лусия профессиональным движением руки приподняла шлейф, чтобы он не мешал ей при ходьбе, и повернулась к матери.

– Как я выгляжу, мамочка?

– Ты сейчас похожа на самую настоящую принцессу. А теперь нам пора в путь. Ты пока спрячь шлейф под накидкой, чтобы его никто не увидел. – Мария наклонилась и потерлась носом о нос дочери. – Готова? – Она подала Лусии руку.

– Готова.

Мария оседлала их мула по имени Пака и посадила Лусию к нему на спину, проследив за тем, чтобы шлейф платья дочери был надежно спрятан от посторонних глаз. Они присоединились к отставшим, примкнув уже к самому хвосту процессии, неспешно двигавшейся вниз по склону горы. Чем ближе они подходили к Альгамбре, чем тяжелее сопел их Пака, преодолевая очередной крутой подъем, тем все радостнее и оживленнее делалась Лусия, беспрестанно маша рукой, приветствуя друзей и соседей. Вот какая-то пожилая цыганка затянула песню, ее слегка хрипловатый голос весело подхватил легкий июньский ветерок, Мария с дочерью стали прихлопывать в такт мелодии, влившись своими голосами в общий хор односельчан, тут же присоединившихся к песне.

Спустя два часа они наконец приблизились к внутренним воротам, ведущим из города в крепость Альгамбра, их еще называют Воротами Справедливости. Люди тоненьким ручейком устремились через узкий проход, похожий на замочную скважину, к главной площади Альгамбры. Мария помогла Лусии слезть с мула, а его привязала поблизости под кипарисом, где, к счастью, имелся и небольшой пятачок зеленой травы.

Несмотря на то что уже было шесть часов вечера, солнце продолжало жарить с прежней силой, солнечные блики скользили по стенам крепости. Повсюду шла бойкая торговля. Продавали кто что может: воду, апельсины, сушеный миндаль. Мария крепко держала дочь за руку, боясь потерять ее в этой разноликой и шумной толпе, они медленно пробирались туда, откуда доносились звуки многочисленных гитар и громкий перестук сотен пар ног, отбивающих чечетку. Величественные крепостные стены из красного камня возле площади Альхибес, где проходили основные состязания, были подсвечены прожекторами, что создало неповторимый по своей красоте фон для всего сценического действия. Мария потащила дочь к Винным воротам, возле которых они должны были встретиться с Хозе. Она глянула под ноги и увидела, что мозаичные полы в крепости сплошь усыпаны бутонами лаванды: это было сделано с одной целью – перебить стойкий запах сотен потных тел, сбитых в одну тесную кучу.

– Мамочка, я хочу пить. Давай присядем на минутку и попьем водички, ладно? – Девочка безвольно опустила на землю, а Мария принялась торопливо шарить в своей корзине, чтобы найти там железную фляжку с водой, которую она прихватила с собой в дорогу. Мария пристроилась рядом с дочерью, и в этот самый момент раздался гром оваций, оповещавший всех остальных, что на сцену поднялся очередной участник состязания.

– Да ты только взгляни на него! – услышала она чей-то насмешливый голос рядом с собой. – Вылитый покойничек!

Толпа экзальтированно подалась вперед, Мария схватила дочь за руку, и обе они вовремя увернулись в сторону, чтобы не быть затоптанными. Зато сейчас Марии была хороша видна тщедушная фигурка человека с гитарой, стоявшего на сцене. Это был очень древний старик.

– Сам Эль Тио Тензас! – негромко воскликнул чей-то невидимый голос рядом с ними. Старик принялся настраивать свою гитару, и тут же вокруг стало тихо. Даже с такого большого расстояния Марии было видно, как сильно дрожат у него руки.

– Когда-то он был очень знаменит, – прошептала ее соседка.

– Говорят, он добирался сюда пешком, шел целых два дня, – заметил еще кто-то.

– Мапочка, мне ничего не видно! – пожаловалась матери Лусия, дернув мать за подол юбки. Мужчина, стоявший рядом с ними, тут же подхватил девочку на руки.

Между тем старик на сцене тронул струны своей гитары и запел неожиданно сильным и громким голосом. В толпе зрителей сразу же прекратились всяческие смешки и разговоры: все слушали молча. Он пел старинную цыганскую песню, сразу же вернувшую Марию в те далекие времена, когда эту же самую песню пел ее дедушка: печальная и грустная мелодия *cante grande*. Сколько раз Мария слышала, как поет ее дедушка. Как и все собравшиеся, она внимала каждому слову, больно ранившему душу и проникавшему до самых глубин сердца. Ведь Эль Тензас оплакивал утрату своей возлюбленной, которая была для него любовью всей жизни.

Старик закончил петь, и раздались громкие крики «браво». «*Otra! Otra!*» – слышалось со всех сторон. Старик снискал ошеломляющий успех, особенно если учесть, какой строгой и взыскательной была собравшаяся здесь сегодня публика.

– Вот ему точно *duende* помог. Правда, мама? – обратилась Лусия к матери, когда ее снова опустили на землю. Но тут чья-то сильная рука схватила Марию за плечо. Она повернулась и увидела мужа.

– Куда вы запропастились? Я же велел ожидать меня возле Винных ворот. Поторопитесь! Мы выступаем через одного.

– Нас сюда толпой прибило, – стала объяснять Мария, крепко держа дочь за руку, пока они, ведомые Хозе, пробирались сквозь толпу поближе к сцене.

– Но, хвала богам, я вас нашел! Иначе бы наша затея полетела ко всем чертям. Спрячьтесь вон за тот кипарис, и приведи ей волосы в порядок, – приказал он жене. Между тем толпа снова взорвалась криками и аплодисментами, приветствуя очередного исполнителя. – Мне пора. Ну, моя крошка! – Хозе наклонился к дочери и взял ее маленькие ручки в свои. – Делай все так, как мы делали дома. Дождись четвертого аккорда, потом я крикну '*Ole!*', и ты тут же прямо отсюда мчишь на сцену.

– Папочка, я хорошо смотрюсь? – спросила у него Лусия, пока Мария снимала с нее накидку и расправляла шлейф, который дома предусмотрительно подколола к спинке платья.

Но Хозе уже устремился к сцене.

Сердце Марии забилося в такт музыке, звучавшей со сцены, а сама она в этот момент, объятая страхом, думала лишь об одном: уж не сразила ли ее супруга какая-нибудь душевная болезнь? Не сошел ли он с ума ненароком, вообразив, что его план может сработать? Здесь и сейчас. Она глянула на свою маленькую дочурку, понимая, что если у девочки – не дай бог! – сдадут нервы, а потом ее свистом и улюлюканьем прогонят со сцены, то она тут же превратится в посмешище не только в своем родном Сакромонте. Все цыгане Испании станут смеяться над ней.

«Пресвятая Дева Мария, защити мою любимую дочь...»

Как же быстро закончилось выступление очередного участника состязаний. Вот он ответил поклон публике, принявшей его исполнение весьма сдержанно, и удалился прочь. На сцену поднялся Хозе.

– Жаль, мамочка, что у меня нет башмачков. Тогда бы моя чечетка звучала еще громче, – вздохнула Лусия с сожалением в голосе.

– Зачем тебе башмачки, голубка моя? Твоим ножкам поможет сам *duende*. Этот чертенок уже ждет твоего выхода.

Как только Хозе начал играть, Мария слегка подтолкнула дочь в спину.

– Беги, Лусия, беги! – крикнула она ей, и девочка пулей помчалась к сцене, придерживая своей маленькой ручкой длинный шлейф.

– *Ole!* – крикнул Хозе, сделав паузу после четвертого аккорда.

– *Ole!* – взревела в ответ толпа, а Лусия уже проворно вскарабкалась на сцену и заняла место прямо по центру.

И тут же раздалось возмущенные голоса и крики недовольных.

– Уберите ребенка прочь!

– Этой девочке место в колыбели!

Мария в ужасе увидела, как какой-то здоровяк карабкается по ступеням на сцену, направляясь прямо к ее дочери. Между тем Лусия уже стала в начальную позицию, высоко вскинув руки над своей головкой. И вот послышался негромкий звук ритма, который уверенно отбивали ее маленькие ножки. Девочка даже не шелохнулась, даже не взглянула в ту сторону, откуда на нее надвигалась угроза. Она продолжала отбивать свой гипнотический ритм, завораживающий всех вокруг. Здоровяк попытался подойти к ней вплотную и схватить за руку, но был остановлен другим мужчиной. Лусия сделала поворот вокруг себя, все еще сохраняя начальную позицию рук над головой, ножки продолжали уверенно барабанить по сцене. Но вот она снова развернулась к публике лицом и стала хлопать в ладоши в такт движениям своих ног. Подбородок вскинут вверх, глаза устремлены к небесам.

– *Ole!* – крикнула она, обращаясь к отцу, и тот снова заиграл на гитаре.

– *Ole!* – радостными криками подбодрили юную артистку собравшиеся зрители, а она все продолжала и продолжала бить свою чечетку. Мария восхищенно наблюдала за тем, как ее дочь, казалось, заполнила собой все пространство сцены, каким волшебным прекрасным был поворот ее головки. Публика тоже замерла в немом восхищении. Мария глянула в глаза дочери. В свете прожектора, выхватывающего ее из сгущающейся темноты, они сверкали словно две звезды, горели каким-то неземным огнем. И Мария поняла, что в эту минуту ее дочь находится далеко-далеко отсюда, в каком-то ином измерении, в том мире, куда ей, ее матери, никак не попасть, пока дочь не закончит свой танец.

Голос Хозе, когда он принялся подпевать дочери, не очень глубокий и не очень сильный, потому как голос никогда не был его преимуществом, на сей раз развернулся во всю мощь легких и буквально грохотал, эхом отскакивая от окружающих скал.

Мария вздохнула в изнеможении, оторвав взгляд от мужа и дочери и переведя его на крепостные башни Альгамбры. Силы оставили ее, Мария почувствовала, как у нее подкосились ноги и закружилась голова, и она безвольно опустилась на землю.

Сегодня, и она это знала точно, она навсегда потеряла и мужа, и дочь.

Но уже через минуту-другую сознание снова вернулось к ней. Вокруг нее грохотали овалции, которым, казалось, не будет конца.

– Вам плохо, сеньора? Вот! – Какая-то женщина протянула ей фляжку с водой. – Выпейте немного воды, здесь очень душно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.